

И. М. ОТАРОВ

81623 93-3

080

123 99 33

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОГО
ЯЗЫКА

НАЛЬЧИК · 1996

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, ЭКОНОМИКИ
КБНЦ РАН

И. М. ОТАРОВ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

1239933

НАЛЬЧИК
«ЭЛЬБРУС»

1996

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
(НАЦИОНАЛЬНАЯ) БИБЛИОТЕКА
Кабардино-Балкарской Республики
г. Нальчик, ул. Ногмова, 42

УС/Карач
0-80

Печатается по постановлению Ученого совета
Института истории, филологии и экономики КБНЦ РАН
от 14 марта 1995 г.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
А. А. Жаппуев

Рецензент доктор филологических наук
профессор Ж. М. Гусев

О $\frac{4602000000-084}{M125(03)-96}$ Без объявления

ISBN 5-7680-1063-7

© Отаров И. М., 1996

ВВЕДЕНИЕ В ЛЕКСИКОЛОГИЮ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Предмет и задачи лексикологии

Лексикология (гр. *lexikos* — относящийся к слову, *logos* — учение) — это раздел науки о языке, изучающий словарный состав языка, или лексику.

По своему составу лексика современного карачаево-балкарского языка представляет собой сложную систему, состоящую из разных по значению и происхождению, по сфере употребления и стилистической окрашенности групп слов.

В отличие от других систем языка существенной особенностью лексики является ее непосредственная обращенность к объективному миру (Бардаев, 1985, 3). «Именно лексика, как чуткий и безобманный отметчик, прямо и непосредственно регистрирует все изменения в производстве, быте, культуре, а также все сколько-нибудь значительные взаимные сношения и влияния между пародами. Другие стороны языка (фонетика, морфология, синтаксис) либо вовсе не отражают этих явлений, либо отзываются на них весьма медленно и скупо» (Абаев, 1952, 40). Возникающие в жизни общества новые явления влекут за собой создание новых названий или изменения значений слов. Такая тесная связь лексики с объективной действительностью обуславливает ее подвижность — способность слов изменять свое значение, появление новых слов и выражений, вытеснение из употребления устаревших единиц языка и т. д.

Лексикология является сравнительно молодым разделом языкознания. Характеризуя в конце XIX века состояние науки о языке, выдающийся ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ предсказывал: «Лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX века» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, 17). В настоящее время лексикология занимает важное место в системе лингвистических дисциплин, являясь одной из продуктивно развивающихся отраслей современного языкознания (Кузнецова, 1989, 4).

Вместе с тем следует отметить, что в карачаево-балкарском языкознании, как и во всей тюркологии, заметно отстаёт разработка проблем лексикологии. «Главной причиной этого обстоятельства является то, что ещё недостаточно выявлен сам объект изучения — полный словарь каждого из конкретных живых тюркских языков, отсутствуют полные словари древнетюркских, среднетюркских и более поздних тюркских памятников, нет полноты также в публикации диалектов лексики» (Мусаев, 1984, 3).

Первые более подробные сведения по карачаево-балкарской лексике были опубликованы в работах венгерского ученого В. Прёле в первые десятилетия XX века (Прёле, 1909; Прёле, 1914—1915). Все остальные работы по карачаево-балкарской лексикологии изданы в основном за последние три десятилетия. К ним относятся: «Русско-карачаево-балкарский словарь» / Под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М., 1965; Х. М. И. Хаджилаев. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970; А. А. Жаппуев. Термины земледелия в карачаево-балкарском языке. Автореф.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974; Х. И. Суюнчев. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977; И. М. Отаров. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви). Нальчик, 1978; Б. Х. Мусукаев. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981; М. А. Хабичев. К гидропонимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982; М. З. Улаков. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке. Автореф.: дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1983; Ж. М. Гузеев. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984; Б. Х. Мусукаев. Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик, 1984; Ж. М. Гузеев. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985; И. М. Отаров. Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987; Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М., 1989; М. З. Улаков. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1994 и др. Изданы также отраслевые словари: Х. Х. Кадиев, Х. С. Малкандуев. Русско-балкарский политико-терминологический словарь. Нальчик, 1961; Дж. Н. Коков, С. О. Шахмурзаев. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

Одним из основных разделов лексикологии является **семасиология** (греч. *semasia* — значение, *logos* — учение), или **семантика** (греч. *sema* — знак). Семасиология изучает

все вопросы, связанные со значением слова: многозначность слова, омонимику, вопросы синонимии и антонимии.

Кроме того, в лексикологии изучаются слова с точки зрения их места в общей системе лексики. Одни слова вполне современные, давно освоенные, наиболее активные (*суу* «вода», *алты* «шесть», *жангы* «новый», *трактор*, *поезд* и др.). Им можно противопоставить, с одной стороны, слова устаревшие (*абустол айы* «ноябрь», *дууана* «дьявол», *жасакъ* «налог» и т. д.), а с другой стороны, слова новейшие, появившиеся недавно (*диагноз*, *гипноз*, *айырыучу* «избиратель» и др.).

Исследуя лексику с точки зрения ее происхождения, карачаево-балкарская лексикология выявляет общетюркские исконные и заимствованные слова, а также карачаево-балкарские и монгольские параллели, что «не безынтересно как для сторонников алтайской теории, так и для не признающих ее, так как карачаево-балкарский язык на протяжении многих веков развивался в условиях почти полной изоляции от монгольских и тюркских языков, что исключает возможность позднейших монгольских заимствований» (Суюнчев, 1977, 17).

Состав лексики карачаево-балкарского языка не является однородным. В нем различаются слова, с одной стороны, общие для всей группы родственных языков и, с другой — слова, заимствованные из языков, не находящихся в генетическом родстве с ним. В первую группу слов словарного состава, в свою очередь, объединены слова разного происхождения, а именно: а) общетюркского пласта, б) тюркизмы, в) исконно карачаево-балкарские слова (Хаджилаев, 1970, 46).

Одной из проблем лексикологии является стилистическая неоднородность карачаево-балкарского языка. Одни слова являются нейтральными по стилю (*адам* «человек», *кёз* «глаз», *чап*-«бежать», *тогъуз* «девять», *осал* «плохо»), другие — грубоватыми и вульгарными (*буштукъла*-«жрать», *жанша*-«болтать», *гимхот* «рыло», *жух* «морда»), третьи представляются книжными, официальными или торжественными (*азатлыкъ* «свобода», *махтау* «слава», *орнат*-«водрузить»).

В лексикологии исследуется также неоднородность лексики с точки зрения сферы ее употребления. Большинство карачаево-балкарских слов общенародно, некоторые слова употребляются только людьми определенной профессии (*шынтагы* «толстая нитка из шерсти», *къарасауут* «черненное серебро») или жителями определенной местности

(ц. д. *шөндю* «сейчас» — лит. *бусагъатда*, *кюштел* «кадка» — лит. *чыккыр*).

В разделе лексикологии, который называется **фразеологией** (греч. *phrasis* — род. пад. от *phrasis* — выражение + *logos* — учение), рассматриваются лексически неделимые, несвободные сочетания слов во всем многообразии их системных связей (ср.: *сёз тауусургъа* «договориться», *къарап-къарагъынчы* «быстро», *баш кюн бла бош кюн* «постоянно», *жол кёл ал* «настроиться в путь», *къара къыш* «беснежная зима» и т. д.).

В курсе лексикологии изучается **этимология** (греч. *etymon* — истинное значение слова) — наука, исследующая происхождение слова. С лексикологией тесно связана **лексикография** — наука о словарях.

Так как лексика в том или ином языке является не простой суммой слов, а определенной системой соотносительных и взаимосвязанных фактов, то лексикология предстает перед нами наукой не об отдельных словах, а о лексической системе языка в целом (Шанский, 1964, 4).

Таким образом, предметом лексикологии является словарный состав языка — внутренне организованная (не просто суммарная) совокупность лексических единиц, связанных между собой определенными, относительно устойчивыми отношениями, функционирующих и развивающихся по определенным, свойственным данному языку законам (СРЛЯ, 1988, 8).

ЛЕКСИКА. СЕМАСИОЛОГИЯ

Слово как единица лексической системы языка

Слово является минимальной единицей речи. Слово воспринимается нами внешне прежде всего как звук или группа звуков. Однако не всякая группа звуков будет словом. Например, если взять такие сочетания звуков, как *таш* и *паш*, то в карачаево-балкарском языке первое из них является словом, потому что имеет значение «камень», а второе, хотя и оформлено по законам языка, не имеет значения, оно остается лишь комплексом звуков и не становится словом. Таким образом, не всякий комплекс звуков является словом, а лишь тот, который в данном языке имеет определенное значение (смысл, семантику).

Однако, несмотря на несомненную реальность слова как отдельного языкового явления, пока еще в общем языкознании нет общепризнанного определения слова.

Тем не менее наукой установлены основные признаки слова как лингвистической единицы в целом: 1) фонетическая оформленность; 2) непроницаемость (нельзя в слово вставить другое слово), 3) лексико-грамматическая отнесенность (слово обязательно принадлежит какой-либо части речи), 4) семантическая валентность (слову присуще соответствующее лексическое значение), 5) устойчивость и единообразность (изменяемость слова как целостной единицы), 6) воспроизводимость (в момент речи извлекается из памяти как нечто готовое, а не возникает заново), 8) преимущественное употребление в сочетаниях (контекстуальность), 9) фразеологичность (идеоматичность) и некоторые другие (Бардаев, 1985, 18).

Одно из рабочих определений слова дано Н. М. Шанским: «Слово — это лингвистическая единица, имеющая (если она не безударна) в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью» (Шанский, 1964, 31).

Слово — основной элемент языка. Из слов складываются словосочетания (*тор ат* «гнедая лошадь», *шахаргъа атланды* «отправился в город», *юй ишледи* «построил дом»,

таулада танг жарыкъ «рассвет в горах»), а из словосочетаний составляются предложения, с помощью которых люди общаются друг с другом.

Изучение слова в разных разделах языкознания

Слово, как основной элемент языка, может быть объектом изучения в различных разделах языкознания. Фонетическая и морфологическая структура слова и его синтаксические свойства рассматриваются в фонетике, морфологии и синтаксисе. Предметом изучения лексикологии прежде всего является смысловая структура слова.

Например, с точки зрения грамматики слово *жарашыулу* — это имя прилагательное качественное, производное, в положительной степени, определенным образом членится на основу и аффиксы, образовано от глагола *жараш* и т. д.

Лексикология же, установив прежде всего прямое значение слова *жарашыулу* «приличный, опрятный» (*жарашыулу кийим* «опрятная одежда»), отмечает, что у него есть и другие значения: «гармоничный, гибкий» (*жарашыулу политика* «гибкая политика»), «мирный, уживчивый, покладистый» (*жарашыулу адам* «покладистый человек»).

Лексикология также выясняет, что слово *жарашыулу* происходит от общетюркского корня *йара-* (*жара-*) «годиться, быть годным», «нравиться», «быть способным» (ЭСТЯ, 1989, 138).

При исследовании семантики различных слов разграничиваются грамматические и лексические значения. В понятие «грамматическое значение» входят как общее категориальное значение слова, присущее ему как определенному лексико-грамматическому разряду слов, так и частное значение, представленное одним из видов формально выраженных отношений, характерных для слова как определенной части речи (например, в тюркских языках для существительных — категории падежа, числа и принадлежности, для глаголов — категории времени, числа, лица, наклонения и залога) (Гузеев, 1985, 5).

В отличие от грамматических значений, общих для больших групп слов и выраженных формально, лексические значения индивидуальны, поэтому их исследование представляет наибольшие трудности. Лексическое значение индивидуально, хотя в значениях отдельных слов могут быть обнаружены общие смысловые элементы (например, для глаголов *бар-* «идти», *чап-* «бежать», *жюз-* «пла-

вать», *уч-* «лететь» и другие общим элементом является значение «двигаться, перемещаться в пространстве»), что делает возможным их сопоставление и выделение у них различительных признаков (например, у указанных глаголов — это «способ передвижения»).

«Разграничение лексических и грамматических значений не должно пониматься как их противопоставленность в слове. Лексическое значение всегда опирается на грамматическое (более общее, классифицирующее значение, является его неопределенной конкретизацией)» (Шмелев, 1977, 11).

Слово и понятие

Основная функция слова в языке — назывная, или, как еще говорят, номинативная (от *лат.* слова *попеп* — имя, название). Слова дают названия предметам окружающей нас действительности.

Однако слова способны называть не только такие предметы, которые можно увидеть, потрогать, ощутить на вкус и т. п. (дом, камень, гора, лес, лошадь, сахар и др.), но и такие явления действительности, которые нельзя ощутить с помощью органов чувств. Такие слова, как *кэууанч* «радость», *махтау* «слава», *ёхтемлик* «гордость», *кэоркэакълыкъ* «трусость» и другие называют не конкретные, а абстрактные понятия.

Таким образом, в результате развития человеческого мышления появляется способность к абстрактным представлениям. В сознании людей отражаются уже не только реально существующие предметы, но и все отвлеченные процессы, явления. Познавая предметы и явления, человек абстрагируется от всего несущественного в их свойствах, качествах, т. е. сосредоточивает внимание на основных чертах. Затем он сопоставляет свои представления, полученные от познания сходных и однотипных предметов. Таким образом, в его сознании, мышлении образуются понятия о предметах и явлениях действительности (Гужва, 1973, 28; Калинин, 1960, 10; Фомина, 1983, 23).

Понятие о предмете, явлении, качестве, состоянии или действии — это своего рода отражение в сознании людей основных представлений о свойствах реального мира, познаваемого в процессе общественно-трудовой деятельности.

Мышлению каждого нормального человека свойственны тысячи понятий: *юй* «дом», *китап* «книга», *терек* «дере-

во», *адамлыкъ* «человечность», *акъыртын* «медленно», *суу-укъ* «холодный» и др.

Для лексикологии важно, что слово способно называть не только данный, конкретный, непосредственно в этот момент ощущаемый предмет, но и понятие. Без такого абстрагирования не было бы человеческого мышления, а без способности слова называть понятия не было бы и самого языка. Способность слова называть понятие дает возможность обходиться при общении сравнительно небольшим запасом лексики (Гужва, 1973, 28). Так, чтобы из множества человеческих индивидов назвать любого, мы пользуемся одним словом *адам*; деревья любой высоты и формы мы называем словом *терек* и т. д.

Однако не всякое слово карачаево-балкарского языка выражает понятие. Не вызывают понятий союзы, частицы, междометия, местоимения и собственные имена.

Полисемия

Слово может иметь одно или несколько лексических значений. Если оно имеет одно значение, то называется **однозначным**, или **моносемичным**. Однозначными являются слова: *артмакъ* «сумка», *ачытхы* «дрожжи», *балта* «топор», *бюрк-* «брызгать», *сен* «ты», *къууан-* «радоваться», *ууурт* «центральная часть щеки», *мюйюз* «рог» и др. Однозначными являются обычно слова, обозначающие конкретные вещи, а также термины.

Но подавляющее большинство слов в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, имеют два и более значений. Такие слова называются **многозначными**, или **полисемичными**. Примерами многозначных слов являются: *бет* «лицо»..., *къаты* «твердый»..., *къара-* «смотреть»..., *къал-* «оставаться»..., *ур-* «ударять»..., *толу* «полный, наполненный»... В таких словах одно значение является основным, первичным, а остальные — вторичными, производными. Например, слово *баш* имеет более десяти значений: «голова», «рассудок», «предводитель», «вершина (горы)», «макушка (дерева)», «поверхность (земли, моря и т. д.)», «начало», «глава (повести, романа и т. д.)», «поголовье (скота)» и др. Из них основным значением следует считать первое значение — «голова».

Многозначность является одним из показателей высокой развитости языка, так как в ней отражается наблюдательность, ум и фантазия народа, его умение сравнивать, сопоставлять предметы и явления, находить в них общие, схожие черты и т. д. (СТЛЯ, 1969, 52). «Она обусловлена

природой нашего мышления — способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира» (Будагов, 1958, 7).

Многозначностью больше всего обладают глаголы, имена существительные и прилагательные. Например, глагол *тарт*- имеет значения:

1. «Тянуть, тащить, дёргать».
2. (Килограмм, центнер д. а. к.) *тарт*- «весить (килограммов, центнеров и т. д.)».
3. (Тютюн, папирос д. а. к.) *тарт*- «курить (табак, папирсы и т. д.)».
4. (Нартюх, будай д. а. к.) *тарт*- «молоть (кукурузу, пшеницу и т. д.)».
5. (Ийнекни) *тарт*- «доить (корову)».
6. (Жууапха) *тарт*- «привлекать (к ответственности)».
7. (Къобуз) *тарт*- «играть (на гармошке)».
8. (Жыр) *тарт*- «затягивать (песню)».
9. (Айылны) *тарт*- «натянуть (подпругу)».
10. (Радио, электричество) *тарт*- «проводить (радио, электричество)».
11. (Атасына) *тартханды* «уродился (в отца)».
12. (Харф, сёз) *тарт*- «начеркнуть (букву, слово)».
13. (Сирнек) *тарт*- «зажигать (спичку)».
14. (Сызлыкъ) *тарт*- «провести (линию)».
15. (Мылы, суу) *тартды* «становиться сырым».
16. (Жаяжъгъа) *тарт*- «влепить (пощечину)».
17. (Тютюнню, отну) *тартыу* «обладание тягой (о трубе, дымоходе)».
18. (Чалгъы, оракъ) *тарт*- «косить (косой), жать (сергом)».
19. (Имбашины) *тарт*- «дёргать (плечом)».
20. (Ёрге, энишге) *тарт*- «взять направление (вверх, вниз)».
21. (Сютню) *тарт*- «перегнать (молоко)».
22. (Картланы) *тарт*- «сдавать (карты)».
23. Перен. «пить, выпивать»...

Между приведенными выше значениями многозначного слова *тарт*- существует определенная семантическая связь. Все они опираются на основное, первичное значение. Но вместе с тем данный глагол в зависимости от окружающих слов содержит одно значение, несколько отличное от остальных.

Основной причиной возникновения полисемии являются «растущие потребности общества, которые возникают с каждой новой эпохой, с каждым новым культурно-историческим событием в жизни народа» (Уфимцева, 1962, 221).

Так, в последний период получили новые значения следующие слова: *мурдор* «база, основа чего-нибудь» (основное значение — «основание сооружения»), *дерс* «нечто поучительное, из чего можно сделать вывод для будущего» (основное значение — «учебный час»); *шаудан* «то, что дает начало чему-нибудь; исток» (основное значение — «родник») и др.

Сущность полисемии заключается в том, что какое-то название предмета, явления переходит, переносится также на другой предмет, другое явление, и тогда одно слово «обслуживает» в качестве названия одновременно несколько (два и более) предметов, явлений (Калинин, 1978, 24).

В зависимости от того, по какому признаку, на каком основании совершается этот перенос названия, различают три основных типа полисемии: метафора, метонимия, синекдоха.

Метафора — это перенос наименования с одного объекта действительности на другой на основе какого-либо сходства их признаков.

Сходство может быть самым различным. Многие метафоры карачаево-балкарского языка построены на сходстве формы двух или более предметов. Таковы, например, *тол* «мяч» и «клубок ниток», *тизгин* «строка» и «порядок», *толу* «полный, наполненный — о ёмкости» и «упитанный — о человеке», *тиз-* «выстроить, ставить в ряд» и «организовать — на борьбу, на работу и т. п.», *аууз* «рот, пасть» и «ущелье», *кёз* «глаз» и «ушко иголки», *кзулакъ* «ухо» и «наушники у шапки-ушанки», *аууз* «рот» и «ущелье».

Некоторые метафоры основаны на сходстве в расположении двух предметов по отношению к чему-то: *сырт* «спина человека или животного» и «возвышенность», *кэбыргэа* «бок» и «стена», *боюн* «шея человека или животного» и «шейка какого-нибудь предмета», *бел* «поясница, талия» и «талиа одежды», *баш* «голова человека», «колос пшеницы, ячменя и т. п.», «вершина горы», «макушка дерева» и «поверхность земли, моря и т. п.», *тил* «язык» и «язычок ботинка», *бурун* — «нос животного» и «нос лодки, носок обуви».

Некоторые предметы названы одинаково потому, что они выполняют одну и ту же роль. В таком случае создается метафора на сходстве функции: *кэанат* «крыло птицы» и «крыло самолета», *кюбюр* «сундук» и «кузов автомобиля», *табан* «пятка» и карач. «ударник ружья», *окъ* «пуля» и карач. « жало пчелы», *тамыр* «корень растения» и «корень слова».

Многие метафоры созданы на сходстве характера или поведения: *хайыуан* имеет значения: «скот, скотина» и «глупец, дурак», *тюкю* «лиса» и «хитрый, лживый человек», *келепен* «проказа» и «бешеный, жестокий человек»; на сходстве цвета: *акъ* «белый» и «бельмо»; на сходстве движения: *чап-* «бежать» и «нападать», *тырна-* «царапать» и «писать», *ур-* «ударять, бить», «дуть — о ветре, буране», «валять кошму, бурку» и «упрятать в тюрьму, в карман», *къайна-* «кипеть» и «бродить, бурлить»; на сходстве вкуса: *ачы* «горький» и «боль, горе», *татлы* «сладкий» и «приятный», *тузсуз* «без соли» и «бессодержательный».

Метафоры широко используются в карачаево-балкарской ономастике и топонимике. В результате метафорического переосмысления созданы, например, собственные имена *Къууанч* «радость», *Сурат* «картина», *Аслан* «лев» и топонимы *Кёнделен* «поперек», *Жингирик* «локоть» и др.

До сих пор речь шла о языковых метафорах, в которых переносные значения со временем затушевываются. Но есть метафоры, представляющие собой образные явления действительности, возникшие на основе какого-нибудь непривычного и трудноуловимого сознанием сходства (Гужва, 1973, 30) и называемые поэтическими. Таковы, например, у К. Кулиева: *Ах, жаш жылларым, жаш жылларым, учуп кетген къанатлыларым!* «Ах, юные годы, юные годы, улетающие птицы мои!» *Суу алай жарыкъ шыбырдай кранда, аны да эшитме жукъу арамда* «Вода так весело шепчет в кране, и это слышу я сквозь сон» (Къ. Кулиев, Ыйыкъны ахыр кюню, 145).

Поэтические метафоры, в отличие от языковых, не включаются в толковые словари как переносные значения слов.

Метонимия, как вид полисемии, основана, в отличие от метафоры, не на сходстве, а на смежности. При метонимии два предмета, явления, получающих одно название, должны быть смежными. Слово «смежные» в этом случае следует понимать не только как соседние, но несколько шире — тесно связанные друг с другом (Калинин, 1978, 30).

Метонимические замещения, возникающие в результате смежности предметов, вещей или явлений в пространстве или времени, — универсальная возможность языка. Перенос наименований этого типа связан с ассоциативным характером человеческого мышления, но проявляется по-разному в разных языках (РРР, 1973, 427).

Метонимия бывает поэтическая и лингвистическая. В поэтической метонимии не образуется нового лексического значения. Поэтому она употребляется в определенном

контексте. В лингвистической метонимии образуется новое лингвистическое значение.

Лингвистическая метонимия в карачаево-балкарском языке образуется различными способами.

Самый простой случай метонимии основывается на пространственной смежности: *эшик* имеет значения: «дверь» и «двор, место перед домом», *къабакъ* «ворота» и «село, деревня». Многие метонимии данного типа созданы путем переноса названия содержащего на содержимое: *эл* «село» и *эл* «жители села» (*Кёпюр ишлерге битеу эл чыкъды* «На строительство моста вышло все село»); слова *класс*, *школ*, *институт*, *университет*, *фабрика* и др. могут называть не только здание или помещение (*юч этажлы школ* «трёхэтажная школа», *жарыкъ класс* «светлый класс» и т. д.), но и группу, коллектив людей: учащиеся, рабочих и служащих (*школну спорт жетишимлери* «спортивные достижения школы», *низамлы класс* «дисциплинированный класс» и т. д.). На пространственной смежности основана и метонимическая двузначность слов: *аякъ* «чашка» и «еда, яство», *стакан* «стеклянный сосуд для питья» и соответствующий ему «объем жидких и сыпучих масс». Аналогичные переносные значения имеют и слова: *шеша* «бутылка», *таба* «сковорода», *челек* «ведро», *бёчке* «бочка», *табакъ* «тарелка», *къашыкъ* «ложка», *машок* «мешок», *вагон* и др. *Бир челек суу* «ведро воды», *эки вагон цемент* «два вагона цемента» и т. д.

Метонимическими являются также значения следующих слов: *баш* «голова» и *баш* «ум, рассудок», *жилик* «трубчатая кость, содержащая мозг» и *жилик* «костный мозг».

Метонимия может быть образована в результате переноса названия действия на результат действия: *бояу* «крашение» и *бояу* «краска», *иш* «процесс работы» и *иш* «предмет, являющийся итогом, результатом работы как действия» (*илму иш* «научный труд»), *сермеш* «сражаться» и *сермеш* «сражение», *диктант* «процесс диктования» и *диктант* «то, что написано в результате диктования».

Метонимическая связь имеет место между названием материала и названием изделия из него: *чепкен* «домотканное сукно» и *чепкен* «мужская верхняя одежда из домотканного сукна; черкеска», *чоюн* «выплавленное из руды железо с примесью углерода» и *чоюн* «сосуд округлой формы из чугуна».

Название объекта знания переносится на отрасль знания: *лексика* «словарный состав» и *лексика* «наука о словарном составе», *грамматика* «грамматический строй» и *грамматика* «наука о грамматическом строе».

Нередко метонимия создается путем переноса: имени автора на его произведения (*Мечиевни назмуларын окъуу* «Чтение стихов Мечиева» и *Мечиевни окъуйбуз* «Читаем Мечиева»); родового названия на все виды (*акъ къагъыт* «белая бумага» и *аскерден къагъыт келди* «пришло письмо из армии»); названия орудия на действие, производимое этим орудием (*чалгъы* «коса» и *чалгъыгъа чыкъдыла* «вышли на косовицу»); названия одного явления на другое, связанное с ним во времени (*ингир* «часть суток перед наступлением ночи» и *ингир* «общественное собрание в это время»; *литература ингир* «литературный вечер», *чыгъармачылыкъ ингир* «творческий вечер»). Метонимическими являются и следующие названия: *чай* «высушенные листья некоторых растений, на которых настаивается горячий напиток» и *чай* «напиток, настоенный на таких листьях»; *агъач* «лес» и *агъач* «дерево».

Разновидностью метонимии является **синекдоха**, при которой одно и то же слово употребляется и как название целого, и для обозначения части этого целого. Слово *баш* «голова» в основном, прямом значении, служит названием части тела (*башына жара тюшою* «ранен в голову»). Но это слово как синекдоха может выступить в значении *адам кеси* «человек» — название части вместо целого: *юч башлы юйюр* «семья из трех человек», *кеси башын кечиндиреди* «кормит самого себя», *башынга табынлай эт* «делай, как лучше тебе самому». К этому же типу относятся и синекдохи: *акъ сакъал* «белая борода» и *акъсакъал* «старик», *тил* «язык» и *тил* «пленный», *от жагъа* «очаг — устройство для разведения и поддержания огня» и *от жагъа* «свой дом, семья», *алма* «яблоня» и *алма* «яблоко», *кертме* «грушевое дерево» и *кертме* «груша», *шаптал* «абрикосовое дерево» и *шаптал* «абрикос» и т. д.

Аналогичная синекдоха образуется и употреблением единственного числа вместо множественного, например: *орус* — *тюзлюкню башы* (посл.) «Русский — вершина справедливости» (вм. «русские»), *колхозда къой кютеме* «в колхозе пасу овцу» (вместо «овец»), *ийнек саууучу* (вместо *ийнекле*) «дояр» и др.

Примером синекдохи, созданной путем употребления названия целого в значении части, является *машина* «механизм, совершающий какую-нибудь полезную работу с преобразованием одного вида энергии в другую» — *машина* «автомобиль».

Кроме лингвистической синекдохи в карачаево-балкарском языке распространена и поэтическая синекдоха, которая не создает значений, отражаемых в толковом слова-

ре. Например, в сатирической народной песне «Гелефей-ле» («Галифе»), сложенной в 30-е годы, название песни относится и к входившим тогда в моду брюкам и к мужчинам, носившим эти брюки. Поэтической синекдохой часто пользуется Х. Аппаев в романе «Черный сундук»: *Алтын кѳамала, бухар бѳркле чыкѳсала, тепсерге не кѳобузчу, неда окѳа башла чыгѳадыла* «Если танцевать выходит каракулевая шапка или золотой кинжал, с ними танцует гармонистка или позолоченная шапка».

Таким образом, «многозначность слова, выступающая как способность слова синхронически одновременно обладать разными значениями, появляется в силу того, что слово наряду с обозначением одного явления может служить в качестве названия также и другого явления объективной действительности, если последнее имеет какие-либо общие с названным явлением признаки или свойства» (Шанский, 1964, 35).

Омонимы

Если при полисемии разные значения одного слова всегда связаны между собой по смыслу, то в карачаево-балкарском языке (как и в других языках) есть немало одинаково звучащих слов с совершенно разными значениями.

Это видно из следующих предложений:

Ахыр кѳоймазларын билгенде, Бекболат, алѳа ийилип, чабырларын тешиди (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 399) «Убедившись, что другого выхода нет, Бекболат нагнулся вперед и снял чабуры».

Ажирлени терекледен тешип, ауузлукѳларын алып, кырдыкга бошладыла (О. Этезов, Тарда, 197) «Отвязав жеребцов от деревьев и разнуздав их, пустили на траву».

Кѳелегими баш тѳюмесин тешидим (Э. Гуртуев, Мѳлекледе кѳонакѳда, 116) «Я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки».

Алты окѳ тешигенед аны санларын (Кѳ. Кулиев, Сайлама, 1, 328) «Шесть пуль пробили его тело».

В первых трех предложениях слово *теш-* имеет разные значения: «снимать», «отвязывать», «расстегивать», но все же в этих случаях оно понимается как одно слово, а в четвертом предложении *теш-* является совсем другим словом со значением «пробивать, просверливать».

Еще примеры:

Жашчыкѳ юйню эшигин аз-аз кѳакѳды (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 91) «Мальчик тихо постучался в дверь».

Жашла кѳолларын жууадыла, юс кийимлерин кѳагѳа-дыла (Х. Кадиев, Тамата, 176) «Парни моют руки, трясут одежду».

Кѳызыу отда тишленген кѳакѳ кѳой этни ариу ийиси бурунунга урады (Д. Кубанов, Таулада таууш, 253) «Бьёт в нос приятный запах жаренной на горячем огне сушеной баранины».

В этих предложениях также третье значение слова кѳакѳ «сушеный» не имеет ничего общего с его первыми двумя значениями «стучать» и «трясти».

Слова, одинаково звучащие, но не имеющие формального различия, генетически не связанные и даже связанные между собой по смыслу, принято считать **омонимами**.

В карачаево-балкарском языке омонимические ряды по количеству членов имеют следующие модели:

Двучленные ряды:

1. Существительное — существительное: *басма* «ситец» — *басма* «издательство», *кѳарындаш* «брат» — *кѳарындаш* «карандаш», *тѳш* «грудь» — *тѳш* «наковальня», *бел* «поясница» — *бел* «лопата», *топ* «мяч» — *топ* «пушка».

2. Существительное — прилагательное: *кѳырау* «иней, изморозь (на деревьях)» — *кѳырау* «слепой», *кюзю* «зеркало» — *кюзю* «осенний», *хаух* «печь» — *хаух* «заимствованный, взятый на прокат», *алаша* «мерин» — *алаша* «низкий».

3. Существительное — местоимение: *биз* «шило» — *биз* «мы».

4. Существительное — числительное: *алтынчы* «ювелир» — *алтынчы* «шестой».

5. Существительное — глагол: *буу* «олень» — *буу* «душить», *ал* «перед» — *ал* «братъ», *без* «железа» — *без* «надоедать», *кенгеш* «совещание» — *кенгеш* «совещаться».

6. Существительное — наречие: *жай* «лето» — *жай* «летом», *кѳыш* «зима» — *кѳыш* «зимой», *кюз* «осень» — *кюз* «осенью».

7. Существительное — служебное слово: *иш* «дело, работа» — *иш* «частица, показывающая неопределенность высказывания», *кѳадар* «судьба» — *кѳадар* «пока, постольку», *хазна* «богатство, клад» — *хазна* «едва ли, вряд ли».

8. Наречие — наречие: *алайлай* «вдруг» — *алайлай* «бесплатно», *адесиз* «невежливо, неучтиво» — *адесиз* «очень, невероятно», *кѳуру* «сушиться» — *кѳуру* «постоянно».

9. Глагол — прилагательное: *сау* «доить» — *сау* «целый, здоровый», *кичи* «чесаться» — *кичи* «младший», *туу*

ра- «нарезать, крошить» — *туура* «открытый, очевидный».

10. Глагол — глагол: *булгъа*- «махать» — *булгъа*- «месить», *бич*- «кроить» — *бич*- «оскоплять», *теш*- «развязывать, расстегивать» — *теш*- «сверлить».

11. Глагол — наречие: *аз*- «худеть» — *аз* «мало», *ары*- «уствовать» — *ары* «туда», *кёп*- «пухнуть» — *кёп* «много».

12. Глагол — причастие: *къызгъан*- «жалеть» — *къызгъан* «раскаленный».

13. Глагол — числительное: *къыркъ*- «резать, рубить, стричь» — *къыркъ* «сорок», *жюз*- «плавать» — *жюз* «сто».

14. Глагол — междометие: *ой*- «разрушить» — *ой* «ой!».

15. Наречие — служебное слово: *алай* «так» — *алай* «но, однако».

Трехчленные ряды:

1. Существительное — существительное — существительное: *буруу* «бурав» — *буруу* «забор» — *буруу* и. д. от *бур*- «вращать».

2. Существительное — существительное — глагол: *эн* «ширина» — *эн* «метка» — *эн*- «спускаться», *уу* «охота» — *уу* «отрава, яд» — *уу*- «дробить, крошить», *ат* «имя» — *ат* «лошадь» — *ат*- «бросать, стрелять», *жан* «душа» — *жан* «бок, сторона» — *жан*- «гореть».

3. Существительное — существительное — прилагательное: *айырма* «разница» — *айырма* грам. «залог» — *айырма* «превосходный, отличный».

4. Существительное — существительное — междометие: *ай* «луна» — *ай* «месяц» — *ай* «ай!».

5. Существительное — глагол — глагол: *тюй* «пшено» — *тюй*- «бить, колотить» — *тюй*- «связывать (в узел)», *тай* «жеребенок» — *тай*- «исчезнуть» — *тай*- «скользить», *чакъ* «период» — *чакъ*- «цвести» — *чакъ*- «взбалтывать, взбивать».

6. Существительное — глагол — прилагательное: *акъ* «молочные продукты» — *акъ*- «течь» — *акъ* «белый».

7. Существительное — прилагательное — глагол: *чал* «седина» — *чал* «седой» — *чал*- «косить».

8. Глагол — прилагательное — наречие: *ачы*- «киснуть, горкнуть, бродить (на дрожжах)» — *ачы* «кислый, горький» — *ачы* «гневно, злобно, яростно».

9. Глагол — глагол — служебное слово: *тюйюл*- «быть избитым» — *тюйюл*- «связываться (в узел)» — *тюйюл* «нет, не».

10. Глагол — глагол — наречие: *кеч*- «простить» — *кеч*- «идти вброд» — *кеч* «поздно».

11. Глагол — наречие — служебное слово: *эм*- «со- сать» — *эм* «очень» — *эм* «и».

Четырехчленные ряды:

1. Существительное — существительное — глагол — глагол: *чек* «граница» — *чек* «чек» — *чек*- «испытывать» — *чек*- «взвешивать».

2. Глагол — глагол — прилагательное — наречие: *ачы*- «испытывать боль» — *ачы*- «киснуть» — *ачы* «горький» — *ачы* «горько».

По морфологическому строению омонимы карачаево- балкарского языка делятся на омонимы корневые и омонимы производные. Корневыми являются омонимы: *бал* «мед» — *бал* «бал», *бау* «веревка» — *бау* «сарай», *бел* «поясница» — *бел* «лопата», *бет* «лицо» — *бет* «страница» и др. Примерами производных омонимов могут служить: *чалыу* «косьба» — *чалыу* «тесьма», *жаулукъ* «платок» — *жаулукъ* «вражда», *айырма* грам. «залог» — *айырма* «превосходный, отличный» и т. п.

По лексико-семантическим особенностям омонимы делятся на лексические и лексико-грамматические.

Лексические омонимы, или собственно омонимы — это слова, совпадающие между собой в звучании и написании своих тождественных грамматических форм. Например, слова *гылыу* «крыса» и *гылыу* «ослик» являются компонентами лексических омонимов, так как совпадают во всех присущих им тождественных грамматических формах. Такие омонимы обычно относятся к одной части речи и одинаково склоняются или спрягаются. Примерами лексических омонимов являются: *талакъ* «селезенка» — *талакъ* устар. «развод», *теш*- «развязывать, расстегивать» — *теш*- «продельвать отверстие», *уру* «яма» — *уру* «воровство», *кёл* «дух» — *кёл* «озеро».

По своему происхождению лексические омонимы делятся на две большие группы: 1) омонимы, восходящие к одному и тому же корню, и 2) омонимы, случайно совпадающие по своему звуковому составу.

К первой группе омонимов, называемых генетически родственными, относятся лексемы, когда-то выражавшие разные значения одного слова, но с течением времени потерявшие связь между собой. Таковы, например: *юр*- «лять» — *юр*- «дуть», *топ* «мяч» — *топ* «пушка», *басма* «ситец» — *басма* «издательство», *бау* «сарай» — *бау* «веревка».

Ко второй группе омонимов, называемых этимологи-

ческими, относятся прежде всего исконные карачаево-балкарские слова, совпадающие по своему звуковому составу, но обозначающие совсем разные понятия, например: *къайын* «березка» — *къайын* «свояк», *бой* «длина, рост» — *бой* «основа (ткани)», *гебенек* «бабочка» — *гебенек* «накидка из войлока», *аякъ* «нога» — *аякъ* «чаша».

В карачаево-балкарском языке, как и в других языках, часто возникает вопрос: считать ли те или иные слова лексическими омонимами или рассматривать эти слова как явление полисемии. «Только всесторонний семантический и грамматический анализ выявит это важное лексическое соотношение» (Будагов, 1958, 46).

Среди языковедов нет спора о постоянном возникновении многозначных слов в языке. Спор идет в основном о возможности перерастания многозначных слов в лексические омонимы (Абаев, 1957, 25). «Однако, признав возникновение многозначных слов закономерным и необходимым явлением языка, нельзя не признавать и образование лексических омонимов из былой полисемии также естественным и закономерным, и возникновение многозначных слов и образование на этой основе лексических омонимов есть результат одного и того же общего процесса — развития языка, его содержательной и формальной сторон» (Ахтямов, 1966, 8).

Существует ряд критериев разграничения полисемии и омонимии, но основным из них является установление разрыва и утраты смысловых связей между значениями. Для возникновения омонимии из полисемии надо, чтобы говорящие не осознавали связь между значениями слов. Некоторые исследователи при разграничении омонимии от полисемии придают большое значение языковому чутью (Юлдашев, 1972, 218; Евгеньева, 1960, 87; Гузеев, 1985, 48).

Грамматические омонимы, или **омоформы**, — это слова, совпадающие между собой в звучании и написании своих нетождественных грамматических форм, но различающиеся значениями: *элтир* «смушка» — *элтир* «доставит», *алда* «обманывать» — *алда* «вперед», *балам* «калина» — *балам* «мой ребенок», *башха* «другой» — *башха* «голове», *ишле* «работать» — *ишле* «дела» и т. д.

Грамматические омонимические ряды делятся на две группы. К первой группе относятся ряды, компоненты которых относятся к разным грамматическим классам. Например, в омонимическом ряду *ала* «пестрый» — *ала* «они» — *ала* «беря» — *ала* «пестрый» — имя прилагательное им. падежа, *ала* «они» — личное местоимение 3-го лица мн. числа, *ала* «беря» — причастие; в омонимическом ряду *къозу*

«ягненок» — *кѳозу* «дразниться» — *кѳозу* «его орех» — *кѳозу* «ягненок» — имя существительное им. падежа ед. числа. *кѳозу-* «дразниться» — основная форма глагола, *кѳозу* «его орех» — 3-е лицо ед. числа притяжательной формы от существительного *кѳоз* «орех»; в омонимической паре *элтир* «смушка» — *элтир-* «доставит» — *элтир* «смушка» — имя существительное им. падежа ед. числа, *элтир-* «доставит» — 3-е лицо ед. числа будущего времени от глагола *элт-* «доставлять».

Вторая группа лексико-грамматических омонимов включает слова, относящиеся к одному и тому же грамматическому классу. Например, *кѳаргѳа* «ворона» и *кѳаргѳа* форма дат. падежа ед. числа от слова *кѳар* «снег», *кѳабыргѳа* «стена» и *кѳабыргѳа* форма дат. падежа ед. числа от слова *кѳабыр* «могила» и др.

От чисто грамматических омонимов следует отличить лексико-грамматические омонимы, образованные по конверсии. К ним в исследуемом языке относятся слова типа *бай* «богач» — *бай* «богато», возникшие путем конверсии, т. е. перехода одной части речи в другую. Хотя такой способ словообразования отрицается некоторыми учеными, но факт его существования в тюркских языках в настоящее время признают многие исследователи (Юлдашев, 1972, 230—273; Гузеев, 1985, 45—86; Салимгареева, 1972, 9—10 и др.). «Слова, образованные таким способом в карачаево-балкарском языке, как и во многих других языках, выступают на равных началах в рядах двух, а иногда трех и более частей речи одновременно» (Гузеев, 1985, 49).

В результате конверсии образованы омонимические ряды: *аман* «плохой» — *аман* «плохо», *ахиш* «хороший» — *ахиш* «хорошо», *уруш-* «воевать» — *уруш* «война», *аууш-* «переваливаться» — *аууш* «перевал», *кюреш-* «бороться» — *кюреш* «борьба», *байлау* и д. от *байла-* «связывать», «завязывать; привязывать» — *байлау* «повязка, бинт» — *байлау* грам. «союз», *тал* «правильно, верно» — *тал* «правильный, верный» — *тал-* «находить» — *тал* «даже», *жалгѳан-* «соединяться, прививаться» — *жалгѳан* «ложный, лживый; фальшивый, фиктивный» — *жалгѳан* «ложно, фальшиво», *кѳатыш-* «смешиваться; участвовать» — *кѳатыш* «смешанный» — *кѳатыш* «смешанно, неразборчиво» — *кѳатыш* «неразбериха» — *кѳатыш* «вместе с» и т. д.

Некоторые карачаево-балкарские слова совпадают по звучанию (произношению), а по написанию и значению отличаются друг от друга. Такие пары называются **омофонами**, например: *кѳызса* «если нагреется» — *кѳысса* «если зажмет», *сют* «молоко» — *сюд* «суд», *базса* «если

осмелится» — *басса* «если надавит», *ариу* «красивый» — *Ариу* (женское имя), *аслан* «лев» — *Аслан* (мужское имя), *кююш* «серебро» — *Кююш* (женское имя), *къаплан* «тигр» — *Къаплан* (мужское имя), *чегет* «северный склон горы» — *Чегет* (топоним), *кюнлюм* «южный склон горы» — *Кюнлюм* (топоним), *черек* «река» — *Черек* (гидроним), *къобан* карач. «река» — *Къобан* (гидроним) и др.

В противоположность омофонам некоторые слова совпадают по написанию, но различаются по звучанию. Различие в произношении достигается ударением. Такие омонимы принято называть **омографами**. Они встречаются как среди исконных слов: *айырма* «превосходно; отлично» — *айырма* «не отделяй», *алма* «яблоко» — *алма* «не бери», *кертме* «груша» — *кертме* «не надсекай», *тартма* «тесьма» — *тартма* «не тяни», *тюйме* «пуговица» — *тюйме* «не бей», *бурма* «кудрявый» — *бурма* «не вращай», *бурун* «нос» — *бурун* «прежде, раньше», *бусагъатда* «сейчас» — *бусагъатда* «в настоящее время», так и в парах, где одним из компонентов является заимствованное слово: *каска* «каска» — *каска* карач. «кузнечик», *амма* карач. (из араб.) «но, однако» — *амма* «мама», *атака* «атака» — *атика* «папа», *чайна* «чайная» — *чайна* «жевать» и т. д.

Способы образования омонимов различны. В карачаево-балкарском языке лексические омонимы возникают следующими путями:

1. В результате распада былой полисемии. Отдельные значения слова теряют смысловую связь и воспринимаются как значения разных слов. Например: *сырт* «спина» — *сырт* «хребет (горы)», *кзыр-* «скоблить» — *кзыр-* «истреблять», *топ* «мяч» — *топ* «пушка», *кюн* «солнце» — *кюн* «день», *ай* «луна» — *ай* «месяц (единица времени)», *къол* «рука» — *къол* «балка, долина» и т. д. Этот тип омонимов трудно отграничивать от многозначных слов, так как не всегда можно установить степень расхождения двух значений.

2. В результате субстантивации глагольных форм: *бою* «крашение» — *бою* «краска», *жамау* «латание» — *жамау* «заплатка», *чалыу* «плетение» — *чалыу* «тесьма», *жазыу* «писание» — *жазыу* «то, что написано» и т. д. Поскольку глагольные формы и их субстантивированные производные совпадают между собой только в тождественных грамматических формах, то принцип определения лексических омонимов здесь не нарушается.

3. В результате фонетических изменений слов. Например, карач.-балк. *бар-* «идти» и *бар* «есть, имеется» восходят к разным словам прототюркского языкового состояния с различной «звуковой материей»; *бар-* «идти» и *баар* «име-

ется, есть» (Юнусалиев, 1959, 63). В современном карачаево-балкарском языке долгота гласных не сохранилась. Поэтому члены указанной пары ныне не отличаются по произношению друг от друга и являются омонимами. Фонетические изменения произошли и в омонимических парах: *ат* «имя» — *ат* «лошадь» и *аякъ* «нога» — *аякъ* «чашка»; в ряде тюркских языков *ат* «имя» имеет долгий гласный, а *аякъ* «нога» произносится *адакъ*, что восходит к *ад-* «шагать, ступать» (Бекджанова, 1967, 16—17).

4. В результате совпадения звучания заимствованных слов со звучанием карачаево-балкарских слов: *бал* (через русск.) «бал» — *бал* «мед», *талакъ* (араб.) «развод» — *талакъ* «селезенка» и др.

5. Путем фонетического освоения заимствованных слов: *къарындаш* (через русск.) «карандаш» — *къарындаш* «брат», *дух* (русск.) «духи» — *дух* «сноп», *гири* (через русск.) «гирия» — *гири* «пряжка (веревки)» и т. д.

6. За счет заимствования лексических омонимов: *блок* (грузоподъёмное устройство) — *блок* (полит.), *класс* (полит.) — *класс* (учащихся), *нота* (дипломатическая) — *нота* (музыкальная), *чилле* (перс.) «сорокадневный период наибольшей зимней стужи и летней жары» — *чилле* (перс.) «шелк» и др.

7. Путем аффиксации: *къуруу* «строение» — *къуруу* «высыхание», *жаньу* «горение» — *жаньу* «правление (бритвы)». В этих парах граница между корнем и аффиксом проходит в разных местах: *къур-уу*, *къуру-у*; *жан-уу*, *жань-у*. Такими же омонимами становятся и глаголы *сьюи* и *сьюе-* в неопределенной форме: *сьюерге* «любить» — *сьюерге* «ставить».

8. Путем переноса значений: в омонимической паре *бау* «веревка, шнур» — *бау* «хлеб, коровник» второе слово образовано в результате синекдохи (*бау* «место, где привязывают животных веревкой, шнуром») (Хабичев, 1980, 63).

Образованию лексико-грамматических омонимов в карачаево-балкарском языке способствуют следующие причины:

1. Семантическое развитие значений слов: *къош-* «соединять» — *къош* «парный», *къан-* «утоляться» — *къан* «кровь», *чач* «волосы» — *чач-* «рассыпать», *къуу* «трут» — *къуу* «высохший», *жар* «обрыв» — *жар-* «разрубить» и др.

2. Лексикализация грамматических форм слов: *алгъа* (дательный падеж от служебного имени *ал* «перед») «сначала, сначала» — *алгъа* «вперед», *артха* (дательный падеж от служебного имени *арт* «зад, задняя сторона чего-либо») «назад, обратно» — *артха* «позже», *артдан* (исходный па-

деж от служебного имени *арт*) «потом, после, позже» — *артдан* «заочно, за глаза».

3. Конверсия прилагательных в существительные: *бай* «богатый» — *бай* «богач», *кзарт* «старый» — *кзарт* «старик», *жарлы* «бедный» — *жарлы* «бедняк» и др.

4. Конверсия числительного в союз: *бир* «один» — *бир* «то, либо» и т. д.

5. Конверсия наречия в прилагательное: *женгил* «легко» — *женгил* «легкий», *тюз* «ровно» — *тюз* «ровный», *шош* «тихо» — *шош* «тихий» и др.

6. Конверсия существительного в прилагательное: *кёк* «небо» — *кёк* «синий, голубой», *айланма* «водоворот, омут, пучина» — *айланма* «гулящий, гулящая» и др.

Некоторые исследователи считают, что омонимы — «досадное неразличение того, что должно различаться» (Реформатский, 1960, 65). Возражая им, Р. А. Будагов пишет: «Защитники взгляда на омонимы как на «больные слова» были бы правы, если бы язык представлял собой математическую систему: одно слово — одно значение, одно звучание — одно слово. В действительности же язык складывается иначе, он имеет свою специфику, поэтому и омонимы являются вполне естественным и вполне закономерным явлением» (Будагов, 1958, 47).

Наличие омонимии в языке, по существу, не препятствует общению, так как значения омонимов легко раскрываются в речевом и ситуационном контекстах. А в некоторых случаях омонимия «содействует обогащению языка, имея определенную общность с многозначностью» (Малкондуева, 1970, 16).

Столкновение омонимов используется поэтами для создания образа, выразительной речевой ситуации, заостренности. Это видно из следующих примеров:

*Терек бахча турады чиммакъ чагъып,
Огъурсуз уруш оту, бирде чагъып,
Жоюп кзойгъанды ма бу тереклени...
Салгъан ананы алтын тереклерин...
Толгъан ай, шагъатымса, булутдан чыкъ!
Ананы кёз жашлары — кырдыкда чыкъ.*

(М. Мокаев, Жырла бла жылла, 10)

«Сад расцвел белым-бело,
Злой огонь войны, однажды сверкнув,
Погубил вот эти деревья,
Золотые деревья посадившей их матери.

Луна полная, свидетель мой, выйди из-за облаков!
Слезы матери — роса в траве».

Язык сам старается избавиться от омонимов путем замены основы слова другим ее видом. Вероятно, этим можно объяснить то, что в карачаево-балкарском омонимическом ряду *хал* «обстановка» — *хал* «поведение, характер» второй компонент часто заменяется словом *хали* в том же значении.

Синонимы

Если явления полисемии и омонимии (при всем их глубоко внутреннем различии) похожи тем, что как при многозначности слова, так и при омонимии одна и та же форма (звуковой комплекс) наполнена разным содержанием, то синонимия противоположна и полисемии и омонимии (Калинин, 1978, 48).

Синонимы — это слова, обозначающие одно и то же понятие, близкие или совпадающие по значению, но различающиеся оттенками значений или стилистической окраской. Примеры синонимов: *саулукъ* — *саламатлыкъ* — *эсенлик* «здоровье», *кюч* — *къарыу* «сила», *тындыр-* — *битдир-* — *тамамла-* «выполнять», *къоруула-* — *сакъла-* «защищать», *тубе-* — *жолукъ-* «встречать».

Слова, объединенные единством обозначаемого явления действительности, образуют группу, называемую синонимическим рядом. Синонимический ряд может состоять из двух и более слов: *уучу* — *мараучу* «охотник», *айлан-* — *бурул-* «вращаться», *кюч* — *къарыу* «сила», *мамырлыкъ* — *ырахатлыкъ* — *тынчлыкъ* «мир», *аш* — *ашарыкъ* — *хант* — *азыкъ* — *къабарыкъ* «пища», *акъ-* — *саркъ*, *там-* — *тёгюл-* — *къюул-* «течь» и др.

Как в двучленных, так и в многочленных синонимических рядах выделяется основное слово, которое называется доминантой. В качестве доминанты всегда выступает слово, которое отличается наибольшей употребляемостью в синонимическом ряду, нейтральностью в стилистическом отношении, способностью наиболее четко и определенно передавать общее значение слов всего ряда. Например: в синонимических рядах *ангыла-* — *тюшюн-* «понимать», *ары-* — *тал-* — *талчыкъ-* «уставать», *бет* — *жух* — *гимхот* «лицо» доминантами следует считать слова *ангыла-*, *ары-* и *бет*.

Если синонимизируются слова устарелые, диалектные и общеупотребительные литературные, то доминантой могут быть последние.

Так, в синонимических рядах *бек* — *чексиз* — *кемсиз* «очень», *петрушка* — *гёлендир* «петрушка», *секретарь* — *къагъытчы* «секретарь» доминантами являются *бек*, *петрушка*, *секретарь*. Заимствованное слово может быть доминантой при условии его широкой употребительности и четкости в определении понятий. Таково персидское слово *душман* в синонимическом ряду *душман* — *жау* «враг».

Одно и то же слово, если оно многозначно, может находиться в нескольких синонимических рядах. Например, слово *акъыл* входит в два синонимических ряда: *акъыл* — *оюм* — *баш* — *анг* «ум» и *мурат* — *ниет* — *акъыл* — *умут* «намерение», но доминантой оно является только в первом ряду. В синонимических рядах *ариу* — *айбат* — *чырайлы* — *келбетли* «красивый» и *таза* — *ариу* — *кирсиз* «чистый» слово *ариу* служит доминантой первого ряда.

Синонимия в языке — явление всегда глубоко национальное и создается в разных языках различными путями (Шанский, 1964, 55).

Одним из источников синонимии в карачаево-балкарском языке является полисемия. Между многозначностью и синонимией существует тесная связь: многозначное слово входит, как правило, в несколько синонимических рядов. Например, имя прилагательное *эркин* в значении «свободный» синонимизируется с прилагательным *азат*, в значении «обильный» — со словом *эллек*, в значении «просторный» — с прилагательным *кенг*. Глагол *къара-* «смотреть» в значении «рассматривать» синонимизируется с глаголом *сюз-* «обсуждать» (*вопросха къара* — *вопросну сюз*), в значении «ухаживать» — с глаголом *бакъ-* (*малгъа къара* — *малгъа бакъ*), в значении «ждать» — с глаголом *сакъла-* (*эки кюн къара* — *эки кюн сакъла*), в значении «слушаться» — с глаголом *тынгыла-* (*атанг айтханнга къара* — *атанг айтханнга тынгыла*). Глаголы *сюз-*, *бакъ-*, *сакъла-*, *тынгыла-*, как и глагол *къара-*, являются многозначными, вследствие чего возникают новые синонимы. «Таким образом, в языке создается непрерывная сеть ассоциаций слов, которая охватывает большую часть словаря в его синхронном состоянии» (Апресян, 1957, 85).

Следующим источником синонимии карачаево-балкарского языка является обогащение и развитие лексики за счет использования диалектных слов. Таким путем образуются синонимические пары, в которых одно слово является литературным, а второе — диалектным. Например: *котур*

(лит.) — *юлкю* (диал.) «куст», *гургун* (лит.) — *кеселке* (диал.) «ящерица», *сабан агъач* (лит.) — *готон* (диал.) «плуг», *юлёкъу* (лит.) — *къуллю* (диал.) «шиповник», *сют баш* (лиг.) — *къаймакъ* (диал.) «сметана», *тырнаууч* (лит.) — *къыйтхы* (диал.) «борона», *хораз* (лит.) — *къыттай* (диал.) «петух» и др.

Появлению многих синонимов способствует заимствование слов из других языков. Карачаево-балкарский язык заимствовал лексику в основном из арабского, персидского, кабардино-черкесского, осетинского, а в последний период особенно из русского, языков. Через русский язык заимствуются и интернационализмы. В результате этого немало исконных слов синонимизируются с заимствованными. Таковы, например, существительные: *жау* — *душман* (перс.) «враг», *болум* — *хал* (араб.) «обстановка», *бала* — *сабий* (араб.) «ребенок», *умут* — *мурат* (араб.) «намерение», *байлыкъ* — *ырысхы* (араб.) «богатство», *сый* — *намыс* (араб.) — *хурмет* (араб.) «честь», *бал туз* — *шекер* (перс.) «сахар», *ал бота* — *фартук* (нем.) «фартук», *жугар* — *беккяхын* — *бел* (перс.) «лопата», *кезиу* — *заман* (араб.) — *уухты* (араб.) «время», *киши* — *адам* (араб.) «человек», *боюнлукъ* — *шарф* (русс.) «шарф», *сахан* — *ашлау* — *поднос* (русс.) «поднос», *отоу* — *комна* (русс.) «комната», *семирткич* — *удобрение* (русс.) «удобрение», *ат арба* — *бричка* — *подвод* (русс.) «подвода», *чыккыр* — *бёчке* (русс.) «бочка», *чекчи* — *пограничник* (русс.) «пограничник», *хораз* — *къыттай* — *гугурукку* — *къычырычу* — *тауукъ эркек* — *адакъа* (каб.-черк.) «петух», *ишеклик* — *гурушха* (каб.-черк.) «сомнение»; прилагательные: *сау* — *эсен* — *саламат* (араб.) «здоровый», *ариу* — *чырайлы* — *айбат* (араб.) «красивый», *тынч* — *ырахат* (араб.) «спокойный», *тынгылы* — *тамам* (араб.) «основательный», *кирсиз* — *таза* (перс.) «чистый», *эркин* — *азат* (араб.) «свободный», *булутлу* — *мутхуз* (осет.) «пасмурный» и др.

Некоторые синонимические ряды состоят из заимствованных слов. Например: *тарых* (араб.) — *история* (русс.) «история», *мал* (араб.) — *хайыуан* (араб.) «скотина», *адабият* (араб.) — *литература* (русс.) «литература», *заран* (араб.) — *зиян* (араб.) — *хата* (араб.) «вред», *преподаватель* (русс.) — *педагог* (русс.).

Следующим источником образования синонимов являются эвфемизмы, употребляемые для непрямого, прикрытого, вежливого, смягчающего обозначения какого-либо предмета или явления. Таким образом созданы, например, синонимы: *бууаз* «беременная» — *къарны бар* букв. «имеющая живот» — *ауур* «тяжелая», *къарт* «старый» — *уллай-*

гъан «старший», рак (болезнь) — атайтмаз букв. «не называть имени» и др.

В качестве синонимов к словам выступают их эквиваленты — фразеологические обороты. Фразеологизмы могут синонимизироваться:

1) с именами существительными: эр — баш ие «муж», жилимукъ — кёз жаш «слеза» и др.;

2) с именами прилагательными: мухар — къарны бла къан салгъан «прожорливый»; чурумчу — жауда жик излеген — жумуртхада тюк излеген «придирачивый»; жууаш — къой аузундан чён юзмеген — уш деп тауукъ учурмагъан «спокойный» и т. п.;

3) с глаголами: урла — сууукъ къол жетдир «воровать»; къалкъы — баш къакъ «дремать». Файрузну анасы ундурукъ аллында олтуруп, баш кзагады (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 163) «Мать Файруз, сидя перед кроватью, дремлет»; къайгъыр — кёз-кзулакъ бол «заботиться». Ол сабийлеге кёз-кзулакъ болургъа, къалай ёсгенлерине таймаздан къараргъа борчум эди (Жанкылыч, 352) «Заботиться об этих детях, непрерывно следить за их ростом было моей обязанностью» и т. п.;

4) с наречиями: терк — эрлай — мычымай — кёзню жумуп ачхынчы «мгновенно». Кёзню жумуп ачхынчы командирни буйругъу бла тёртюшер болуп тизилишдиле (Хубиев, 25). «В одно мгновение по приказу командира построились по четыре»; дайым — тохтаусуз — баш кюн бла бош кюн сайын «постоянно». Баш кюн бла бош кюн сайын жасакъ жыядыла (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 218) «Беспрерывно собирают налоги» и др.

Ни одна из фразеологических единиц синонимического ряда не является нейтральным носителем соответствующего понятийного содержания, а, следовательно, не служит доминантой. Опорой ряда служит слово того же значения или словосочетание как описательное наименование (Толикина, 1966, 97).

Сложносокращенное слово выступает синонимом полного названия, и тогда возможны синонимические ряды: бийик окъуу юй — вуз, Бирикген Миллетлени Организациясы — ООН, Къабарты-Малкъар къырал университет «Кабардино-Балкарский государственный университет» — КъМКъу и т. п.

Синонимы карачаево-балкарского языка делятся на два основных типа: понятийные, или идеографические, и стилистические.

Понятийными синонимами называются «стилистически нейтральные слова, отличающиеся друг от друга оттенка-

ми основного, общего для каждого из них значения» (Палевская, 1964, 34). Таковы, например, синонимы *жууаш* — *тынч* — *сабыр*, которые объединяются значением «ведущий себя тихо, не беспокоящий, не раздражающий». *Тынч* — значит «спокойный, мирный», *жууаш* — «смирный», *сабыр* — «сдержанный». Понятийными являются также синонимы: *ариу* — *таза* — *кирсиз* «чистый», *кӟалтыра* — *титире* «дрожать», *айлан* — *бурул* «вращаться» и т. д. Основное назначение понятийных синонимов в языке — служить средством точного выражения мысли в каждом частном случае речевого употребления.

Некоторые из понятийных синонимов называют явления, отличающиеся друг от друга количественно, т. е. степень проявления того или иного признака. Примерами таких синонимов являются: *улла* — *деу* — *деменгили* — *мазаллы* «большой», *там* — *акъ* — *саркъ* — *тӟгюл* — *кӟуюл* «течь», *кӟоркӟут* — *юркют* — *элгендир* — *алындыр* — «пугать», *ачлыкӟ* — *жутлукӟ* «голод», *итин* — *талпын* — *тырмаш* «стремиться к чему-то, стараться».

Как и в других языках, в карачаево-балкарском имеют место пары таких понятийных синонимов, значение и употребление которых не имеет различий. Они представлены в основном однозначными словами, одно из которых обычно принадлежит к числу интернациональных или иноязычных и только в редких случаях оба являются карачаево-балкарскими. Например: *ашлыкӟ* — *арна* «ячмень», *хар* — *гуржаба* «кружево» (русс.), *кашне* — *боюнлукӟ* «кашне», *палаток* — *кӟол жаулукӟ* «носовой платок» и др. Иногда оба слова бывают заимствованными; *ручка* (русс.) — *кӟалам* (араб.) «ручка». Такие слова называются абсолютными синонимами или дублетами. «Максимальная номинативность, лишённая побочных оттенков, могла явиться причиной того, что абсолютная синонимия находится почти исключительно в морфологических рамках имени существительного» (Лагутина, 1967, 124).

Стилистическими называются синонимы, тождественные по лексическому значению, но различающиеся стилистической окраской. В ряду стилистических синонимов обычно одно слово нейтральное, а другие относятся к разговорной или просторечной лексике. Например, такой ряд составляют слова *аша* — *сюрт* — *буштукӟла* «кушать», где *аша* — нейтральное, *сюрт* — разговорное, *буштукӟла* — грубо-просторечное. Стилистические синонимы широко распространены среди всех частей речи, например: *кӟарын* — *быдыр* «живот», *печатъ* — *мухур* «прибор для оттискивания», *сабий* — *гыга* «ребенок», *эриши* — *ушагӟыусуз* — *кӟут*

суз — *жапысыз* «некрасивый», *эринчек* — *мытыр* «ленивый», *тели* — *акъмакъ* — *сылхыр* «глупый», *къара-* — *арал* «смотреть», *сёлеш-* — *жанша-* «говорить», *урла-* — *сыпырт-* — *секирт-* «украсть», *къоркъ-* — *буюкъ-* — *сыкъ-* «бояться», *алда-* — *сыртла-* «обманывать», *терк* — *къыстау* «быстро», *бек* — *эм* «очень», *арталлыда* — *чыртда* «совсем» и др.

Следует отметить, что если понятийная синонимика в системе имен существительных преимущественно слова абстрактные (*жигитлик*—*батырлыкъ* — *эрлик* «смелость»), то среди стилистических синонимов наблюдается большое количество существительных с конкретным значением (*аракъы* — *шайтансуу* «водка», *бет* — *жух* — *гимхот* «лицо» и т. п.).

Некоторые синонимические ряды имеют ту особенность, что в них одно слово относится к современной лексике, а другое к устаревшей. Например, в синонимических рядах *тетрадь* — *дефтер* «тетрадь», *уксус* — *сиркесуу* «уксус», *кёнчек* — *шалбар* «брюки», *минут* — *такъыйкъа* «минута», *помидор* — *бадражан*, *жау* — *май* «масло», *басма* — *зарф* «печать» первые общеупотребительные, вторые же считаются устаревшими, но нередко используются в художественной литературе и разговорной речи.

Синонимы карачаево-балкарского языка могут различаться степенью сочетаемости с разными словами. Например, прилагательные *къолан* и *ала* имеют значение «пестрый, пегий», но *къолан* сочетается со многими словами (*къолан къумач* «пестрая ткань», *къолан ат* «пегаая лошадь» и др.), а *ала* — в основном с *кёз* «глаз». Прилагательные *мор* и *къонгур* тоже имеют одно значение «коричневый, бурый». Но *мор* сочетается со многими существительными (*мор кийим* «коричневая одежда», *мор бояу* «коричневая краска» и т. д.), а *къонгур* — в основном лишь с названиями животных (*къонгур ийнек* «бурая корова» и др.).

Некоторые пары синонимов образуют сдвоенные (парные) слова, при этом возникают новые смысловые оттенки. Таковы, например: *тарт-соз* «тяжба», *тынч-ырахат* «спокойно», *арымай-талмай* «неустанно», *сау-эсен* «жив-здоров», *кюч-къарыу* «сила» и др. *Аллай заманлада анга эс тапдыргъан, кюч-къарыу да берген адамла болдула* (Х. Шаваев, Ыйыкъны ахыр кюню, 15) «В такие моменты были люди, подбадривавшие его и придававшие ему силы». *Жаш адамлагъа арыу-талыу жокъду* (О. Хубиев, Аманат, 22) «Молодые люди не знают устали».

Синонимия выполняет важные функции в языке. «Употребление синонимов определяется самыми различными причинами и тесно связано как с речевой ситуацией, так и с намерениями говорящего, однако в любом случае оно (естественно, если является верным) позволяет разнообразить наш язык, делает его более точным, выразительным и красочным» (Шанский, 1964, 56).

Синонимы могут использоваться с разными стилистическими целями. Но чаще всего они употребляются для избежания тавтологии, слишком частого повторения одних и тех же слов. Например: *Андрей Байкәсымгә тубер муратда, аны арбазына шош кирип, кәарангы жатмагә сингип, эски юнью эшигинден иги кесек тынгылап турду* (О. Этезов, Аслан, 198) «Чтобы встретиться с Байкасымом, Андрей тихо пробрался в его двор, проник в темные сени и долго слушал у двери старого дома». *Анасы Хасаны тыялмазлыгын билепми чарламайды, огәесе Хасан сәзде ашыкәганлыкәгә, ишге жетген заманда кетип кәалмаз депми базады, огәесе ол Азретни табарынамы ышанады* (О. Хубиев, Аманат, 85) «Мать или знает, что не сможет остановить Хасана и потому не сердится, или рассчитывает, что когда до дела дойдет, он не уедет, или надеется, что он найдет Азрета».

Карачаево-балкарский язык богат синонимами, но вместе с тем целый ряд слов синонимов не имеет. Это, в первую очередь, различные термины и наименования конкретных предметов.

При отсутствии синонима у какого-либо необходимого слова автору приходится допускать нежелательное повторение. Это видно из следующего примера: *Бир кесекден биягәы ат аякә тауушла чыкәдыла эм юч атлы Байкәсымны кәошуну аллында атладан тюшдюле. Атланы бир бири иерлерине кәантарып, ючюсю да кәошха кирдиле* (О. Этезов, Аслан, 216) «Через некоторое время опять послышался конский топот, и трое конных слезли с коней перед кошем Байкасыма. Привязав коней друг к другу, все трое вошли в кош»

Синонимы, особенно понятийные, выполняют еще функцию уточнения, когда говорящий или пишущий желает более четко передать мысль и для этого в одном предложении ставит рядом несколько слов и обращает внимание на то, что эти слова обозначают одно и то же: *Бекболат, тутуша тургәан бугә таналадан бирини быгәынына таякә блакәатылып, элгендиреди, юркютеди* (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 179) «Бекболат, ткнув палкой в бок, отпугивает, заставляет шараться одного из борющихся бычков».

Сарыбийча болмай, Добай, юйюне кзонакъ келсе, аны намысын, сыйын кёре биле эди (О. Этезов, Тарда, 111) «В отличие от Сарбия, Добай, если приходил гость в его дом, умел принимать с честью и почетом». Этот способ называется нанизыванием синонимов, при котором подчеркивается тождество или очень близкое смысловое сходство слов.

В карачаево-балкарском языке синонимы встречаются среди всех знаменательных слов, особенно ими богаты глаголы и прилагательные. Приведем примеры синонимов по частям речи.

Имена существительные: *мамырлыкъ — ырахатлыкъ — тынчлыкъ* «мир, спокойствие», *жеттишимсизлик — кемчилик — шарайып* «недостаток», *акъыл — баш — анг — эс* «ум», *арба — бричка — подвод* «подвода», *ауаз — ён* «голос», *бел — бекяхын — жугар — кюрек* «лопата», *саулукъ — саламатлыкъ — эсенлик* «здоровье», *шуёх — тенг* «друг», *зулмулукъ — залимлик — зорлукъ — артыкълыкъ* «насилие», *билдириу — хапар* «сообщение».

Имена прилагательные: *фахмулу — хунерли* «талантливый», *тели — акъмакъ — сылхыр* «глупый», *ариу — айбат — чырайлы — келбетли* «красивый», *ауруулу — саусуз — ырахын — кзьяулу* «больной», *насыпсыз — харип — кзыйынлы* «несчастливый», *исси — кзызыу — кзайнар* «горячий», *уллу — деу — деменгили — мазаллы* «большой».

Местоимения: *нек — не ююн* «зачем», *ненча — нелляй бир — кзаллай бир* «сколько».

Глаголы: *тюш- — тигеле- — эн-* «спускаться», *сана- — эсепле- — хыйсапла-* «считать», *кзутхар- — азатла- — эркин эт-* «освободить», *тюбе- — жолукъ-* «встречать», *ангыла- — тюшюн-* «понимать», *тамамла- — толтур- — битдир- — тындыр-* «исполнять», *кзууан- — суйюн-* «радоваться», *жаша- — тур-* «жить», *тёз- — чыда-* «терпеть», *ачыулан- — чамлан- — уруш- — кзутур-* «ругать».

Наречия: *алгзын — бурун* «прежде», *бютюнда — артыгзыракъда — артыкъсызда — бегирекда* «особенно», *терк — эрляй — мычымай — женгил* «быстро», *кёлден — азбар* «наизусть».

По структурно-грамматическим особенностям синонимы карачаево-балкарского языка делятся на следующие группы:

1) синонимы, выраженные корневыми словами. К этой группе относятся слова-синонимы, не имеющие каких-либо грамматических показателей: *эн- — тюш-* «спускаться», *кзач- — тай-* «убегать», *ары- — тал-* «утомляться», *шош — тынч* «тихо»;

2) синонимы, выраженные производными словами. В эту группу входят слова, имеющие морфологические показатели: *азатлыкъ* — *эркинлик* «свобода», *мамырлыкъ* — *ырахатлыкъ* — *тынчлыкъ* «мир», *уучу* — *мараучу* «охотник», *намыссыз* — *уятсыз* — *бетсиз* «бессовестный», *бёлюн* — *айырыл* «отделяться», *тазала* — *ариула* «чистить»;

3) синонимы, выраженные словами, образованными от одного и того же корня, но различающиеся друг от друга аффиксами. Например, *юйюр* — *юйдеги* «семья», *тал* — *талчыкъ* «утомляться», *баз* — *базын* «надеяться», *къуру* — *къургъакъсы* «высыхать», *артыкъда* — *артыгъыракъда* — *артыкъсызда* «особенно», *къуу* — *къууала* «гнать»;

4) синонимы, выраженные корневыми и производными словами: *чап* — *къуул* «бежать», *суй* — *жарат* «любить», *чий* — *бишмеген* «незрелый», *кенг* — *эркин* «просторный», *тым* — *тузлукъ* «подливка»;

5) синонимы, выраженные сложными словами: *терсбоюн* — *терсакъыл* «самодур», *жюрекжар* — *къанбуз* «раздражающий, выводящий из терпения»;

6) синонимы, выраженные простыми и сложными словами: *улёкъу* — *итбурун* «шиповник», *уксус* — *сиркесуу* «уксус»;

7) синонимы, выраженные простыми словами и сочетаниями слов: *сокъуран* — *чогъеж бол* «каяться», *ышан* — *умут эт* «надеяться», *жапсар* — *кёл этдир* «утешать», *къатын* — *юй бийче* «жена», *былтыр* — *озгъан жыл* «прошлый год», *дуния* — *жер жюзю* «мир, земной шар», *тёз* — *сабыр эт* «терпеть», *ёпкеле* — *кёлкъалды бол* «обижаться»;

8) синонимы, выраженные парно-повторными словами: *той-оюн* — *оюн-кюлкю* «веселье», *кюч-къарыу* — *кюч-къууат* «сила, мощь, энергия», *аякъ-къашыкъ* — *сауут-саба* «посуда».

Синонимы используются в пословицах и поговорках: *отдан чыкъ да ёртеннге* «из огня да в полымя», *ары абына, бери сюрюне* «спотыкаясь», *бир абынган минг сюрюнюр* «спотыкаться» (досл.: «кто раз споткнется, тот тысячу раз будет шататься»).

Антонимы

В карачаево-балкарском языке многие слова соотносительно противопоставляются друг с другом по противоположным значениям и объединяются в замкнутые пары (*бийик* «высокий» — *алаша* «низкий», *кюн* «день» — *кече* «ночь», *ал* «брать» — *бер* «давать» и т. д.). Именно этим

объясняется тот факт, что, кроме омонимов и синонимов, в лексическом составе языка существуют также и антонимы. **Антонимами** называются слова разного звучания, выражающие противоположные, но соотносительные друг с другом понятия (Шанский, 1964, 63).

Соотносительным противопоставление называется потому, что в языке в подобные отношения вступают лишь слова, находящиеся в одной и той же лексической и грамматической (по признаку отнесен к одной и той же части речи) парадигме, обозначающие логически совместимые понятия (Фомина, 1983, 114). В основу их сопоставления положен один и тот же общий и существенный для них признак. Например, семантически соотносительными являются слова, характеризующие разного рода качественные признаки (*ариу* «красивый» — *эриши* «безобразный», *татлы* «сладкий» — *ачы* «горький»); эмоции (*къууанч* «радость» — *бушуу* «грусть», *шуёхлукъ* «дружба» — *душманлыкъ* «вражда»); понятия пространства и времени (*оннга* — «направо» — *солгъа* «налево», *кюндюз* «днем» — *кече* «ночью») и другие. «Невозможно представить себе антонимическую группу, члены которой называли бы совершенно различные, не имеющие ничего общего, предметы и явления. Такая близость с предметной стороны вообще обязательна для объединения слов в какие бы то ни было группы по их лексическому значению (Комиссаров, 1957, 53).

Противоположными значения антонимов называются потому, что антонимы находятся на крайних точках лексической парадигмы. Между ними в языке нередко имеются лексические единицы, обладающие неким средним, семантически нейтральным значением и называемые иногда логическими центрами (Шукуров, 1973, 10). Например, в антонимической паре *ахшы* «хороший» — *аман* «плохой» логическим центром является слово *орта* «средний, удовлетворительный».

Еще одним признаком антонимов является регулярная воспроизводимость их в речевой практике носителей языка. Таким образом, «создается своеобразный «эффект» антонимов: обозначая противоположные значения, они исключают, нейтрализуют друг друга семантически, но, будучи оформленными в особую структуру — антонимический ряд, выстраиваются в такие модели (антонимические контексты), которые обеспечивают им регулярное совместное употребление» (Иванова, 1982, 21).

Одним из условий для создания антонимического ряда является единая стилистическая окраска для обоих членов

ряда. Противоположные слова, относящиеся к разным стилям, не образуют антонимического ряда, так как не могут систематически встречаться в одних и тех же антонимических контекстах. Например, противопоставления *мазаллы* «громадный» — *гитче* «маленький», *жапысыз* «неприглядный» — *ариу* «красивый», *сылхыр* «ошалелый» — *акъыллы* «умный» и другие не могут считаться антонимическими рядами из-за разной стилистической окраски их членов.

Не все вещи, предметы, явления и процессы противопоставляются между собой. Поэтому далеко не все слова имеют антонимы. Не имеют антонимов, как правило, имена существительные с четко закрепленным конкретным значением (*юй* «дом», *китап* «книга», *суу* «вода» и др.), числительные, большинство местоимений, личные имена, т. е. те слова, в значении которых отсутствуют или оценочно-качественные признаки, или прямая, непосредственная соотношенность с понятием о предмете, а также другие логико-семантические характеристики (Фомина, 1983, 118). Нет антонимов у качественных прилагательных, обозначающих названия цветов или их оттенков (за исключением *акъ* «белый» — *къара* «черный»).

Поскольку антонимами могут быть только полярно противоположные по значению слова, то пары слов *ачы* «горький» — *мысты* «кислый», *жылы* «теплый» — *сууукъ* «холодный» не являются антонимами, так как не обозначают полного противопоставления (полное противопоставление выражается словами: *ачы* «горький» — *татлы* «сладкий», *исси* «горячий» — *сууукъ* «холодный»).

В зависимости от различительных признаков, которыми обладают слова с противоположным значением, могут быть выделены антонимы языковые и контекстуально-речевые. Языковые антонимы характеризуются общественно осознанными системными отношениями, регулярностью воспроизведения в одних и тех же синтагматических условиях, закрепленностью в словарном составе и устойчивой стилиевой принадлежностью. Примеры языковых антонимов приведены выше.

Наряду с языковыми антонимами в том или ином контексте встречаются слова, которые могут стать антонимами в окказиональном употреблении. Такие слова-антонимы называют речевыми, а иногда контекстуальными, индивидуальными, авторскими. Они создаются особенно в поэзии. См., например:

*Тауладан кенгде — айым сокъур,
Кюнюм къырау болуп жашадым,*

*Жюрек жарам да кече сотур
Бола эди, кюндюз ашланып.*

(М. Мокаев, «Жарыйдыла бийик жулдузла»)

*«Я жил вдали от гор,
Луна моя была слепа, а солнце мое — незряче.
Сердечная боль ночью
Затихала, воспаляясь днем».*

*Кён кыйналган журтум, сен —
Жюрегим эм оюм.
Саулай кбалган журтум, сен —
Жиляуум эм тоюм.*

(Кз. Кулиев, «Малкъар»)

*«Много страдавший мой отчий край, ты —
Мое сердце и ум.
Оставшийся в живых мой отчий край, ты —
Мой плач и пир».*

В этих примерах контекстуальными антонимами являются пары слов *ай* «луна» — *кюн* «солнце», *жюрек* «сердце» — *ой* «ум» и *жиляу* «плач» — *той* «пир».

Как и синонимы, антонимы карачаево-балкарского языка связаны с многозначностью слова. У многозначного слова может быть несколько антонимов. Например, слово *ариу*, имеющее два значения: «красивый» и «чистый» антонимично со словами *эриши* «некрасивый» и *кир* «грязный, неочищенный» (ср. *ариу суу* «чистая вода» — *кир суу* «грязная вода»); многозначное прилагательное *ачыкъ* тоже является членом двух антонимических пар: *ачыкъ* «открытый» — *жабыкъ* «закрытый» и *ачыкъ* «ясный» — *булутлу* «пасмурный».

Антонимы находятся в тесной семантической связи с синонимами. Слова одного синонимического ряда могут вступать в антонимические отношения со словами другого синонимического ряда. Например, к словам-синонимам *намыслы* «совестливый», *уятлы* «стыдливый», *асыллы* «благородный» антонимами будут *намыссыз* «бессовестный», *уятсыз* «бесстыдный», *асылсыз* «циничный». Таким образом в языке создаются синонимические пары антонимов: *намыслы* «совестливый» — *намыссыз* «бессовестный», *уятлы* «стыдливый» — *уятсыз* «бесстыдный». Так же к синонимам *ауур* «тяжелый» — *кыйын* «трудный» образованы антонимы *женгил* «легкий» — *тынч* «нетрудный».

Антонимия характерна для различных частей речи. Но она особенно ярко проявляется в именах прилагательных. Этому способствуют широта семантического диапазона прилагательных, разнообразие оттенков их значений (Байжанов, 1985, 8).

В зависимости от лексических значений среди антонимов-прилагательных карачаево-балкарского языка различаются слова, выражающие:

1) психологическое состояние человека: *чомарт* «щедрый» — *къызгъанч* «жадный», *акъыллы* «умный» — *тели* «глупый», *жарыкъ* «веселый» — *мудах* «грустный», *тынч* «спокойный» — *огъурсуз* «злой», *батыр* «храбрый» — *къоркъакъ* «трусливый» и т. д.;

2) физиологическое состояние человека и животных: *саулукълу* «здоровый» — *ауруулу* «больной», *жаш* «молодой» — *къарт* «старый», *токъ* «сытый» — *ач* «голодный», *семиз* «жирный» — *арыкъ* «худой», *бууаз* «стельная» — *къысыр* «яловая» и т. д.;

3) качество предмета: *къаты* «твердый» — *жумушакъ* «мягкий», *иги* «хороший» — *аман* «плохой», *жангы* «новый» — *эски* «старый» и т. д.;

4) объем, меру, вес предметов: *улуу* «большой» — *гитче* «маленький», *узун* «длинный» — *къысха* «короткий», *кенг* «широкий» — *тар* «узкий», *къалын* «толстый» — *жукъа* «тонкий» и т. д.;

5) вкус, цвет, температуру: *татлы* «сладкий» — *ачы* «горький», *акъ* «белый» — *къара* «черный», *исси* «жаркий» — *сууукъ* «холодный» и т. д.;

6) понятия, связанные с временными значениями: *кечеги* «ночной» — *кюндюзгю* «дневной», *алгъынгы* «прежний» — *ахыргъы* «последний» и т. д.;

7) понятия, связанные с пространственными значениями: *онг* «правый» — *сол* «левый», *жууукъ* «близкий» — *узакъ* «далекий».

По своим лексическим значениям среди антонимов-существительных различаются слова, выражающие:

1) психологические чувства людей: *къууанч* «радость» — *бушуу* «горе», *кюлкю* «смех» — *жиляу* «плач», *батырлыкъ* «храбрость» — *къоркъакълыкъ* «трусость» и т. д.;

2) отношения между людьми: *шуёх* «друг» — *душман* «враг», *жууукъ* «приятель» — *жау* «враг» и т. д.;

3) пространственные отношения: *ал* «перед» — *арт* «зад», *кюнчыгъыш* «восток» — *кюнбатыш* «запад», *баш* «начало» — *аякъ* «конец» и т. д.;

4) временные отношения: *кече* «ночь» — *кюн* «день», *къыш* «зима» — *жаз* «весна», *эрттен* «утро» — *ингир* «вечер» и т. д.;

5) общественно-политические понятия: *солчу* «левый» — *онгчу* «правый», *идеалист* — *материалист* и т. д.;

6) понятия, связанные с религией: *гюнях* «грех» — *сууан* «благодетель», *жаннет* «рай» — *жаханим* «ад» и т. д.

Антонимы-глаголы карачаево-балкарского языка по их семантике можно разделить на слова, выражающие:

1) чувства, эмоции человека, его психологическое состояние: *жиля-* «плакать» — *кюл-* «смеяться», *къууан-* «радоваться» — *жарсы-* «горевать» и т. д.;

2) действия в различных направлениях: *кел-* «приходить» — *кет-* «уходить», *кир-* «входить» — *чыкъ-* «выходить» и т. д.;

3) различные состояния предметов: *жан-* «гореть» — *ёчюл-* «потухать», *къат-* «твердеть» — *жумуша-* «смягчаться» и т. д.;

4) начало и конец действия: *башла-* «начинать» — *боша-* «кончать», *башлан-* «начинаться» — *бошал-* «кончаться» и т. д.

В антонимические отношения вступают и наречия. Антонимы-наречия по семантике делятся на слова, выражающие:

1) время действия: *эртте* «рано» — *кеч* «поздно», *эрттенликде* «утром» — *ингирде* «вечером», *алгъа* «раньше» — *артда* «после» и т. д.;

2) образ действия: *тынч* «легко» — *къыйын* «трудно», *терк* «быстро» — *акъырын* «медленно» и т. д.;

3) место и направление действия: *мында* «здесь» — *анда* «там», *ёрге* «вверх» — *энишге* «вниз», *ары* «туда» — *бери* «сюда», *оннга* «направо» — *солгъа* «налево» и т. д.;

4) количество и меру: *аз* «мало» — *кёп* «много» и т. д.

Антонимы встречаются также среди местоимений (*ол* «тот» — *бу* «этот») и служебных частей речи (*хау* «да» — *угъай* «нет»).

Членами антонимических пар карачаево-балкарского языка могут быть как исконные, так и заимствованные слова. Исходя из этого, антонимия классифицируется следующим образом:

1) антонимия исконных слов: *иги* «хороший» — *аман* «плохой», *жууукъ* «близкий» — *узакъ* «далекий», *узун* «длинный» — *къысха* «короткий», *женгил* «легкий» — *ауур* «тяжелый», *кел-* «приходить» — *кет-* «уходить», *кёбей-* «увеличиваться» — *азай-* «уменьшаться» и т. д.;

2) антонимия исконных слов и заимствований: *базыкъ*

«толстый» — *назик* (перс.) «тонкий», *женгил* «вспыльчивый» — *сабыр* (араб.) «спокойный» и т. д.;

3) антонимия слов, заимствованных из арабского и персидского языков: *халал* «добытый честным трудом» — *харам* «добытый нечестным трудом», *хайыр* «польза» — *хата* «вред», *файда* «прибыль» — *заран* «ущерб», *жаннет* «рай» — *жаханим* «ад», *алим* «ученый» — *жахил* «невежда» и т. д.;

4) антонимия слов, заимствованных из русского и через русский язык: *доход* — *расход*, *идеалист* — *материалист*, *импорт* — *экспорт*, *север* — *юг*, *оптимист* — *пессимист* и т. д.

По своей структуре антонимы карачаево-балкарского языка делятся на разнокорневые и однокорневые.

В разнокорневых (или собственно лексических) антонимах противоположные значения являются принадлежностью этих слов в целом (ср.: *бийик* «высокий» — *алаша* «низкий», *ач* «голодный» — *токъ* «сытый», *кир-* «заходить» — *чыкъ-* «выходить» и т. п.).

В однокорневых (или лексико-грамматических) антонимах их противоположные значения объясняются противопоставлением словообразовательных суффиксов, в основном *-лы*, *-ли*, *-сыз*, *-сиз* (ср.: *акъыллы* «умный» — *акъылсыз* «глупый», *къарыулу* «сильный» — *къарыусуз* «бессильный», *жараулу* «полезный» — *жараусуз* «беспольный», *фахмулу* «даровитый» — *фахмусуз* «бездарный», *кирли* «грязный» — *кирсиз* «чистый» и т. п.).

Антонимия имеет место и во фразеологии. В онтологическом плане она не отличается существенно от природы семантической противоположности в лексике. Решающим в антонимии фразеологических единиц является не противопоставление их антонимичных компонентов, а значения фразеологизмов в целом (Хабибов, 1984, 20). Примеры карачаево-балкарских антонимов-фразеологизмов: *жилян эмген макъача* «худой» — *эти терисине сыйынмагъан* «толстый», *ийнеге халы сууура билмеген* «не умеющий шить (обычно о женщине)» — *къыптысындан къан тамгъан* «умелец», *къолу жукъа* «бедный» — *къолу къалын* «богатый», *онг кёз бла къара* «относиться доброжелательно» — *сол кёз бла къара* «относиться недоброжелательно».

По принципу антонимичности в карачаево-балкарском языке построены парные слова. Они образуются от активно употребляемых в устной и письменной речи антонимов. Парные слова, состоящие из антонимов, выражают различные понятия: *дос-душман* «друзья и недруги» (*дос* «друг», *душман* «враг»), *къул-бий* «господа и рабы» (*къул* «раб», *бий* «господин»), *ата-ана* «родители» (*ата* «отец», *ана* «мать»), *эр-къатын* «супруги» (*эр* «муж», *къатын* «жена»),

баш-аякъ «голова и ножки, т. е. не мясные части забитого скота», *чийли-бишли* «недоваренный», *ары-бери* «туда-сюда» и т. д.

В карачаево-балкарском языке имеет место энантиосемия, т. е. противоположное употребление одного и того же слова. Например: *махта-* «хвалить» — *махта-* «ругать», *бая-* «красить» — *бая-* «марать» и т. п.

Антонимы издавна используются в языке в качестве выразительно-изобразительных средств. Ими пользуются писатели для создания контрастных образов, для резкого противопоставления признаков, явлений и т. п.:

*Мени бийик журтум, сен —
Къууанчым, жарсыуум,
Мени кѣм-кѣк журтум, сен —
Ётмегим эм сууум.*

*Мени чиммакъ журтум, сен —
Къыш кечем, жаз кюнюм,
Чынарларынг шош ёсе,
Болдунг тюшюм эм тюнюм...*

*Сенсе кечем, кюнюм да,
Кюнюм, кючсюзлюгюм,
Сен — мени ёлюмюм да,
Сен — ёлюмсюзлюгюм!*

(Къ. Кулиев. «Малкъар»)

*«Мой горный отчий край, ты —
Моя радость, моя печаль,
Мой зеленый отчий край, ты —
Мой хлеб и моя вода.*

*Мой белый отчий край, ты —
Моя зимняя ночь, мой летний день,
Тихо растут чинары твои,
Был ты моим сном, моей явью...*

*Ты ночь моя и день ты мой,
Сила моя и бессилье мое,
Ты — и смерть моя,
Ты — и мое бессмертие».*

Широко используются антонимы в пословицах и поговорках: *гитче балта да аудурады уллу терекни* «и малень-

кий топор валит большое дерево»; *кѳуллукѳну тапхан* — *тынч, тутхан* — *кѳыйын* «найти должность легко, удержать трудно»; *хайыр этмесенг, хата да этме* «если не делаешь пользы, то не делай хотя бы вреда»; *иги жашны ышаны* — *аз сѳелешип, кѳп тынгылар* «признак хорошего молодца — он мало говорит, много слушает»; *кишиге аманлыкѳ этгенден эсе, башынга ахшылыкѳ эт* «чем делать зло кому-то, делай себе добро», *ачы бла татлыны* — *татхан билир, узакѳ бла жуукѳну* — *жортхан билир* «горькое и сладкое — поймет отведавший, далекое и близкое — поймет пробежавший» и др.

Употребление антонимов делает речь выразительнее и семантически богаче.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Согласно одной из последних классификаций карачаево-балкарский язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. В эту подгруппу входят караимский, карачаево-балкарский, кумыкский, крымско-татарский и крымчакский языки (Баскаков, 1981, 20).

Правильность этого вывода подтверждается и сходством лексики. Например, понятия «шапка», «горло», «лампа», «гвоздь», «сосна» в карачаево-балкарском и кумыкском языке имеют названия соответственно *бѳрк, тамакѳ, чыракѳ, чюй, нарат*, тогда как в азербайджанском языке, относящемся к другой — огузской — группе тюркских языков, они передаются: *папаг, богѳаз, лампа, мых, шам*.

Основной словарный фонд и словарный состав карачаево-балкарского языка

В основной словарный фонд входят слова, выражающие жизненно важные, жизненно необходимые понятия, как вода, земля, гора, человек, ходить, работать и т. д. Это слова, понятные всему народу. Слова основного словарного фонда отличаются большой устойчивостью, они живут очень долго, изменяются весьма медленно и служат базой для образования новых слов (Егоров, 1971, 66).

В основной словарный фонд современного карачаево-балкарского языка главным образом входит следующий

устойчивый круг общеупотребительных слов, представляющих собой:

общественно-политические термины: *къырал* «государство», *халкъ* «народ», *министерство*, *профсоюз*, *сюд* «суд», *социализм*, *коммунизм*, *революция*, *обком* и т. д.;

названия человека и частей его тела: *адам* «человек», *баш* «голова», *мангылай* «лоб», *бурун* «нос», *желке* «затылок», *боюн* «шея», *бауур* «печень», *бюйрек* «почка», *чач* «волосы» и т. д.;

термины родства: *ата* «отец», *ана* «мать», *аппа* «дед», *сабий* «ребенок», *жаш* «сын», *къыз* «дочь», *къарындаш* «брат», *эгеч* «сестра», *къатын* «жена», *эр* «муж», *киеу* «зять», *келин* «сноха» и т. д.;

названия жилища и домашней утвари: *юй* «дом», *эшик* «дверь», *терезе* «окно», *жатма* «навес», *жыйгъыч* «полка для складывания домашних вещей», *ожакъ* «дымовая труба», *кюйюз* «ковер» и т. д.;

наименования пищи: *аш* «пища», *ушхууур* «ужин», *къурмач* «жареные зерна», *къууут* «толокно», *гыржын* «чурек», *халыу* «лепешка», *чырлама* «блин», *хынгкял* «суп-лапша», *баста* «каша», *сохта* «домашняя колбаса», *шорпа* «бульон», *айран* «кислое молоко» и т. д.;

названия одежды и обуви: *кийим* «одежда», *кёлек* «рубаха», *кёнчек* «брюки», *тон* «шуба», *пальто*, *костюм*, *къаптал* «бешмет», *чепкен* «черкеска», *жамычы* «бурка», *къалпакъ* «шляпа», *жаулукъ* «платок», *чурукъ* «ботинок», «сапог» и т. д.;

наименования, связанные с сельским хозяйством: *колхоз*, *агроном*, *трактор*, *комбайн*, *тырнауу* «борона», *оракъ* «серп», *чалгъы* «коса», *сабан* «поле», *будай* «пшеница», *арпа* «ячмень», *къудору* «горох» и т. д.;

названия животных: *къой* «овца», *эчки* «коза», *ийнек* «корова», *бузоу* «теленок», *тауукъ* «курица», *бёрю* «волк», *аслан* «лев», *къаплан* «тигр», *къоян* «заяц», *тюлкю* «лнса» и т. д.;

наименования небесных светил и разных явлений природы: *кюн* «солнце», *ай* «луна», *жулдуз* «звезда», *кёк* «небо», *булут* «облако», *жел* «ветер», *жауун* «дождь», *къар* «снег», *боран* «буран» и т. д.;

названия признаков и действий: *акъыллы* «умный», *жаны* «новый», *иги* «хороший», *осал* «плохой», *халал* «добрый», *огъурсуз* «злой», *ич* «пить», *бар* «идти», *кел* «приходить», *окъу* «читать», *олтур* «садиться» и т. д.

Таким образом, в основной словарный фонд современного карачаево-балкарского языка входят корневые лексемы древнего происхождения, а также производные и слож-

ные слова, как слова тюркские, так и заимствованные из других языков.

В отличие от основного словарного фонда словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения. Он непрерывно пополняется новыми словами, возникающими в связи с развитием производства, культуры, науки, техники и т. п. При этом хотя из словарного состава выпадает некоторое количество устаревших слов, но к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов (Егоров, 1971, 69).

Если из словарного состава исключить слова основного словарного фонда, то в нем остаются историзмы (*губернатор*, *стражник*, *мыртазакъ* «полицейский», *мырза* «господин» и т. п.), архаизмы (*сарх* «чалма», *ферде* «чадра», *алмосту* «демоническое существо в образе женщины» и др.), неологизмы (*башламчылыкъ* «инициатива», *сёзлюк* «словарь», *интервью*, *регион* и т. п.), диалектизмы (*этек* «юбка», *марако* «ежевика», *балам* «калина», *кюштел* «бочка», *гизи* «поросенок», *кезлеу* «родник» и т. д.), профессионализмы (*чоллакъ* «челнок швейной машины», *жёрмелеу* «обметка шва», *кёклеу* «шитье на живую нитку» и т. д.), научно-технические термины (*абразив*, *амальгама*, *вольтаж*, *кадмий* и др.).

С точки зрения происхождения в словарном составе карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, различаются два пласта: лексика тюркского происхождения, т. е. исконные слова, и иноязычная лексика, т. е. заимствованные слова.

Лексика тюркского происхождения

В тюркских языках, как известно, много общих лексических элементов. К ним относятся слова, «имеющие наибольшую частотность употребления в повседневной жизни при одинаковых условиях быта, хозяйства и т. д. Эта категория слов является одним из главных показателей древнетюркской общности; будучи едиными для всех или большинства тюркских языков в лексико-семантическом плане, они обнаруживают ареальные различия главным образом в фонетике» (Мусаев, 1984, 17). Например: карач.-балк. *ана* «мать», узб. *она*, уйг. *ана*, казах., каракалп. *ана* // *ене*, кирг., туркм. *эне*, кумык. *ана*, ног. *ана*, азерб. *ана*, тур. *ана* // *анне* то же; карач.-балк. *ата* «отец», узб. *ата*, чув. *атте*, азерб., башк., каракалп., уйг., кумык., ног. *ата* то же; карач.-балк. *бала* «дитя», «ребенок», «детеныш», узб. *бола*, ног., кумык., алт., крым.-тат., кирг., казах, туркм. *бала*

то же; карач.-балк. *аш* «пища», казах., каракалп., ног., якут. *ас*, киргиз., тат. *аш*, тув. *аъш-чем*, хак. *ас-тамах* то же; карач.-балк. *кийим* «одежда», кирг., ног., каракалп., узб. *кийим*, тат. *кием*, азерб. *кейем*, кумык. *гийим*, туркм. *гейим* то же; карач.-балк. *бичакъ* «нож», кирг. *бычак*, кумык. *бичакъ*, казах., ног., каракалп. *пышак*, азерб. *бычаг*, башк. *бысак*, тат. *пычак*, тур. *бичак*, туркм. *пычак*, узб. *пичок*, тув. *бижек*, хак. *пычак*, якут. *быхах* то же.

Карачаево-балкарский язык лексически заметно отличается от языков огузской группы; напр. азерб. *дэмирчихана* — карач.-балк. *гюрбежи* «кузница» соответственно *шала* — *сенгирчкө* «кузнечик», *дэвлэтли* — *бай* «богатый», *гапы* — *эшик* «дверь»; туркм. *говак* — карач.-балк. *дорбун* «пещера», *гулл* — *кирит* «замок», *мурт* — *мыйыкъ* «усы», *серче* — *чыпчыкъ* «воробей», *сыйа* — *шакъа* «чернила» и др.

Более значительны лексические расхождения между карачаево-балкарским языком и тюркскими языками карлукской группы: узб. *мой* — карач.-балк. *жау* «масло», *чап* — *сол* «левый», *мола* — *тырнаууч* «борона», *калит* — *ачхыч* «ключ», *мис* — *багъыр* «медь», *овкат* — *аш* «пища», *сигир* — *ийнек* «корова» и др.

Еще большие лексические расхождения карачаево-балкарский язык имеет с языками уйгурской группы: тув. *салаг* — карач.-балк. *бармакъ* «палец», *дасыл* — *тамыр* «корень», *удазын* — *халы* «нитка», *арын* — *бет* «лицо», *чанчыл* — *адет* «обычай», *боо* — *ушкок* «ружье», *хат* — *жел* «ветер», *амдан* — *татыу* «вкус», *аалчы* — *къонакъ* «гость» и др.

Вместе с тем слова общего происхождения часто различаются по семантике: карач.-балк. *къол аяз* «ладонь» — кумык. *аяз* «лысына», *кют* — «пасти» — *кютмек* «выполнять», *зарлан* — «завидовать» — *зарланмакъ* «жаловаться, роптать, сетовать», *жыжым* — «веревка» — *жыжым* «горячий уголь», *уурт* «щека» — *увурт* «ямочка на щеке, полость рта», *къурч* «сталь» — *къурч* «бодрый»; карач.-балк. *осал* «плохой» — тат. *усал* «злой», *аулакъ* «степь» — *аулак* «тайный»; карач.-балк. *хыяр* «тыква» — тур. *хыяр* «огурец»; карач.-балк. *сызгъыр* — «свистеть» — кирг. *сызгыр* — «растопливать (масло и т. п.)», *шаш* — «заблуждаться» — *шаш* — «торопиться»; карач.-балк. *хорла* — «побеждать» — башк. *хурла* — «поносить», «оскорблять», *харип* «несчастный» — *гэрип* «уродливый», *базыкъ* «толстый» — *базыкъ* «прочный», «яркий (о цвете)»; карач.-балк. *мамыр* «мирный» — ног. *мамыр* «тучный», *малта* — «топтать» — *малта* — «погру-

жать (напр., в воду)», *берне* «приданое» — *берне* «вид оружия», *аяз* «лёгкий ветерок» — *аяз* «мороз», *омакъ* «нарядный» — *омакъ* «не умеющий что-либо делать»; карач.-балк. *ыргъай* «щука» — алт. диал. *ыргай* «музыкальный инструмент, дудка, рожок»; карач.-балк. *сабан* «поле» — хак. *сабан* «бурдюк», *наныкъ* «малина» — *нонагъ* «черника», *улакъ* «козленок» — *улак* «мальчик»; карач.-балк. *чалгъычы* «косарь» — гагауз. *чалгыжы* «музыкант» и др. Иногда одни и те же корни имеют в карачаево-балкарском и других тюркских языках противоположные значения: карач.-балк. (детск.) *кака* «грязно» — узб. *кака* «детская сладость»; карач.-балк. *къужур* «странный» — кумык. *къужурлу* «увлекательный», *сарна-* «причитать» — *сарнамакъ* «петь»; карач.-балк. *чам* «шутка» — алт. диал. *чам* «упрек»; карач.-балк. *сылыкъ* «грубый» — кирг. *сылык* «вежливый», «деликатный», карач.-балк. *кетер* «уносить» — тат. *китер* «приносить» и др.

Исследователями отмечено, что в западнокыпчакских языках, одним из которых является карачаево-балкарский, имеются интересные лексические параллели с тюркскими языками Сибири, исследование которых представляет большой интерес для истории тюркоязычных народов. При этом следует подчеркнуть, что речь идет о параллелях, которые отсутствуют или не ярко выражены в соседних с западнокыпчакскими тюркских языках, т. е. в территориальном плане эти параллели представляют «разрывы». Эти разрывы представляют собой древние элементы, отражающие связь данных языков в древнейшую эпоху, не сохранившиеся в центральных (например, в восточно-кыпчакских и среднеазиатских языках и сохранившиеся в окраинных, которые, как правило, медленно подвергаются обновлению (Мусаев, 1975, 345—350).

К таким параллелям в карачаево-балкарской лексике не совсем строго можно отнести следующие слова. Карач.-балк. *къыпты* «ножницы» не наблюдается ни в одном из более близких к карачаево-балкарцам восточнокыпчакских и среднеазиатских тюркских языков, в которых этот предмет обозначается монгольским *хайша* (кирг. *кайчы*, чуваш. *хача*, азерб. *гайчы* и т. д.). В значении «ножницы» это название, кроме карачаево-балкарского, употребляется в тюркских языках Сибири: хак. *хычаты* и якут. *кыптый*. В том же значении это слово сохранилось и в караимском языке. Оно отражено в «Древнетюркском словаре»: *кыфту* «ножницы». Карачаево-балкарское название (*чурукъ*) *кеп* «колодка» имеет соответствия в хакасском *кип* и якутском *киэп*; карач.-балк. *журун* «лоскут» соответствует в том же

значении тувинскому *чурук* и хакасскому *чурух*. Характерно, что в значении «ребро» многие тюркские языки употребляют разные фонетические варианты лексемы *кабырга*. И только в карачаево-балкарском и тувинском языках этот предмет обозначается соответственно *иеги* и *ээги*.

Некоторые лексические параллели, являющиеся разрывами, не совпадают по значению: карач.-балк. *гида* «секира», «небольшой топорик, имеющий острие с двух сторон» и чул.-тюрк. *йуде* «копье»; карач.-балк. *дюрген* «лихой, лихач» и якут. *тургэн* «быстрый, скромный»; карач.-балк. *мугур* «унылый» и якут. *мугур* «тупой, без острия»; карач.-балк. *адыр* «инструмент» и тув. *адыр* «вилка штепселя», карач.-балк. *наныкъ* «малина» и хак. *нонукъ* «черника».

Карачаево-балкарское слово *аппа* «дед» имеет параллели в тувинском *ава* «мать» и в хакасском *аба* «отец». Описывая их, Э. В. Севортян отмечает: «Тувинский и хакасский и их диалекты, как в значительной мере карачаево-балкарский, принадлежат... к языкам, в которых сохранилось довольно много лексико-семантических и иных архаизмов» (Севортян, 1, 1974, 56). Об этом пишет и У. Б. Алиев: «По своим грамматическим формам, лексике и фонетике карачаево-балкарский язык древнее современных тюркских языков. Это объясняется... тем, что в отдаленные времена этот язык оказался изолированным от других тюркских языков и сохранил в первоначальном виде многие древние языковые явления» (Алиев, 1972, 13).

Слова тюркского происхождения составляют основу лексики карачаево-балкарского языка, о чем свидетельствуют следующие тематические группы карачаево-балкарских слов, с небольшими фонетическими изменениями встречающиеся во всех или в большинстве тюркских языков.

Названия частей тела человека и животных: *баш* (узб. *бош*, тат., тур., кирг. *баш*, казах. *бас*) «голова»; *кёз* (тат. *кюз*, тур. *гёз*, кирг. *кёз*) «глаз»; *бет* (тат. *бит*, кирг., каракалп., узб. *бет*) «лицо»; *сакъал* (тат. *сакал*, узб. *сокол*, чув. *сухал*) «борода»; *боюн* (кирг. *моюн*, каракалп. *мойын*, кумык. *боюн*, гагауз. *бойну*, уйг. *боюн*, узб. *буйин*) «шея»; *бел* (тат. *бил*, уйг. *бэл*, ойр. *бел*) «поясница», «талиа»; *аякъ* (тат. *аяк*, шор. *азак*, кум. *аякъ*, узб. *оёк*) «нога»; *бармакъ* (тат., уйг. *бармак*, кум. *бармакъ*, алт. *пармак*, кирг. *бармак*) «палец»; *тырнакъ* (тур. *тырмак*, кумык. *тырнакъ* «ноготь», кирг. *тырмак*, туркм. *бырмак*) «ноготь»; *сюек* (туркм. *сюнк*, тат. *сояк*, кирг. *сёёк*) «кость»; *сингир* (тат. *сенгер*, кирг. *сингир*) «сухожилие»; *бауур* (тат. *бавыр*, кумык. *бавур*, кирг. *боор*, уйг. *бегир*) «печень»; *ёнке* (тат.

юпкэ, ойр. *ёкпё*, чув. *юпке*, узб. *упка*) «лёгкое»; *бюйрек* (тур. *бёбрек*, башк. *бёйёр*, кирг. *бёйрёк*, казах., каракалп. *бюйрек*) «почка»; *ёт* (кирг. *ёт*, тур. *ёд*, тат. *ют*, туркм. *ёт*) «желчь»; *мыйы* (тат. *ми*, кирг. *мээ*, узб. *мия*) «мозг»; *тери* (тат. *тире*, тур. *дери*, узб. *тери*) «кожа»; *без* (казах. *без*, тат. *биз*) «железа»; *чач* (тат. *чеч*, кирг., ойр. *чач*, узб. *чоч*) «волосы» и др.

Наименования животных: *аслан* (тур. *аслан*, тат. *арыслан*, узб. *арслон*) «лев»; *сюлесин* (кирг. *сюлёёсун*, казах. *силевсин*, ойр. *шюлюзин*) «рысь»; *тюлкю* (тат. *тёлке*, тур. *тилки*, ойр. *тюлкю*, узб. *тулки*) «лиса»; *борсукъ* (тур. *порсук*, тат. *бурсык*) «барсук»; *къундуз* (тур. *кундуз*, казах. *кундус*) «бобр»; *суусар* (тат., каракалп. *сусар*, кирг. *суусар*) «куница»; *уку* (кирг. *юкю*, казах. *юки*, хак. *югю*) «филин»; *бёдене* (уйг. *бёдине*, тат. *бюдэнэ*, ойр. *бёдюне*) «перепелка»; *къыртчыгъа* (тат., кирг. *карчыга*) «ястреб»; *жилян* (тат. *елан*, тур. *ийлан*, шор. *чылан*) «змея»; *ат* (кирг. *ат*, узб. *от*) «лошадь»; *ит* (кирг. *ит*, каракалп. *ийт*, узб. *ит*) «собака»; *къоян* (узб. *куен*, каракалп. *коян*, кирг. *коён*) «заяц»; *кийик* (кирг., каракалп., узб., уйг. *кийик*) «дикая коза»; *бёрю* (уйг., каракалп. *бёри*, кирг. *бёрю*) «волк»; *айыу* (хак. *азыг*, казах. *аю*, кирг. *аюу*, туркм. *айы*) «медведь»; *илячин* (хак., кирг. *ылачын*, узб. *лочин*, уйг. *лачин*, туркм. *лачын*) «сокол»; *кукук* (алт. *кююк*, кирг. *кюкюк*, казах. *кюкек*, уйг. *каккук*) «кукушка» и др.

Названия жилища и домашней утвари: *юй* (узб. *уй*, каракалп. *юй*, уйг., туркм. *ёй*) «дом»; *эшик* (узб., кирг. *эшик*, ойр. *эжик*) «дверь»; *ожакъ* (тат. *учак*, каракалп. *ошак*, туркм. *ожак*) «очаг»; *от* (тат. *ут*, кирг., каракалп. *от*) «огонь»; *сибиртги* (кирг. *шыпыргы*, тат. *себерке*) «метла, веник»; *отун* (тур. *одун*, тат. *утын*) «дрова»; *кёмюр* (тур. *кюмер*, татар. *кюмер*) «уголь»; *тёшек* (тат., чув. *тюшек*) «перина»; *кюзгю* (кирг. *кюзгю*, тат. *кёзге*) «зеркало»; *кийиз* (тув. *кидис*, хак. *киис*, алт. *кийис*, узб., уйг. *кигиз*) «кошма»; *къазан* (чув. *хуран*, тур., тат. *казан*, гагауз. *харан*) «котел» и др.

Термины родства: *ата* (кирг., жаз., каракалп., уйг., туркм. *ата*, узб. *ота*, тув., хак., алт. *ада*) «отец»; *ана* (хак. *ине*, алт., туркм., кирг. *эне*, казах. *ана*, узб. *она*) «мать»; *улан* (кирг. *уул*, тув., хак. *оол*, уйг. *огул*, каракалп. *ул*) «сын»; *къыз* (кирг., казах., каракалп. *кыз*, тув., алт., хак. *кыс*) «дочь»; *бала* (кирг., тат., кумык., казах. *бала*) «дитя, ребенок, детеныш»; *къарындаш* // карач. *къарнаш* (азерб. *гардаш*, ног., казах. *кардаш*, крым.-тат. *къардаш*) «брат»; *эр* (казах. *ер*, кирг. *эр*, чув. *ар*) «муж»; *къатын* (кирг.,

казах., каракалп. *катын*, узб. *хотин*, крым.-тат. *къадын*) «жена»; *киеу* // карач. *кюеу* (кирг. *кюёё*) «зять»; *апсын* (тат. диал. *абсын*, ног. *апсын*, алт. диал. *абызын*) «жены братьев по отношению друг к другу»; *бажа* (азерб. *бача-наг*, тат., каракалп. диал. *бажа*, алт. *бадьа*) «мужья родных сестер друг к другу» и др.

Названия растений: *арпа* (тур., кирг., узб. *арпа*, чув. *урпа*, тел. *арба*) «ячмень»; *будаи* (тат. *бодаи*, шор. *бугдай*, кирг., тув. *буудай*, казах. *бидай*, узб. *бугдой*, ног. *бийдай*) «пшеница»; *тары* (азерб. *дары*, башк., казах., каракалп., ног., тат. *тары*, кирг. *таруу*, узб. *тарик*) «просо»; *эмен* (тат. *имэн*, кирг. *эмен*, чуваш. *юман*) «дуб»; *жёге* (казак. *жёке*, башк., тат. *юкэ*, шор. *чёге*, азерб. *чёке*) «липа»; *къайын* (ойр., кирг. *кайынг*, тув. *хадын*, тур. *кайын*) «береза»; *къарагъач* (тур. *карагач*, кирг. *кара жыгач*) «вяз»; *артиш* (тат. *артыш*, тур. *ирдыч*) «можжевельник»; *алма* (уйг., кирг., туркм. *алма*) «яблоко»; *жюзюм* (азерб. *юзюм*, казах., каракалп. *жюзим*, кирг. *жюзюм*, тат. *йёзем*, узб. *узум*) «виноград»; *хууан* (азерб. *говун*, башк. *кауын*, казах. *кауын*, кирг. *коон*, тат. *кавын*) «дыня»; *сарымсах* // карач. *сарымакъ* (азерб. *сарымсаг*, тат., казах., каракалп. *сарым-сак*, туркм. *саримсок*) «чеснок» и др.

Наименование пищи: *айран* (башк., казах., каракалп., кирг., ног. *айран*, узб. *айрон*, чув. *уйран*) «айран»; *шорпа* (казак., ног. *сорпа*, кирг. *сорпо*, тат. *шулла*, чув. *шорпе*) «бульон»; *бал* (азерб., башк., кирг., кум. *бал*, узб. *бол*) «мёд»; *ачытхы* (азерб. *ажытма*, башк. *асетке*, тув. *ажыткы*, тат. диал. *ачыткы*) «дрожжи»; *биямуқъ* (каракалп. *быламықъ*, тат. *быламык*, кумык. *буламуқъ*) «мучная похлебка»; *жёрме* (алт. *дъёргём*, тув. *чёрёме*, ног. *йорме*) «колбаса из брюшины и тонких кишок»; *шишлик* (азерб., кумык. *чишлик*) «шашлык»; *сют* (караим., казах., кирг., каракалп. *сют*, азерб. *сюд*, тат. *сёт*, чув. *сет*, якут. *юют*) «молоко»; *жау* (азерб. *йагъ*, кум. *яв*, тур. *йаг*, туркм. *яг*, чув. *жу*) «масло», «жир»; *бишлякъ* (кумык. *бишлакъ*, ног. *пыслак*, тув. *быштак*, узб. *пишлок*, кирг. *быштак*) «сыр» и др.

Названия одежды и обуви: *кийим* (кумык. *гийим*, казах. *киим*, тат. *кием*, азерб. *кейим*, кирг. *кийим*, туркм. *гейим*) «одежда»; *кёлек* (кум. *гёлек*, азерб. *кейнэк*, тат. *кюл-мек*, узб. *куйлак*, тув. *хёйленг*) «рубашка»; *тон* (кирг., ног., казах., каракалп., кумык., тув. *тон*, тат., башк. *тун*, якут. *сон*) «шуба»; *жагъа* (кумык. *якъа*, кирг. *жака*, чув. *жуха*, якут. *сага*) «воротник»; *женг* (кирг., казах., тур. *женг*, тат. *жинг*, кумык., башк., узб. *енг*, тув. *ченг*) «рукав»; *этек* (кирг., ног., кумык., тур. *этек*, тув. *эдек*, узб. *этак*) «по-

дол»; *тюйме* (каракалп., казах. *тюйме*, кирг. *тюймё*, азерб. *дюймэ*, чув. *тюме*, якут. *тимэх*) «пуговица»; *илгик* (казах., каракалп., ног., кумык. *илгик*) «петля для пуговицы»; *бёрк* (казах. *бёрик*, тув. *бёрт*, азерб. *бёрк*) «шапка»; *жаурукъ* (кирг. *жоолук*, башк., тат. *яулык*) «платок»; *чарыкъ* (кирг., гагауз., алт., тат. диал. *чарык*, ног. *шарык*, азерб. *чарыг*) «чувяк»; *табан* (азерб. *дабан*, кумык. *табан*) «каблук» и др.

Названия жилища и домашних вещей: *юй* (узб. *уй*, казах., кирг. *юй*, кумык. *уйй*, азерб. *ев*) «дом»; *эшик* (кирг., узб. *эшик*, тат. *ишек*, ойр. *эжик*) «дверь»; *отоу* (узб. *утов*, азерб. *отаг*, кумык. *отав*) «комната»; *бешик* (кирг., узб. *бешик*, казах., каракалп. *бесик*, уйг. *бёшюк*, хак. *пизик*) «колыбель»; *аякъ* (тув., алт., кирг., казах. *аяк*, хак. *аях*) «чаша»; *къабакъ* (кирг., казах., каракалп. *какпа*) «ворота»; *босагъа* (узб. *бусагъа*, кирг. *босого*, казах. *босагъа*) «порог»; *ожакъ* (тув. *одаг*, алт., кирг. *очок*, казах., каракалп. *ошак*, узб. *учок*, уйг. *очак*, туркм. *ожак*) «очаг»; *кийиз* (тув. *кидис*, хак. *киис*, алт. *кийис*, кирг., каракалп. *кийиз*, узб., уйг. *кигиз*) «кошма»; *кюл* (тур., азерб., кумык., кирг., казах. *кюл*, тат. *кёл*) «зола»; *къурум* (тат. *корым*, тур. *курум*) «сажа»; *кёмюр* (тур. *кёмюр*, тат. *кюмер*, казах. *кёмир*) уголь; *сибиртги* (кирг. *шыпыргы*, тат. *себерке*) «метла»; *тёшек* (чув., тат. *тюшек*) «перина»; *кюзгю* (кирг. *кюзгю*, тат. *кёзге*) «зеркало»; *къашыкъ* (азерб. *гашыг*, казах. *касык*, кирг., кумык. *къашыкъ*, чув. *каш*) «ложка»; *бичакъ* (азерб. *бычаг*, башк. *бысак*, казах. *пышак*, туркм. *пычак*, узб. *пичок*) «нож» и др.

Слова, связанные с небесными светилами, атмосферой и другими явлениями природы: *кюн* (тур. *гюнеш*, алт., кирг. *кюн*) «солнце»; *ай* (тат., башк., тур., кирг. *ай*) «луна»; *жулдыз* (тур. *йылдыз*, якут. *сулус*, кирг. *жылдыз*) «звезда»; *булут* (кирг., тур., уйг. *булут*) «облако»; *жер* (тат., тур. *йер*, ойр. *дьер*, кирг., казах., каракалп. *жер*) «земля»; *суу* (азерб., казах. *су*, кирг. *суу*, каракалп., кумык, ног., туркм., узб. *сув*, чув. *шыв*) «вода»; *буз* (тур. *буз*, шор. *мус*, кирг., каракалп. *муз*) «лёд»; *жел* (тур. *йел*, шор. *чел*, кирг. *жел*) «ветер»; *кёл* (тув. *хёл*, тур. *гёл*, кирг., ойр. *кёл*) «озеро»; *балчыкъ* (уйг. *балчук*, тур. *балчык*) «грязь»; *топуракъ* (тур. *топрак*, кирг. *топурак*, каракалп. *топырак*) «почва»; *жаз* (тув., хак. *час*, алт. *йас*, кирг., казах., каракалп. *жаз*, туркм. *яз*) «весна»; *жай* (тув., хак. *чай*, алт. *йай*, кирг., казах. *жай*) «лето»; *къыш* (тув., алт., кирг. *кыш*, хак. *хыс*, узб., уйг. *киш*, туркм. *гыш*) «зима»; *къар* (алт., кирг. *кар*, тув., хак. *хар*, узб. *кор*, туркм. *гар*)

«снег»; тала (кирг. талаа, казах., каракалп., узб. дала) «поле»; ктая (алт. кайа, тув., хак. хая, кирг. кыя, туркм. гая) «скала» и др.

Названия металлов: алтын (тат., тур. алтын, казах., кумык. алтын, узб. олтын) «золото»; темир (кирг., узб. темир, тур. демир) «железо»; ктурч (башк. корос, чув. хурча) «сталь»; кююш (ойр. кююш, тур. гююш, узб. кумуш) «серебро»; кборгъашин (узб. кургъошин, хак. хоргъамчыл, тур. курушун, азерб. гургушун, кирг. коргошун, караим. ктургъошын) «свинец»; багъыр (тур. бакыр, хак. пагыр) «медь» и др.

Прилагательные: кбаты (хак. хатыгъ, алт. кату, кирг. катуу, казах., каракалп. катты, узб., уйг. кбаттикъ, туркм. гаты) «крепкий»; кючлю (тув. кючюлюг, хак. кюстиг, алт. кючтю, кирг. кючтюю, казах. кюшти, каракалп. кюшли, узб. кучли, туркм. гюйчли) «сильный»; кбалын (тув. кылын, хак. халын, узб. кбалин, туркм. галынг) «толстый»; уллу (тув. улуг, узб. улуг, алт. улу, кирг. улуу, каракалп. уллы) «великий», «большой»; ач (алт., кирг., туркм., уйг. ач, тув., казах., каракалп. аш, хак. ас, узб. ач) «голодный»; ачы (тур. ачи, кирг. ачуу) «горький»; татлы (тур., каракалп. татлы, кирг. таттуу) «сладкий», «вкусный»; узакъ (тув. ырак, хак. ырах, алт., кирг. ыраак, туркм. узак) «дальний»; токъ (алт., кирг. ток, тув. тодуг, хак. тох, казах., каракалп., уйг. ток, узб. тук, туркм. док) «сытый»; исси (тув. изиг, алт. изю, кирг. ысык, казах. ыстык, каракалп. ыссы) «горячий»; ауур (тув., хак. аар, алт. уур, кирг. оор, казах. ауыр, туркм. агыр) «тяжелый»; кбысха (тув., алт., кирг. кыска, тур. киса, хак. хысха, казах., каракалп. кбыска, узб., уйг. кбыска, туркм. гысса) «короткий»; узун (тув., хак., алт., кирг., тур., узб., уйг. узун, тат. озын, каракалп., туркм. узын) «длинный»; арыкъ (хак. арых, алт., кирг. арык, казах., каракалп. арыкъ, узб. орикъ, туркм. аррык) «худой»; жангы (тув. чаа, алт. йангы, кирг. жангы, казах., каракалп. жанга, узб. янги, уйг. йенги, туркм. янги) «новый»; жумушакъ (тув. чымчак, тур. йумушак, хак. нымзах, алт. йымжак, кирг. жумушак, узб. юмшокъ, туркм. юмшак) «мягкий»; жукъа (тув. жуга, алт. йука, кирг. жука, каракалп. жука, узб. юпка, туркм. юка) «тонкий»; семиз (тув., алт. семис, кирг., каракалп., узб., уйг., туркм. семиз) «жирный»; кбызыл (тув., алт., кирг. кызыл, хак. хызыл, узб., уйг. кизил, туркм. гызыл) «красный»; акъ (тув., алт., кирг., туркм. ак, хак. ах, казах., каракалп., уйг. ак, узб. ок) «белый»; боз (кирг., казах., тур., каракалп., уйг., туркм. боз) «серый»; кбара (тув., алт., кирг. кара, хак. харак, казах., тур., тат., каракалп., уйг.

кара, туркм. *гара*) «черный»; *сары* (азерб. *сары*, тув. *сарыг*, алт., кирг., казах., каракалп., туркм. *сары*, узб. *сарик*) «жёлтый»; *кёк* (тув., хак., алт., кирг., казах., каракалп., уйг. *кёк*, узб. *кюк*, туркм. *гёк*) «синий», «голубой» и др.

Глаголы движения: *тюш-* (тув., туркм. *дюш-*, хак., казах., каракалп. *тюз-*, алт., кирг. *тюш-*, узб. *туш-*, тат. *тёш-*, азерб. *дюш-*) «падать, слезать»; *кел-* (тув., алт., кирг., казах., каракалп., узб. *кел-*, хак. *кил-*, туркм. *гел-*) «приходить»; *кет-* (кирг., каз., каракалп., узб. *кет-*, туркм. *гит-*) «уходить»; *бар-* (кумык., алт., кирг., казах., каракалп., уйг., туркм. *бар-*, хак. *паар-*) «идти»; *чыкъ-* (кирг., алт., туркм. *чык-*, хак. *сых-*) «выходить»; *кир-* (тув., алт., кирг., узб., уйг. *кир-*, туркм. *гир-*) «входить»; *мин-* (азерб., алт., кирг., каракалп. *мин-*) «садиться верхом»; *къайт-* (казак., каракалп., узб., уйг. *къайт-*, туркм. *гайт-*) «возвращаться»; *жюрю-* (тат. *йерю-*, азерб. *йери-*, хак. *чёр-*, алт. *йюр-*, кирг., казах., каракалп., уйг. *жюр-*, узб. *юр-*, туркм. *йёре-*) «ходить»; *акъ-* (тув., алт., кирг., туркм. *ак-*, хак. *ах-*, узб. *ок-*) «течь»; *ёт-* (тув., хак., алт., кирг., казах., каракалп., уйг., туркм. *ёт-*) «проходить»; *жет-* (тат. *жит-*, тув. *чет-*, хак. *чид-*, кирг., казах., каракалп. *жет-*, туркм. *ет-*, уйг. *йэт-*) «достигать»; *оз-* (алт., кирг., казах., каракалп., уйг., туркм. *оз-*, узб. *уз-*) «опережать»; *къач-* (алт., кирг., *кач-*, тув. *каш-*, хак. *хас-*, узб. *коч-*, туркм. *гач-*) «убегать»; *чап-* (кумык., алт., туркм. *чап-*, тув., казах., каракалп. *шап-*, узб. *чоп-*) «бегать»; *ачыл-* (хак. *азыл-*, алт., кирг. *ачыл-*, казах., каракалп. *ашыл-*, узб. *очил-*, уйг. *ечил-*, туркм. *ачыл-*) «открываться»; *къыс-* (тат. *кыс-*, кумык. *къыс-*, хак. *хыс-*, алт., кирг. *кыс-*, казах., каракалп. *къыс-*, узб. *кис-*, туркм. *гыс-*) «жать, давить»; *сын-* (тат., тув., хак., алт., кирг., казах., каракалп. *сын-*, узб. *син-*, уйг. *сун-*) «ломаться»; *къутул-* (кирг. *кутул-*, казах. *кутыл-*, уйг. *кутул-*, туркм. *гутул-*) «спасаться» и др.

Числительные: *бир* (тув., алт., кирг., узб., уйг., туркм. *бир*, хак. *пир*) «один»; *эки* (тат. *ике*, азерб. *ики*, тув. *ийи*, алт., кирг. *эки*, узб., уйг. *икки*, туркм. *ики*) «два»; *юч* (тув., казах., каракалп. *юш*, хак. *юс*, алт., кирг., уйг., туркм. *юч*, узб. *уч*) «три»; *алты* (тув. *алды*, хак., алт., кирг., казах., туркм. *алты*, узб. *олти*) «шесть»; *сегиз* (хак. *сигис*, алт., кирг., каракалп. *сегиз*, узб. *саккиз*, туркм. *секиз*) «восемь»; *тоғъуз* (хак. *тоғъыс*, алт., кирг. *тогуз*, уйг. *токкуз*, туркм. *докуз*) «девять»; *он* (тув., хак., алт., кирг., казах., туркм. *он*) «десять»; *жыйырма* (тув. *чээрби*, хак. *чибирги*, алт. *ийрме*, кирг., казах. *жыйырма*, узб. *йигирма*, туркм. *йигри-ми*) «двадцать»; *отуз* (хак. *отыс*, алт. *одуз*, кумык., кирг.,

туркм. *отуз*, казах., каракалп. *отыз*, уйг. *оттуз*) «тридцать»; *къыркъ* (хак. *хырых*, кирг., туркм. *кырк*, азерб. *гырх*, узб., уйг. *кирик*) «сорок»; *элли* (хак. *илиг*, кирг. *элюю*, казах. *елу*, кумык. *элли*, туркм. *элли*) «пятьдесят»; *алтымыш* (кирг. *алтымыш*, узб. *олтмиш*, туркм. *алтмыш*) «шестьдесят»; *сексен* (тув. *сезен*, хак. *сигизон*, алт. *сегизен*, узб. *саксон*, тат. *сиксэн*) «восемьдесят»; *токъсан* (тув. *тозан*, алт. *тогузон*, кирг. *токсон*, туркм. *тогсон*) «девяносто»; *жюз* (тув., хак. *чюс*, кирг., казах., каракалп. *жюз*, узб., уйг. *юз*) «сто»; *минг* (тув., хак., алт. *мунг*, кирг., узб. *минг*, туркм. *мюнг*) «тысяча» и др.

Местоимения: *мен* (тув., алт., кирг., казах., узб., азерб. *мен*) «я»; *сен* (алт., кирг., казах., каракалп., кумык., узб. *сен*, хак. *син*) «ты»; *ол* (тув., хак., алт., казах., туркм. *ол*, кирг. *ал*, узб. *у*) «он»; *биз* (тув., алт. *бис*, хак. *пис*, кирг., узб., туркм., уйг. *биз*) «мы»; *сиз* (кирг., казах., узб., уйг., туркм. *сиз*, хак. *силер*, алт. *слер*) «вы»; *бу* (тув. *бо*, хак. *у*, алт., узб., кирг. *бу*) «этот» и др.

Широкое распространение в тюркских языках имеют также исконные личные имена: *Аслан* («лев»), *Батыр* («герой, богатырь»), *Жаныбек* («живущий», букв.: «тот, у кого крепкая душа»), *Тенгиз* («море»), *Жулдуз* («звезда»), *Кёккёз* («синеглазый»), *Къаплан* («тигр»), *Ёлмез* («не умрет», «останется живым») и др.

Кроме общетюркских слов к исконной лексике карачаево-балкарского языка относятся собственно карачаево-балкарские слова, которые представляют собой новые аффиксальные образования из общетюркских корней или сложные слова с иным по сравнению с другими тюркскими языками составом. К ним относятся лексические единицы, которых нет в других тюркских языках, а также слова, источник заимствования и истинное происхождение которых в настоящее время невозможно установить. Таким образом, к собственно карачаево-балкарским словам не совсем строго можно отнести следующие лексические единицы: *улёкъу* «шиповник», *гургум* (карач.) «крыжовник», *чирко* «земляная груша», *оразык* «вид съедобного растения», *дугъум* «смородина», *дугъума* «мята», *жырна* «вареные зерна кукурузы, пшеницы, ячменя; каша из зерен», *хуппеги* «молочная сыворотка», *бушто* «окрошка», *къачхынчы* «беженец», *жыжым* «бечева», *къабыш* «мерзнуть», *къамыжакъ* «жук», *къатхан* «сушеные фрукты», *тишмек* «блин», *муру* «крошка», *гырт* «кусок», *гюттю* «лепешка», *къышхыр* «отруби», *ушхууур* «ужин», *гыржын* «чурек», *гаккы* «яйцо», *шынтагы* «толстая нитка из шерсти», *бууунлукъ*

«браслет», *ырдаун* «закваска для квашения молока», *хумжу* «свежий, неотжатый сыр», *зайын* «яйцо-подкладыш» и др. К собственно карачаево-балкарским относятся и многие звукоподражательные слова. Например: *зырзыр* «застежка-молния», *чыкъырт* «кнопка-застежка» (ср. в том же значении кирг. *тырс этме*, казах. *тыртылдак*, узб. *шикшик*, башк. *шырттак*) и др.

Таким образом, сходство тюркских языков является результатом в основном генетических связей этих народов. По этой причине слова, являющиеся основным лексическим фондом современного карачаево-балкарского языка, встречаются и в других тюркских языках. Они являются показателем родственности этих языков (Мусабаев, 1959, 37). Вместе с тем в карачаево-балкарском языке немало слов, присущих только ему. Они возникли внутри самого языка безотносительно к другим языкам.

Источники развития лексики карачаево-балкарского языка

Словарный состав карачаево-балкарского языка развивается на базе двух видов источников: внутренних и внешних.

Внутренние источники развития лексики

Внутренние ресурсы играют основную роль в обогащении словарного состава языка (Дешериев, 1966, 140). Они используются различными способами словообразования. В развитии карачаево-балкарской лексики основными являются способы: лексико-семантический, морфологический (аффиксальный) и синтаксический.

При лексико-семантическом способе происходит закрепление за словом нового значения, для чего используется метафорический и метонимический перенос значений. Путем метафорического переноса значений (на основе сходства формы и внешнего вида) образованы: *къол* «рука» — *къол* «балка, узкое ущелье», *топ* «мяч» — *топ* «пушка», *басма* «ситец» — *басма* «издательство», *чечек* «цветок» — *чечек* «оспа», *къулакъ* «ухо» — *къулакъ* «овраг, ущелье, балка» и т. п.

Путем метонимического переноса значений, т. е. по смежности вещей, по соприкосанию их в пространстве и времени образовано немало слов, например: *чепкен* «домотканое сукно» — *чепкен* «черкеска», которую шили обыч-

но из этого сукна, ай «луна» — ай «месяц», бау «сарай» — бау «веревка», эшик «дверь» — эшик «двор, место перед домом» и др.

К лексико-семантическому способу словообразования иногда относят и переход слов из одной части речи в другую (Орузбаева, 1964, 273). В данном случае слова остаются неизменными с фонетической точки зрения, но получают новую семантику, например: *жаш* «молодой» — *жаш* «парень», *хазыр* «газыри» — *хазыр* «готовый», *эски* «старый» — *эски* «одежда, белье», *жууукъ* «родственник» — *жууукъ* «близкий», *туйюш-* «драться» — *туйюш* «драка», *тюз* «ровный» — *тюз* «равнина», *иги* «хороший» — *иги* «хорошо», *бери* «сюда» — *бери* «с, начиная с» и др.

Морфологический способ является основным способом словообразования. Он заключается в том, что к корню слова присоединяются словообразовательные аффиксы, создавая вторичные корни, т. е. основы. Этим способом образованы следующие производные слова:

имена существительные: *башчы* «руководитель», *шуёх-лукъ* «дружба», *уруш* «война», *жюрюш* «походка», *билим* «знание», *байламлыкъ* «связь», *кюлкю* «смех», *чалгъы* «коса», *эмизик* «соска», *сыныкъ* «осколок», *таракъ* «гребешок», *сюзгюч* «цедилка», *такъгъыч* «вешалка», *басхыч* «лестница», *минчакъ* «бусы», *оюнчакъ* «игрушка» и др.;

имена прилагательные: *чырайлы* «красивый», *кюлкюлю* «смешной», *сыйлы* «ценный», *ингирги* «вечерний», *жазгъы* «весенний», *былтыргъы* «прошлогодний», *эринчек* «ленивый», *адепсиз* «невоспитанный», *тилсиз* «немой», *къарыу-суз* «слабый» и др.;

имена числительные: *биреу* // *биреулен* «один человек», *ючеу* // *ючеулен* «трое», *тёртеу* // *тёртеулен* «четверо», *бирер* «по одному», *алтышар* «по шесть», *онушар* «по десять», *биринчи* «первый», *бешинчи* «пятый» и др.;

наречия: *жазгъыда* «весной», *орусча* «по-русски», *жангыча* «по-новому», *биягъынлай* «как прежде», *бошуна* «впустую», *узунуна* «вдоль», *тышхары* «наружу», *заманында* «вовремя», *алгъа* «вперед», *артха* «назад», *онгнга* «направо», *солгъа* «налево», *алгъадан* «заранее», *бирден* «сразу, вместе» и др.;

глаголы: *ариула-* «чистить», *тузла-* «солить», *тамыз-* «капнуть», *теркле-* «ускорять», *терле-* «потеть», *ийисге-* «нюхать», *жангырт-* «обновлять», *башла-* «начинать», *сындыр-* «ломать», *жыгъыл-* «надать», *къыйна-* «мучить», *жырла-* «петь», *жауунсура-* «идти» (о мелком непрерывном дожде), *жыламсыра-* «поплакивать, всплакивать»,

кюлюмсюре- «посмеиваться», учхала- «скользнуть», къу-уала- «погонять, подгонять» и др.;

местоимения: *берги* «находящийся по эту сторону (ближе)», *аргъы* «находящийся дальше», *биягъы* «тот самый», *анчау* // *анчаулан* «вот столько», *мынчашар* «вот по столько», *анчанчы* «вот такой по порядку», *ненчанчы* «который по порядку», *саулай* «весь, целый» и др.

Синтаксическим способом образуются сложные слова: *айлыкъ турма* «редиска», *айыучач* «ковыль», *акътерек* «серебристый тополь», *алма-кертме* «фрукты», *алтын-кююш* «драгоценности», *алыш-бериш* «взаимное одаривание», *ата-ана* «родители», *ауузачыкъ* «ротозей», *ахлу-жууукъ* «родственники», *бал туз* «сахар», *барчы-келчи* «посыльный», *бел бау* «пояс», *бешжыллыкъ* «пятилетка», *ёге ана* «мачеха», *жаз тауукъ* «куропатка», *жан жаулуку* «полотенце», *ийнек саууучу* «дойрка», *кёчер агъач* «ось», *кючкъууат* «сила, энергия», *къол жаулуку* «носовой платок», *къол къап* «рукавица», *къурт-къумурсха* «насекомые», *мыстыкбулакъ* «щавель», *нарт сёз* «поговорка», *огъары жан* «кофта», *сабан агъач* «плуг, соха», *садакъ окъ* «стрела», *сары эрик* «алыча», *терек бахча* «сад», *тёбен жан* «юбка», *уруш-туйюш* «драка, скандал», *харбыз-хууан* «бахчевые культуры», *юй бийче* «жена, хозяйка дома», *ючаякъ* «треножник» и др. (Жабелова, 1986).

Внешние источники развития лексики

Рассмотренные выше способы, отличаясь друг от друга рядом особенностей, имеют одну существенную общую черту: по всем указанным способам образование новых словарных единиц производится с помощью наличествующих в языке собственных лексических средств. Однако «нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами» (Реформатский, 1960, 108). В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные.

Заемствование слов — естественный процесс языкового развития. Лексическое заимствование обогащает язык и обычно нисколько не вредит его самобытности, так как при этом сохраняется основной, «свой» словарь, а кроме того, неизменным остается присущий языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития (Крысин, 1984, 101).

Некоторые из ранних заимствований в карачаево-балкарском настолько освоились, что их без специального этимологического исследования трудно отличить от исконных слов. Таковы, например, *дау* «иск, претензия» (араб. *дэгъ-*

вэ), *заран* «вред, ущерб, убыток» (араб. *зэрэр*), *хапар* «известие, весть, предание, рассказ» (араб. *хэбер*), *къата-па* «бархат» (араб. *къатифатун*), *чоюндюр* «свекла» (перс. *чогъандор*), *тукъум* «фамилия» (перс. *тохум*) и др.

Из различных причин заимствования прежде всего выделяют неязыковые и собственно языковые. Неязыковые причины — это результат торгово-экономического, общественно-политического контакта, как следствие соседствующего территориального расположения народов. При этом язык воспринимает слова, соответствующие тем понятиям, для которых в нем еще нет обозначений, иначе говоря, новое слово чаще всего приходит вместе с новой вещью или понятием. Таковы, например, заимствования *трактор*, *комбайн*, *транзистор*, *кооператив* и др.

К языковым причинам лексического заимствования относится необходимость замены описательного наименования простым, однословным. Например, русское слово *спутник* (спутник Земли) первоначально переводилось на карачаево-балкарский язык описательно: *жолочу нёгер*, но впоследствии стало употребляться без перевода. Иноязычное слово легче усваивается, если оно заменяет описательный оборот. Так, слово *казарма* заменило собой сочетание *аскерчиле тургъан мекам* (досл. «здание, где живут военные»); термин *атмосфера* стали употреблять вместо громоздкого *Жерни тегерегин алып тургъан хауа* (досл. «воздух, окружающий землю»).

Иноязычные слова могут заимствоваться двумя путями: устным и письменным. Устное заимствование происходит через живое общение. При этом слова претерпевают наибольшие изменения, их фонетическая и морфологическая структура перестраивается согласно произносительным нормам заимствующего языка. При письменном заимствовании таких изменений не бывает.

В современном карачаево-балкарском языке имеются заимствования из арабского и персидского языков, а также языков соседних народов — кабардинцев, осетин, черкесов, сванов, абазин и др. В последние десятилетия наибольшее количество слов позаимствовано из русского языка.

Заимствования из арабского и персидского языков

Время проникновения в карачаево-балкарский язык арабских и персидских заимствований установить очень трудно. По данным арабских источников, первое появление арабов на Северном Кавказе относится к XIII в. Видимо, с этого времени и начинается процесс проникновения

арабизмов в языки народов Северного Кавказа. Однако усиленное заимствование ими элементов арабского языка относится к более позднему периоду и связано с принятием ислама. Как арабские, так и персидские заимствования в северокавказские языки проникали, вероятно, разными путями в результате торговых, культурных и религиозных сношений северокавказских народов с персами (Будаев, 1973, 303; Хаджилаев, 1970, 127).

Ниже приводимые тематические группы арабских заимствований дают возможность судить об основных направлениях контактов между карачаево-балкарским и арабским языком.

Заимствованными словами, связанными с государством и управлением являются: *дуния* «мир, свет, вселенная», *жамауат* // *жамагъат* «сборище, сход, общество, общественность», *миллет* «нация, народ», *низам* «порядок, дисциплина», *сиясат* (устар.) «политика», *синф* (устар.) «класс», *солтан* «султан», *халкъ* «люди, народ, толпа», *хукмат* «правительство», *хуррият* (устар.) «революция».

Из арабских слов, связанных с понятием времени, заимствованы: *ёмюр* «век», *жума* «пятница», *заман* «время, эпоха», *сагъат* «час, часы», *такъыйкъа* «минута», *тарых* «история, число», *уухты* «время, момент» и др.

В карачаево-балкарский язык проникли также некоторые названия, связанные с наукой, культурой и образованием: *адабият* «литература», *алим* «ученый», *дерс* «урок», *илму* «наука», *китап* «книга», *къалам* «ручка (для письма)», *дефтер* «тетрадь», *устаз* «учитель», *халат* «ошибка, опечатка», *харф* «буква», *хат* «почерк» и др.

Из арабских слов, связанных с военным делом, заимствованы: *аскер* «армия, войско», *къазауат* (карач.) «война».

Вместе с арабской религией — исламом — в карачаево-балкарский язык проникли слова: *адет* «обычай, привычка», *ажал* «смерть, смертный час», *азан* «призыв муллы к молитве, повторяемый пять раз в сутки», *аллах* «бог», *амин* «пусть будет так», *ахырат* «загробная жизнь», *ахыр-заман* «конец света», *аят* «стих корана», *бисмилляхи* «формула: во имя аллаха», *гюнях* «грех», *дин* «религия», *дууа* «молебен, колдовство, волшебство, чародейство», *жан* «душа», *жаназы* «намаз (молитва мусульман) по усопшему перед погребением», *жаннет* «рай», *жаханим* «ад», *жин* «бес, злой дух, демон, дьявол», *зикир* «повторение религиозных сочинений», *ибилис* «сатана, дьявол», *иймам* «духовное лицо», *ийман* «вера в бога, честь, совесть», *ислам* «мусульманская религия», *капыр* «исповедующий иную веру», *кебин* «саван», *къадар* «судьба, рок; пока, поскольку».

ку; много», *къыбыла* «юг», *къыямат* «светопреставление», *медиресе* «медресе (мусульманская школа)», *межгит* «мечеть», *мёлек* «ангел», *молла* «мулла (мусульманское духовное лицо)», *муртат* «вероотступник», *муслийман* «мусульманин», *некях* «бракосочетание», *ораза* «мусульманский пост», *осуят* «завещание, завет», *файгъамбар* «пророк», *патиха* «первая сура корана, краткая молитва», *фитир* «мусульманский религиозный налог (подаяние) с каждого члена семьи в честь поста Рамазана или разговенья по норме шариата», *садакъа* «приношение, подаяние, милостыня», *салауат* «отходная молитва», *сууап* «воздаяние, награда, доброе дело», *сюннет* «обряд обрезания», *талах* «развод супругов по шариату», *тоба* «раскаяние, обет, зарок», *хажы* «человек, совершивший паломничество в Мекку», *хамайыл* «священная книжка», *харам* «запрещенное по шариату к употреблению в пищу» (перен. «подлый, злодей»), *шайтан* «злой дух, сатана, дьявол», *шыйых* «лицо, принадлежащее к высшему духовенству, шейх», *шерият* «свод мусульманских законов, шариат» и др.

Среди арабских заимствований имеются и термины материальной культуры:

наименования жилища и предметов домашнего обихода: *мекам* «дом, жилище», *мюлк* «имущество, хозяйство», *табакъ* «миска, тарелка» и др.;

названия тканей, одежды, украшений: *атлес* «сатин», *жаухар* «жемчуг», *инжи* «бисер», *къатапа* «бархат», *маржан* «коралл», *накъут* «яхонт, рубин», *накъыш* «орнамент», *хуржун* «карман» и др.;

названия пищи и напитков: *аракъы* «водка», *къалампир* «гвоздика (пряность)», *халыуа* «халва» и др.

Арабскими заимствованиями являются также:

наименования явлений природы: *хауа* «воздух, погода», *табийгъат* «природа» и др.;

названия животных: *къундуз* «бобр (грызун)», *маймул* «обезьяна», *мал* «скот, скотина», *пил* «слон», *хайуан* «животное, скотина» и др.;

наименования качеств: *абадан* «взрослый, старший», *адил* «справедливый», *ажайып* «удивительный, чудесный, поразительный», *азат* «свободный, вольный», *айбат* «приятный, красивый», *аламат* «замечательный, чудесный», *асыл* «благородный, чистый, знатный», *жахил* «невежда, неграмотный, неопытный», *закий* «одаренный, талантливый, проницательный, смышлёный», *залим* «угнетатель,

тиран, смелый», *зауаллы* «горемычный, бедный, большой, могучий», *зор* «насильственный», *кеф* «пьяный», *малгъун* «проклятый, окаянный», *мамыр* «мирный», *мискин* «нищий, несчастный», *мынафыкъ* «лицемерный, двурушный», *факъыр* «бедный, нищий», *пасыкъ* «грешный, безнравственный», *сабыр* «спокойный, терпеливый, выдержанный», *сакъ* «осторожный, бдительный», *сакъат* «увечный, искалеченный», *уста* «умелый, искусный», *хазыр* «готовый», *хайран* «пораженный, ошеломленный», *халал* «разрешенное к употреблению в пищу, дозволенное по мусульманскому закону, добрый», *харам* «запрещенное к употреблению в пищу, запретное по мусульманскому закону; нечестный, недоброжелательный», *харип* «несчастный», *ыразы* «довольный, согласный», *ырахат* «спокойный» и др.

Значительное место среди арабских заимствований занимают названия различных абстрактных и конкретных понятий: *адеп* «хорошие манеры, вежливость, правила поведения», *азап* «мучение», *айып* «позор, порок», *акъым* «ум, разум», *амал* «метод, прием», *аманат* «вещь, отданная на хранение; поручение с полным доверием», *ахыр* «конец», *берекет* «изобилие, благоденствие», *даража* «степень, почет», *дау* «иск, претензия», *жууап* «ответ (на вопрос)», *заран* «вред, ущерб, убыток», *зат* «вещь, вещество, изделие, явление», *зийна* «блуд, прелюбодеяние, разврат, распутство», *зиян* «изъян, вред, убыток», *ишек* «сомнение», *къабыл* «принятие, согласие», *къаугъа* «раздор, спор, скандал, свалка, шум, переполох, тревога, крик, гам», *къууат* «сила, мощь», *къылыкъ* «характер, нрав, поведение», *магъана* «значение, содержание, суть, сущность», *намыс* «честь, репутация», *насийхат* «совет, наставление», *насып* «счастье», *ниет* «намерение, идея», *нюр* «луч, свет», *пала:* «несчастье, беда», *пикир* «мысль», *салам* «привет», *себен* «причина, повод», *сыфат* «облик, внешний вид; прилагательное», *тазир* «штраф», *тамам* «как раз, конец, достаточно», *тансыкъ* «тоска», *таурух* «легенда, быль, сказание», *файда* «польза, прибыль», *фитна* «хитрость», *хайыр* «польза, выгода», *хакъ* «правда, истина, плата, оплата», *хал* «положение, состояние», *халек* «гибель, смерть, смятение, переполох», *хапар* «известие, весть, предание, рассказ», *хата* «вред», *хатер* «услуга, уступка, уважение», *хурмет* «уважение, почтительность, честь», *хыйла* «хитрость, сноровка, ловкость», *хыянат* «вред, ущерб, зло», *шарт* «четко, ясно; условие, признак; факт», *ырысхы* «богатство, имущество», *ышан* «признак, внешняя примета», *эсеп* «счет, расчет»; *арба* «телега, повозка, бричка», *келбет* «облик, образ, вид», *къала* «крепость», *къап* «футляр, чехол», *май-*

дан «площадь», нал «подкова», сапын «мыло», сурат «картина, рисунок, изображение», тюкен «магазин», харакет «имущество, вещи», шынжыр «цепь», адам «человек», амма «но», баян «известный», зауукъ «веселье, наслаждение», зая «бесполезно, зря, понапрасну», инсан «человек», кеф «пьяный», къыбыла «юг», сабий «ребенок, дитя», хаким «лекарь», хыйсап «счет» и др.

Многие карачаево-балкарские личные имена являются арабскими заимствованиями. Таковы, например, мужские имена: *Абдул* «раб», *Абдулкерим* «раб щедрого», *Абдуллах* «раб аллаха», *Абдулхамит* «раб прославленного», *Адил* «справедливый», *Азамат* «величие, слава», *Ажиз* «счастливый, наслаждающийся жизнью», *Азрет* «господин, высокочтивый, святой», *Алий* «высший, могучий», *Алим* «знающий, осведомленный», *Асхат* «набожный», *Ахия* «он будет жить», *Ахмат* «восхваляемый», *Башир* «добрый вестник», *Баттал* «тщетный, несчастный», *Бекир* «целомудренный, непорочный», *Билял* «влага», *Даниял* «дар божий», *Даут* «любящий, любимый», *Жамал* «красота, грация, прелесть», *Жабрайыл* «сила божья», *Жафар* «маленькая речка, ручеек», *Зейтун* «оливка, маслина», *Зулъарний* «двурогий», *Зуфар* «предводитель, глава», *Ибрахим* «отец народов», *Идрис* «старательный», *Исмайыл* «бог слышит», *Исхакъ* «смех», *Камил* «совершенный», *Керим* «великодушный», *Кязим* «сдержанный, терпеливый», *Къазий* «судья», *Къасым* «распределяющий, кормилец», *Мажит* «славный», *Масхут* «предмет зависти», *Махмут* «хвалимый, прославленный», *Музафар* «победоносный, победитель», *Мурад* «желанный», *Муса* «дитя», *Муслим* «спасенный», *Мустафа* «избранник аллаха», *Мухаммат* «достойный похвалы», *Нажмудин* «звезда веры», *Назир* «подобный, схожий», *Нух* «утешение», *Окъуп* «идущий следом», *Омар* «паломник», *Пахаууддин* «блеск веры», *Расул* «посланник», *Рашит* «предводитель, ведущий», *Сагъыт* «счастливый, благоприятный», *Салах* «благочестие, праведность», *Салих* «благой, праведный», *Сафар* «родившийся в месяце сафар (второй месяц мусульманского лунного календаря)», *Сюлемен* «мирный, защищенный», *Солтан* «повелитель, император», *Суфьян* «дуновение», *Тахир* «незапятнанный», *Тейип* «добрый, благой», *Фаттах* «победитель, податель благ», *Хадис* «новый», *Хажи* «паломник», *Халит* «вечный, постоянный», *Хаким* «мудрец», *Халил* «верный друг», *Хамзат* «острый, жгучий», *Хамид* «славящий», *Харун* «горный», *Хасан* «добрый, хороший», *Хусей* «добрый, хороший», *Шамиль* «услышанный богом», *Шамсудин* «светило веры», *Шаний* «заступник» и др., женские имена:

Айшат «живущая, живучая», *Аминат* «находящаяся в безопасности», *Жамийла* «красивая, добрая», *Жаннет* «рай, райский сад», *Жаухар* «драгоценный камень, драгоценность», *Зайнаф* «полная, дородная», *Зубайда* «дар», *Зулийха* «гладкая, дородная», *Зухура* «сияние, белизна», *Маржан* «кораллы», *Марзия* «любимая, приятная», *Назифа* «чистая, безгрешная», *Фатима* «отнятая от материнской груди», *Хауа* «Ева», *Шамса* «солнечная» и др.

Персидские заимствования в карачаево-балкарском языке также относятся к широкому кругу лексических разрядов, среди которых можно выделить следующие.

Слова, связанные с человеком: *ауаз* «голос», *батыр* «храбрый, смелый», *бёкем* «крепкий, коренастый, здоровый», *душман* «враг, неприятель, противник», *жигер* «смелый, настойчивый, упорный», *кёсе* «имеющий редкую бороду», *назик* «тонкий, изящный, стройный», *нёгер* «товарищ, союзник, партнер», *пелиуан* «силач, богатырь», *сер* «глупый», *тос* «друг, любовник, любовница», *тукъум* «род, фамилия», *хош* «добрый, спокойный», *чолакъ* «безрукий», *чомарт* «щедрый», *шагъат* «свидетель» и др.

Слова, связанные с пищей: *азыкъ* «провиант, еда, съестные припасы», *балли* «вишня», *боза* «хмельной напиток, буза», *жау* «масло, жир», *жилек* «земляника, клубника», *инжир* «инжир», *пиринч* «рис», *пурч* «черный перец», *сагъыз* «благовонная смола», *сирке* «уксус», *хант* «еда, кушанье, пища», *харбыз* «арбуз», *хыяр* «тыква», *чюгюндюр* «свекла», *шаптал* «абрикос, персик», *шекер* «сахар», *шорпа* «бульон» (отвар из мяса) и др.

Названия жилища и предметов быта: *амбар* «склад», *апасы* «двадцать копеек», *базман* «весы», *бахча* «огород, сад», *бохча* «кошелёк», *буруу* «ограда», *гёренке* «мера веса в 400 граммов», *желим* «клей», *кирит* «замок», *къагъыт* «бумага», *мамукъ* «вата», *мияла* «стекло», *таба* «сковорода», *таз* «таз», *терезе* «окно», *тёшек* «матрац, постель», *тюмен* «десять рублей», *фатар* «квартира», *хамам* «баня», *чардакъ* «чердак», *чарх* «колесо», *чатыр* «палатка», *челек* «ведро», *чумадан* «чемодан», *чыракъ* «лампа, светильник, фонарь», *чырахтан* «прикрепленная к стене дощечка, на которую ставили лампу», *шеша* «склянка, флакон, бутылка», *юлле* «трубка курительная» и др.

Слова, связанные с одеждой, обувью и украшениями: *барча* «парча», *бота* «плед», *гетен* «льняное полотно», *гебенек* «бурка с капюшоном, пастушья одежда из валяной шерсти», *гляхар* «бриллиант, драгоценный камень», *дарий* «род шёлковой материи», *камар* «пояс (женский)», *кяхур-*

ба «янтарь», *кџумач* «ткань, материя», *кџына* «хна», *мес* «легкая обувь из мягкой кожи без каблуков», *перда* // *фердау* «вуаль, накидка на лицо вроде паранджи», *сахтиян* «сафьян», *садаф* «перламутровая пуговица», *тасма* «тесма», *хуржун* «карман», *чабыр* «чабуры, чувяки из сыромятной кожи с плетеными подошвами, удобные для хождения по крутым, скользким склонам» (от перс. *чапар* «плетень»), *чарыкџ* «вид обуви», *чилле* «шџёлк», *шалъ* «платок», *шалбар* «штаны, брюки» и др.

Названия животных: *булбул* «соловей», *гаммеш* «буйвол», *жаныуар* «животное», *кџадыр* «мул», *кџаплан* «тигр», *марал* «лань», *суусар* «куница», *хораз* «петух», *чабакџ* «рыба» и др.

Наименования полезных ископаемых, веществ: *алмаз* «алмаз», *магџадан* «руда», *мермер* «мрамор», *кукурт* «сера» и др.

Общественно-политическая лексика: *байракџ* «знамя, флаг», *џкюл* «защитник, адвокат», *кенгеш* «совещание», *кџала* «дворец, замок, крепость, цитадель», *падчах* «царь», *саудюгерчи* «торговец, спекулянт», *тахта* «трон, престол», *халкџ* «народ, народность, толпа, публика, население», *шахар* «город» и др.

Названия религиозных понятий: *абдез* «омовение перед молитвой у мусульман», *алмосту* «демоническое существо в образе женщины», *деуюр* «поминальный обряд», *кџр* «могила», *мажюсю* «язычник», *намаз* «молитва», *хур* «райская дева, гурия» и др.

Наименования природных явлений: *боран* «буран, снежная буря, метель», *сериуюн* «прохлада», *чилле* «сорокадневный период наибольшей зимней стужи и летней жары» и др.

Слова, связанные с другими понятиями: *багџа* «цена, стоимость», *базар* «базар, рынок», *басма* «пресса; ситец», *дайым* «постоянно, всегда», *даража* «степень, сан, чин, прицел стрелкового оружия», *дарман* «лекарство, спадобье», *дерт* «месть», *дурус* «правильно, точно», *жума* «пятница», *зауукџ* «наслаждение, удовольствие, радость», *зыраф* «бесполезная трата», *келбет* «облик, образ, вид, фигура, осанка», *кџаугџа* «шум, крик, плач, тревога, ссора, скандал», *кџыймат* «цена, стоимость», *чинар* «платан», *мурат* «цель, стремление, желание», *намыс* «честь, совесть, достоинство», *сатыр* «ряд»; *таза* «чистый, опрятный, чистоплотный; очень, сильно, здорово, совсем, поистине, честно, добросовестно», *талаш* «грызня, ссора, скандал, распри, раздор, спор», *тамаша* «удивительный, чудесный; зрелище, представление», *тапанча* «пистолет», *тузакџ* «ло-

вушка, западня», *тюкен* «лавка, магазин», *умут* «надежда», *хаман* «постоянно, неустанно», *хар* «каждый», *хунер* «искусство, умение, способность, талант», *хыянат* «вред, ущерб, зло», *чам* «шутка», *чечек* «оспа», *ыспас* «хвала, благодарность, признательность», *эм* «и».

Таким образом, множество персидских заимствований, связанных с различными предметами (*гетен* «льняное полотно», *базман* «весы», *шалбар* «штаны, брюки»), с продуктами питания (*пиринч* «рис», *харбыз* «арбуз»), с денежными единицами (*апасы* «двадцать копеек», *тюмен* «десять рублей») и т. д. свидетельствует о том, что между народами Северного Кавказа и персами широко была развита торговля. Вместе с тем следует учитывать и то, что отдельные персидские слова могли заимствоваться через посредство других языков. Например, *чумадан* «чемодан», *таз*, *базар* и т. п. могли быть заимствованы из русского языка.

Из персидского языка считаются заимствованными следующие карачаево-балкарские личные имена, мужские: *Болат* «сталь», *Дадаш* «брат», *Даулет* «счастье, богатство», *Къасболат* «стальной, букв.: особая сталь», *Мырза* «господин, князь, царевич», *Науруз* «родившийся в иранский праздник Нового года навруз», *Рамазан* «родившийся в месяц рамазан», *Хизир* «живой» и др.; женские: *Аху* «лань», *Забит* «правитель, охраняющий», *Налмас* «алмаз, бриллиант», *Нафисат* «драгоценная», *Ханий* «ханская», *Фаризат* «красавица» (букв.: «урожденная пери»), *Шахадат* «свидетельствование, показание», *Шахриза* «благородного происхождения» (перен. «прекрасная») и др.

Арабо-персидские слова, попадая в карачаево-балкарский язык, претерпевали значительные фонетические изменения, которые связаны с особенностями этих языков. Арабский язык относится к семитским, персидский — к индоевропейским, карачаево-балкарский — к тюркским языкам. Поэтому эти языки отличаются друг от друга не только лексикой и грамматическим строем, но и фонетической системой, что и отразилось на фонетическом облике арабо-персидских заимствований в карачаево-балкарском языке (Будаев, 1972, 304).

Фонетические изменения в области гласных сводятся в основном к следующим:

а — е: араб. *адаб* — карач.-балк. *адеп* «хорошие манеры, правила поведения»; перс. *чечак* — карач.-балк. *чечек* «оспа», араб. *дарс* — карач.-балк. *дерс* «урок», араб. *халак* — карач.-балк. *халек* «плохой, изувеченный»; араб.

сабаб — карач.-балк. *себен* «причина, мотив, польза», араб. *жаннат* — карач.-балк. *жаннет* «рай»;

е — а: перс. *басме* — карач.-балк. *басма* «пресса; ситец»; перс. *бейраг* — карач.-балк. *байракъ* «знамя, флаг»;

е — ы: араб. *ахер* — карач.-балк. *ахыр* «конец», перс. *чераг* — карач.-балк. *чыракъ* «лампа»;

и — ы: перс. *аршин* — карач.-балк. *аршын* «аршин»; араб. *асил* — карач.-балк. *асыл* «благородный»;

э — и: араб. *энсан* — карач.-балк. *инсан* «человек»; араб. *незам* — карач.-балк. *низам* «порядок»;

о — у: перс. *болбол* — карач.-балк. *булбул* «соловей»; араб. *морад* — карач.-балк. *мурат* «цель, стремление, желание»;

у — ы: араб. *кабул* — карач.-балк. *къабыл* «приемлемое, допустимое», араб. *намус* — карач.-балк. *намыс* «честь, достоинство»; араб. *мамур* — карач.-балк. *мамыр* «мирный, спокойный»;

у — ю: араб. *мулк* — карач.-балк. *мюлк* «имущество, собственность», араб. *нур* — карач.-балк. *нюр* «свет».

Переход **е — а, е — ы, и — ы, у — ё** объясняется законом гармонии гласных, характерным для карачаево-балкарского языка. Вместе с тем некоторые арабо-персидские слова проникли в карачаево-балкарский язык, не подчиняясь этому закону. Например: *пелиуан* «силач», *назик* «тонкий, стройный», *аскер* «армия», *алим* «ученый», *харакет* «имущество, вещи» и др.

Согласные звуки в заимствованных арабских и персидских словах подверглись следующим изменениям:

гъ — х, къ: араб. *гъэриб* — карач.-балк. *харип* «несчастный»; перс. *черагъ* — карач.-балк. *чыракъ* «лампа»;

ф — п, б: араб. *фэкъир* — карач.-балк. *факъыр* «бедный, неимущий»; араб. *кэфэн* — карач.-балк. *кебин* «саван»;

в — крат. у: араб. *вагт* — карач.-балк. *ууахты* «время»; араб. *хава* — карач.-балк. *хауа* «воздух»;

х — къ: араб. *хэзан* — карач.-балк. *къазан* «котел»;

к — х: араб. *акират* — карач.-балк. *ахырат* «загробный мир»; араб. *кавар* — карач.-балк. *хапар* «весть, известие»;

кк — к, мм — м, нн — н: араб. *шакк* — карач.-балк. *ишек* «сомнение», араб. *хаммам* — карач.-балк. *хамам* «баниа»; араб. *жаханнам* — карач.-балк. *жаханим* «ад».

В некоторых словах при заимствовании появляется дополнительный гласный звук: араб. *сатр* — карач.-балк. *сатыр* «ряд», араб. *акл* — карач.-балк. *акъыл* «ум, разум», араб. *накиш* — карач.-балк. *накъыш* «орнамент», перс. *чэтр* —

карач.-балк. *чатыр* «палатка», араб. *рази* — карач.-балк. *ыразы* «довольный, согласный» и т. д.

Эти изменения объясняются отсутствием согласного в вообще, *гъ* — в начале и конце слова, сочетаний согласных *кк*, *гг*, *къл*, *тр*, *къш* — в конце слова, наличием закона сингармонизма в исконных словах карачаево-балкарского языка.

Отдельные арабо-персидские заимствования употребляются в карачаево-балкарском языке в нескольких фонетических вариантах, например, *гяуу* // *капыр* «исповедующий иную веру».

Большое количество арабских и персидских слов при заимствовании их карачаево-балкарским языком подверглось различным семантическим преобразованиям.

Особое место среди семантических изменений заимствованной лексики занимает сужение значений слов как результат упрощения семантической структуры многозначных арабских и персидских лексем. Например, карачаево-балкарское *заман* «время, эпоха» по своему значению уже, чем арабский прототип *зэман* «время, век, эпоха, мир, свет». Сузило в карачаево-балкарском языке свое значение и многозначное персидское слово *шахед* «свидетель, пример, поэт, возлюбленный, красивый, красавец». Карач.-балк. *шагъат* имеет лишь значение «свидетель». Сужению значений при заимствовании подверглись и многие другие слова. Например, араб. *ажал* «смертный час, смерть, предел» — карач.-балк. *ажал* «смерть, смертный час»; араб. *алим* «ученый, знающий, богослов» — карач.-балк. *алим* «ученый»; араб. *эскэр* «воин, солдат, армия, войско» — карач.-балк. *аскер* «армия, войско»; перс. *аваз* «голос, песня» — карач.-балк. *ауаз* «голос»; араб. *бэрэкэт* «изобилие, благоденствие, благословение» — карач.-балк. *берекет* «изобилие, благоденствие»; перс. *дэрман* «лекарство, средство, лечение» — карач.-балк. *дарман* «лекарство, средство»; араб. *джан* «душа, дух, жизнь» — карач.-балк. *жан* «душа»; перс. *зоуг* «вкус, вкушение, наслаждение, удовольствие» — карач.-балк. *зауукъ* «наслаждение, удовольствие, радость»; перс. *кэмэр* «поясница, талия, пояс, кушак» — карач.-балк. *камар* «пояс (женский)»; перс. *кусе* «имеющий редкую бороду, бескурковый (о ружье)» — карач.-балк. *кёсе* «имеющий редкую бороду»; перс. *гугэрд* «сера, спички» — карач.-балк. *кукурт* «сера»; араб. *габ* «рамка, футляр, блюдо, коробка, игральная бабка» — карач.-балк. *къап* «футляр, чехол»; араб. *мэдэн* «рудник, шахта, копь, руда, металл» — карач.-балк. *магъыдан* «руда»;

араб. *мал* «имущество, богатство, скотина, деньги, товар» — карач.-балк. *мал* «скот, скотина»; араб. *низам* «порядок военная служба, военный строй» — карач.-балк. *низам* «порядок, дисциплина»; араб. *сурэт* «внешний вид, образ, рисунок, картина, опись, ведомость, список» — карач.-балк. *сурат* «картина, рисунок, фотоизображение»; араб. *дэгийге* «минута, подробность, мелочь, тонкость» — карач.-балк. *такъыйкъа* «минута»; араб. *гэриб* «чужестранец, чужой, посторонний, униженный, покорный, скромный» — карач.-балк. *харип* «несчастный»; араб. *хэт* «линия, черта, штрих, почерк, письмо, грамота» — карач.-балк. *хат* «почерк»; перс. *чоллаг* «безрукий; безногий» — карач.-балк. *чолакъ* «безрукий»; перс. *шахед* «свидетель, пример, поэт, возлюбленный, красивый, красавец» — карач.-балк. *шагъат* «свидетель».

Некоторые арабо-персидские заимствования расширяют свой семантический объем, что является результатом развития семантики заимствованного слова на карачаево-балкарской почве «в результате метонимических и метафорических смещений первичного значения» (Забитов, 1983, 11). Расширение значений отмечается несравненно реже, чем сужение. Слово *тазе* в персидском языке имеет значение «новый, свежий». Карач.-балк. *таза*, позаимствованное из персидского, расширило семантику: «чистый, опрятный, чистоплотный, очень, совсем, поистине, по-настоящему, добросовестный». Слово вошло во фразеологизмы: *таза жүрекли* «чистосердечный», *таза ниетли* «честный». Расширили свои значения при заимствовании и следующие слова: араб. *ахырзаман* «конец цвета» — карач.-балк. *ахырзаман* «конец света, великолепный, удивительный»; араб. *кагыд* «бумага» — карач.-балк. *къагъыт* «бумага, письмо, документ»; араб. *нур* «свет» — карач.-балк. *нюр* «свет, сияние, красота»; араб. *тэмам* «конец, окончание» — карач.-балк. *тамам* «как раз, конец, достаточно»; араб. *хазер* «готовый» — карач.-балк. *хазыр* «готовый, газыри», перс. *шэфталу* «персик» — карач.-балк. *шаптал* «абрикос, персик»; араб. *шэрт* «условие, договор, необходимое» — карач.-балк. *шарт* «четко, ясно, условие, признак, факт» и др.

Семантические изменения заимствованных слов бывают иногда настолько глубокими, что приводят к существенному нарушению или полной потере семантической связи с прототипом (Сычева, 1973, 54). Это видно из следующих примеров: араб. *эзэб* «холостой, незамужняя» — карач.-балк. *азап* «мучение»; араб. *гэмэл* «надежда» — карач.-балк. *амал* «метод, прием»; араб. *этлэс* «атлас» — карач.-

балк. *атлес* «сатин»; перс. *бекам* «удачливый, достигающий цели» — карач.-балк. *бёкем* «крепкий, коренастый, здоровый»; перс. *сэрф* «расход, издержки» — карач.-балк. *зыраф* «бесполезная трата»; араб. *келбет* «качество» — карач.-балк. *келбет* «облик, образ, вид»; араб. *нэсиб* «доля, честь, удел, судьба» — карач.-балк. *насып* «счастье»; перс. *сэтр* «строка, абзац» — карач.-балк. *сатыр* «ряд»; араб. *таурих* «датирование» — карач.-балк. *таурух* «легенда, быль, сказание»; араб. *хейр* «добро, благо, благополучие» — карач.-балк. *хайыр* «польза, выгода»; араб. *хата* «ошибка, упущение, грубость» — карач.-балк. *хата* «вред»; перс. *хош* «приятный, веселый, радостный, милый» — *хош* «добрый, спокойный»; перс. *хийар* «огурец» — карач.-балк. *хыяр* «тыква», перс. *чам* «кокетство» — карач.-балк. *чам* «шутка», перс. *чэтр* «зонт, зонтик» — карач.-балк. *чатыр* «палатка» и др.

Сужение, расширение и смещение значений заимствованных слов свидетельствует о глубоком семантическом освоении и арабо-персидских лексем карачаево-балкарским языком.

Часть заимствованных арабо-персидских слов не подвергается при освоении семантическим изменениям. Это в основном однозначные лексемы. Сохранили свои значения, например, следующие слова: перс. *элмас* — карач.-балк. *алмаз* «алмаз»; перс. *бейраг* — карач.-балк. *байракъ* «знамя, флаг»; перс. *бил* — карач.-балк. *бел* «лопата», перс. *болбол* — карач.-балк. *булбул* «соловей»; араб. *джомэ* — карач.-балк. *жума* «пятница», перс. *кэнгаш* — карач.-балк. *кенгеш* «совет, совещание», перс. *гатер* — карач.-балк. *къадыр* «мул»; араб. *къатифатун* — карач.-балк. *къатана* «бархат»; перс. *бемпег* — карач.-балк. *мамукъ* «вата»; араб. *мазгет* — карач.-балк. *межгит* «мечеть»; араб. *мэрмэр* — карач.-балк. *мермер* «мрамор»; перс. *таба* — карач.-балк. *таба* «сковородка», перс. *доккан* — карач.-балк. *тюкен* «магазин», перс. *чичэк* — карач.-балк. *чечек* «оспа», перс. *шэхр* — карач.-балк. *шахар* «город» и др.

Происходит и морфологическое освоение слов. Арабско-персидские заимствования, входящие в лексику карачаево-балкарского языка, имеют общую с исконными словами систему словообразования и словоизменения, т. е. карачаево-балкарский язык использует свои морфологические элементы для образования новых слов от заимствованных. При помощи аффиксов карачаево-балкарского языка на базе арабо-персидских слов созданы большие группы имен существительных (*ырахат* + *лыкъ* «спокойствие», *чюгюн-*

дюр+чю «свекловод»), прилагательных (*адеп+ли* «вежливый», *акъыл+сыз* «неумный») и глаголов (*азат+ли* «освободить»).

В карачаево-балкарском языке арабо-персидские основы используются и для создания сложных слов. Среди них имеются лексемы, оба компонента которых являются арабо-персидскими (*дос-душман* «друзья и враги», *жан-жаныуар* «все живые существа», *жин-шайтан* «черты, бесы», *къагъыт-къалам* «письменные принадлежности», *мал-мюлк* «всякое добро, состояние»), и лексемы, один из компонентов которых принадлежит карачаево-балкарскому, а другой — арабскому или персидскому языку (*ахча-бохча* «деньги», *аш-азыкъ* «продукты питания», *кюч-къууат* «сила, энергия», *сый-хурмет* «уважение, почтение»).

Некоторые арабо-персидские существительные множественного числа освоены карачаево-балкарским языком как существительные единственного числа. Например: араб. *гъазават* (мн. ч.) «поход на неверных, газават» — карач. *къазауат* «война», араб. *таварих* (мн. ч. от *тарих* «дата какого-либо события, история, хроника») — карач.-балк. *таурух* «легенда, предание» и др. Отдельные существительные освоены как прилагательные: араб. *фэкир* «бедность, нищета» — карач.-балк. *факъыр* «бедный, нищий», араб. *аламат* «знак, признак, символ, симптом» — карач.-балк. *аламат* «прекрасный, удивительный, чудесный»; араб. *кайф* «веселье, хорошее настроение духа, наслаждение» — карач.-балк. *кеф* «пьяный»; араб. *халак* «полная потеря, гибель, уничтожение» — карач.-балк. *халек* «плохой, поврежденный, негодный» и др.

Арабские и персидские заимствования в карачаево-балкарском языке можно разделить на активно употребляемые и приобретающие оттенок устарелости.

В группу активно употребляемых слов входят заимствования, освоенные карачаево-балкарским языком так, что воспринимаются карачаевцами и балкарцами как исконные слова родного языка. Это обычно экспрессивно не окрашенные, стилистически нейтральные слова, одинаково характерные и для устной, и для письменной речи. Это слова из таких функциональных сфер, как духовные и физические качества человека, животный мир, предметы домашнего обихода и некоторые другие. К активно употребляемым в карачаево-балкарском языке арабо-персидским заимствованиям можно отнести такие слова, как *ахыр* «конец», *адам* «человек», *амал* «метод», «прием», *ауаз* «голос», *бахча* «огород», *багъа* «цена», *жан* «душа», *чарх* «колесо,

дарман «лекарство», *сабий* «ребенок», *сурат* «рисунок», *мал* «скот».

Вместе с тем некоторая часть заимствований, продолжительное время активно функционировавших в карачаево-балкарском языке, постепенно выходит из активного употребления. Этому способствует и то, что русским языком как языком межнационального общения свободно владеет абсолютное большинство карачаевцев и балкарцев, в результате чего некоторые арабо-персидские заимствования переходят в разряд архаизмов, уступая место заимствованиям из русского языка. Таковы, например, слова *сиясат*, *синф*, *хуррият*, *хукмат*, *мектеп*, *къади*, *дефтер*, *такъыйкъа*, *элипле*, замененные русскими или интернациональными заимствованиями соответственно *политика*, *класс*, *революция*, *правительство*, *школ* «школа», *судья*, *тетрадь*, *минут* «минута», *азбука*.

Процесс архаизации арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарском языке обусловлен и резким сокращением числа людей, выполняющих ритуалы мусульманского вероисповедания, и изменениями социальных условий в связи с развитием различных сторон общественной жизни. В результате всего этого приобрели оттенок устарелости такие арабо-персидские слова, как *жаназы* «похоронный ритуал», *ораза* «мусульманский пост», *садакъа* «милостыня», *шейит* «павший на священной войне», *зекят* «налог (в пользу духовенства)», *салауат* «молитва», *чагар* «слуга», *медиресе* «духовное училище», *мухур* «печатать (круглая)», *къыямат* «светопреставление», *дууа* «молебен, колдовство», *хажжи* «совершивший паломничество», *азан* «призыв муллы к молитве» и др. Вместе с тем в последнее время в связи с изменениями в общественно-политической жизни религиозные арабо-персидские термины стали употребляться в карачаево-балкарском языке активнее.

Заимствования из языков соседних народов

О карачаевцах и балкарцах В. И. Абаев пишет: «Горские племена, населявшие верховья Кубани, Баксана, Чегема и Черека, принадлежат по языку к тюркской группе, находились с давних пор в чрезвычайно пестром и интересном языковом окружении. На севере — русские, кабардинцы и черкесы; на западе — абхазы, на юге — сваны, на востоке — осетины. Взаимодействие на небольшом пространстве трех языковых стихий, тюркской, иранской и

кавказской, из коих последняя представлена в нескольких разновидностях, должно было приводить и приводило к такому переплетению межъязыковых схождений, фонетических, лексических, семантико-идиоматических, какое можно наблюдать не часто. Общность природных условий, хозяйственного уклада, социальной структуры, обычаев и верований придавала особую интимность культурным и языковым схождениям между всеми народами Центрального и Западного Кавказа, к какой бы группе они ни относились по лингвистической классификации — кавказской, иранской или тюркской» (Абаев, 1949, 271).

Условия жизни заставляли представителей разных народов Кавказа изучать и знать как можно больше языков. Представители абхазо-адыгов, осетин, сванов и мегрелов усваивали карачаево-балкарский язык, карачаевцы — абхазский, адыгский, свалский и мегрельский, а балкарцы — осетинский, кабардино-черкесский и сванский. Кроме того, на отдельных участках Западного Кавказа имело место балкаро-осетинское, карачаево-осетинское, абхазо-карачаевское, карачаево-сванское, балкаро-кабардинское, кабардино-осетинское, адыгейско-карачаевское и т. д. двуязычие (Хабичев, 1980, 146). Поэтому авторы, исследовавшие взаимовлияние этих языков (Абаев, 1949, Сакиев, 1959, Хаджилаев, 1970, Бабаев, 1972, Цагаев, 1972, Шоштаев, 1973, Хабичев, 1980, Мусукаев, 1984), выявили в них сотни лексических параллелей. Вместе с тем в соседних языках карачаево-балкарских слов обнаружено гораздо больше, чем заимствования из этих языков в карачаево-балкарском языке.

Заимствования из осетинского языка

Заимствованными из осетинского языка можно считать около 200 карачаево-балкарских слов. Некоторые из них даются ниже в тематических группах.

Слова, связанные с домашним хозяйством: *арауан* // *арауун* «приспособление из круглой железной пластинки с ручкой для подсушивания лепешек» (*аравун* // *аруд* «опалить на огне»)*; *басха* «ручные грабли» (*пасха* то же); *гуму* «кладовая» (*гом* «закром, амбар»); *гыбыт* «бурдюк» (*гэбэт* то же); *дорласын* (балк.) «волокуша для перевозки камней» (*дор* «камень» + *ласын* «тащить»); *кюштел* «большая кадка» (*куыстелэ* то же); *хырык* «потолочная балка»

* Здесь и далее в скобках приводятся исходные формы слов и их значения в языке-источнике.

(*аххэрэг* «матица, главная потолочная балка»); *чигинжи* «столб» (*цэджынды* то же); *ылысхын* «лом, железный рычаг» (*лухдун* «дубина»).

Названия растений: *кырдык* «трава» (*кэрдэг* то же); *мурса* «крапива» (*пурса* то же); *муртку* «калина» (*муркэ* то же); *мырзы* (балк.) «береза» (*бэрзэ* то же); *назы* «ель» (*нэзи* «сосна»); *тукъузгю* «рябина» (*текъузге* то же); *чум* «кизил» (*цым* то же); *шинжи* (балк.) «колючка» (*сындэ* «колючка, терновник, заноза»).

Названия животных: *биттир* «летучая мышь» (*биттир* то же); *зурнук* (балк.) «журавль» (*зырнэг* то же); *мыга* «перепел» (*мэга* «бекас»); *саскы* «овод» (*саскэ* «мошка, комар, вообще мелкое насекомое»); *узада* (балк.) «овца трех лет» (*ду-зад* досл. «дважды рожавшая»).

Названия, связанные с природой: *дорбун* «пещера» (диг. *дорбун* то же, досл. «камень+пол»); *хуру* «каменное место, булыжник» (*хуыр* «щебень, гравий»); *шаудан* «родник» (*сауэдон* то же, досл. «черная вода»).

Наименования болезней, частей тела человека и животных: *ашхын* (карач.) «желудок» (*ахсэн* «желудок, сычуг»); *базук* «рука выше локтя» (*базыг* // *базуг* «рука выше локтя, плечевая кость»); *бокъур* «зоб» (*бокъкъур* то же); *мугуштук* «предплечье» (*мэкъуыстэг* то же); *ушхол* (ц. д.) «кишка» (*сэуасхола* «пищевод»); *хамхот* // *гимхот* «морда, рыло» (*хэмхуттэ* «морда»); *хыппил* «волдырь» (*тэппал* «волдырь, мозоль, кровоподтек»); *чырмылтын* «грыжа» (*чэлмартэн* то же).

Лексика, связанная с одеждой и обувью: *халы* «нитка» (*хал* «травинка, нитка, вереница»); *хуюн* «шнурок из сыромятной кожи для плетения подошв горской обуви» (*хуен* «нитка»); *чык* «петля на подошве чабуров» (*цег* «звено, петля, узел»); *чындай* «чулок» (*цъында* «носок, чулок»); *чубур* «жилетка, стеганная на вате» (*цыбыр* «куцый, короткий»); *юзмелт* (ц. д. *зимилт*) «небольшой виток чесаной шерсти, готовый к прядению» (диг. *эзмилт* «подготавливать шерсть для пряжи в виде колец, наматываемых на руку»).

Слова, характеризующие человека: *гуппур* «горбатый» (*губур* «согнувшийся, сгорбленный»); *сылхыр* «глупый, сумасбродный, ошалелый, чудаковатый» (*сэлхэр* «глуповатый, полоумный, шалый»).

О хозяйственных связях карачаевцев, балкарцев и осетин свидетельствуют и заимствованные слова, связанные с заготовкой сена: *антау* «стог сена, стог из снопов» (*эфтау* «снопы, уложенные рядами на току для молотбы»); *батан* (балк.) «охапка сена» (*бэттэн* «связка»); *галлас* (ц. д.)

«копна» (гал «вол» + ласын «тащить»); *лыпыр* «маленькая копна» (диг. *лэппэр* «охапка сена»); *хастан* (балк.) «место, куда свозят копны сена» (*хуасдонэ* то же).

Другие заимствования: *жинк* // *зинк* «искра, уголек» (*зынг* «огонь»); *зайын* «яйцо под наседкой» (*зайэн* «время отела, скота»); *зылды* (балк.) «дёрн» (*зэлдэ* то же); *гыллыуча* (балк.) «качели» (*хъеллау* «качели, шатание»); *гыржын* «чурек, лепешка» (*кэрдзын* «хлеб непшеничный»); *ийлыкъ* - // *ыйлыкъ* - // *ылыкъ* - «не считать достойным» (*элгъэ* // *илгъэ* «отвращение, гадливость»); *мыллык* «туша, труп, падаль» (*мэллэг* «тощий, худой, слабый»); *ныгъыш* «место, куда собираются жители села в свободное время для беседы и отдыха» (*нихэс* «слово, речь, разговор, беседа, собрание мужчин аула для обсуждения текущих дел»); *урходук* «пепел, искра» (*эрхотуг* «пепел»); *чопал* «гроздь, кисть» (*чопалэ* то же); *шатык* «хрупкий, сочный; звонкий, ясный (о голосе)» (*сатэг* «спелый»); *шыхыр* «горящие уголья» (*сэхэр* то же); *ыстауат* «стойбище для скота» (*стонуат* то же); *ышныр* «жвачка» (*сынэр* // *синэр* то же).

Осетинских элементов много и в караево-балкарской топонимике: *Галдор* — гора в верховьях реки Хызындан (досл. «бык-камень»); *Догъууат* — поляна в верховьях Жемталы (*догъват* «место для скачек»); *Зюлкасар* — гора (*зул* «кривой», *къэссэр* «порог, переход»); *Курнаят* — селище близ села В. Балкария (*курон-ват* «место, где мельница»); *Лыбарда* — селище близ В. Чегема (*лэбырд* «оползень»); *Ныхыт* — скалы около с. Учкулан (*нихтэ* «скалестые выступы»); *Орусундак* — местность выше Актопрака (*орс фэндаг* «белая дорога»); *Пардык* // *Фардыг* — место близ В. Чегема (*фэрдыг* «самоцвет, бусина»); *Рензе* — урочище по пути в Сванетию (*ринзэ* «звериная тропа»); *Сагдан* — речка, впадающая в Черек Балкарский (*саг* «олень», *дон* «река», *сагдан* «оленья река»); *Саудор* — речка, впадающая в Черек Хуламский (*саудор* «черный камень»), *Сурх* — гора (*сурх* «красный»); *Тыжынты* — местность в Хуламо-Безенгийском ущелье (*тэдзын* «стекать»); *Харбадын* — выступ выше сел. Кюннюм (досл. «солнце садится»); *Хумаши* — местность выше сел. В. Балкария (*хуым* «пашня»); *Шауурдат* — селище на берегу Черка Балкарского (*сау* «черный»); *Шаушюгют* — местность в Карачае (*сау* «черный» + *сигит* «земля» — «чернозем»).

При освоении караево-балкарским языком семантика некоторых осетинских заимствований подверглась сужению: *халы* «нитка» (*хал* «травинка, нитка, вереница»), *саскы* «овод» (*саскэ* «мошка, комар, вообще мелкое насекомое»), *хиппил* «волдырь» (*тэппал* «волдырь, мозоль, кро-

воподтек») и др. Имеет место и расширение значений, например, *шатык* «хрупкий, сочный, звонкий, ясный» (*сатэг* «спелый»), а также их изменение: *ылыхтын* «лом» (*лухдун* «дубина»), *ушхолу* «кишка» (*сэуасхола* «пищевод») и др.

При фонетическом освоении осетинских заимствований происходят в основном следующие звукопереходы:

э — ы: осет. *сынэр* «жвачка» — карач.-балк. *ышныр* то же; осет. *тэбын* «шерсть» — карач.-балк. *тыбына* «шерстяная веревка»; осет. *хэдз* «приспособление для кручения веревки, крюк, крючок» — карач.-балк. *хыжы* «палка с крючком на конце»; осет. *хэрег* «главная потолочная балка» — карач.-балк. *хырык* то же;

э — у: осет. *хуйэн* «нитка» — карач.-балк. *хуйун* (*хуюн*) «нить из сухожилий»;

с — ш: осет. *сэтэ* «слюна» — карач.-балк. *шыты* то же; осет. *сауэдон* «родник» — карач.-балк. *шаудан* то же; осет. *сындз* «колючка, терновник, заноза» — карач.-балк. *шинжи* «колючка»;

г — к: осет. *базыг* // *базуг* «рука выше локтя, плечевая кость» — карач.-балк. *базук* «рука выше локтя»; осет. *эрхотуг* «пепел» — балк. *урходук* то же.

В некоторых словах происходит усечение конечного гласного: осет. *хэмхуттэ* «морда» — карач.-балк. *хамхот* // *гимхот* то же; осет. *куыстелэ* «большая кадка» — балк. *кюштел* то же.

Займствования из кабардино-черкесского языка

Установлено, что заимствования из кабардино-черкесского языка охватывают все сферы лексики материальной и духовной культуры. Они даются ниже в соответствующих тематических группах.

Названия животных: *адакъа* «петух» (*адакъэ* то же); *мача* «саранча» (*мацлэ* то же).

Наименования растений: *быхы* «морковь» (*пхъы* то же); *зынтхы* «овес» (*зэнтхъ* то же); *къушхамыш* «мушмула» (*къушхъэмышх* то же); *чибижи* «красный перец» (*шыбжий* то же).

Слова, связанные с домашним хозяйством: *быкъы* «кол во дворе с ветвями, служащий для вешания посуды, бурдюка и т. п.» (*пкъо* «столб, бревно, свая, стойка»); *сех* «перекладина для ворот» (*сэх* «косяк ворот»); *сире* «посудный шкаф» (*сырэ* то же); *хаух* «печь» (*хъэку* то же).

Названия пищи: *баста* «крутая каша из пшена или кукурузной крупы без соли» (*п/астэ* «крутая каша из пшена без соли»); *илбиже* // *либижа* // *либже* «курятина в подливке из сметаны и специй» (*лыбжьэ* «мясо в соусе»); *кэояжапха* «еда из свежей сметаны и сыра» (*кхэуейжьапхэ* то же); *хантус* «пшеничный суп, рисовый суп» (*хээнтхэуыпс* «пшеничный суп, суп вообще»).

Слова, связанные с одеждой: *бэхция* (ц. д.) «платье женское» (*босцей* то же, досл. *бос* «бязь» + *цей* «черкеска»); *гефгин* (ц. д.) «передник, фартук» (*к/эпхын* то же, досл. *к/э* «юбка» + *пхын* «завязывать»); *лаудан* «шёлковая ткань, из которой шили верхнюю одежду» (*лэуданэ* «шёлковый платок»); *санжэх* «подшивка из другого материала под платье для удлинения» (*сэнжэху* то же); *хар* (карач.) «кружево» (*хэар* «сеть, сетка»); *хедик* «вышивка» (*хэдык* то же, досл. *хэ/лын* «пройти сквозь что-либо» + *дын* «шить»).

Названия оружия: *ушкок* // *шкок* «ружье, винтовка» (*фоч, фок, адыгейск. шхонч* то же); *герох* // *керох* «револьвер, наган, пистолет» (*к/эрахэуэ* то же).

Слова, характеризующие человека: *гурмук* «грубый, несговорчивый» (*гурымыкэ* то же); *хауле* «бездельник, бродяга, развратник» (*хэулей* «бродяга, бездельник»); *хомух* «нерасторопный, ленивый, бездеятельный, трусливый» (*хуэмыху* «ленивый, нерасторопный, бездеятельный»).

Названия разных понятий: *гузаба* «волнение, беспокойство» (*гузэвэн* «беспокоиться, волноваться»); *гурушха* «подозрение» (*гурышхэуэ* то же); *жойюсхан* «господин» (*зиусхээн* то же); *орайда* «свадебная песня» (*уэрэд* «песня; старинная свадебная песня»); *хаух* «взаймы, напрокат» (*хээху* то же); *хыйла* «хитрость» (*хылэ* «хитрость, уловка»); *хыйны* «яд, отравка, колдовство» (*гын* «порох, яд, отравка»); *шакэа* // *шакэы* «чернила» (*шакээ* то же); *шапа* «повар; кашевар; прислуживающий за столом» (*пцаф/э* то же); *щибля* «молния» (*щиблэ* то же); *эжиу* «подпевание» (*ежьу* «припев»).

Кабардино-черкесские заимствования имеют место так же в карачаево-балкарской ономастике. К ним относятся личные имена: *Даннэх* (*Данэху* «белый шёлк» — *данэ* «шёлк» + *ху* «белый»); *Нагэо* (*Нахэо* «широкоглазая» — *на* «глаз» + *хэу* «широкий»); *Нашхо* (*Нашхэо* «голубоглазая» — *на* «глаз» + *щхэуэ* «голубой»); *Паху* (*Пагуэ* «коротконосый» — *пэ* «нос» + *гуэ* «короткий»); *Асланукэа* (*Асланукэуэ* «Аслана сын»); *Бязрукэа* (*Безрыкэуэ* «Безыра сын»); *Гиргэокэа* («Кургэо сын») и др.

При семантическом освоении карачаево-балкарским языком некоторые кабардино-черкесские слова расширили свои значения: *баста* «каша из пшена или кукурузной крупы без соли» (*пIастэ* «крутая каша из пшена без соли»); *хауле* «бездельник, бродяга, развратник» (*хьэулей* «бродяга, бездельник»); *хомух* «нерасторопный, ленивый, бездеятельный, трусливый» (*хуэмышу* «нерасторопный, ленивый, бездеятельный»). Значения других слов суживаются: *илбиже* // *либижа* // *либже* «курятина в подливе из сметаны и специй» (*лыбжьэ* «мясо в соусе»); *орайда* «свадебная песня» (*уэрэд* «песня; старинная свадебная песня»); *хантус* «пшеничный суп, рисовый суп» (*хьэнтхъуыпс* «пшеничный суп, суп вообще»). Отдельные кабардино-черкесские слова усвоены в других значениях: *армау* «растерянность» (*арму* «нескладный, неуклюжий»); *лаудан* «шёлковая ткань, из которой шили верхнюю одежду» (*лэуданэ* «шёлковый платок»); *хар* (карач.) «кружево» (*хъар* «сеть, сетка»); *эжиу* «подпевание» (*эжьу* «припев»).

При фонетическом освоении кабардино-черкесских слов происходят следующие изменения (Мусукаев, 1984, 100):

э переходит в а: *зиусхьэн*—*жюйюсхан* «господин»; *хьэулей*—*хауле* «бездельник, бродяга, развратник»; *гузавэ*—*гузаба* «тревога, волнение»;

происходит усечение конечного гласного (или краткого й): *кIэрахъуэ*—*герох* «револьвер, пистолет»; *Iэдэжу*—*адеж* «под уздцы»;

появляются дополнительные гласные звуки для полноты слога: *зэнтхъ*—*зынтхы* «овес»; *шыбжий*—*чибижи* «красный перец», *щыблэ*—*шибиля* «молния»;

звукокомплексы *шх*, *тх*, *пщ*, *ж* и др. переходят в звуки *ш*, *с* и др.: *пщэфIэ*—*шапа* «повар», *къуицхьэмьшх*—*къуишхамиш* «мушмула», *хьэнтхъуыпс*—*хантус* «пшеничный или рисовый суп»;

глухой согласный *п* в начальной позиции слова часто переходит в звонкий *б*: *пIастэ*—*баста* «каша», *пхъы*—*быхы* «морковь».

Все эти звукопереходы не выступают как строгие закономерности. «При проникновении того или иного слова должно было произойти закономерное изменение соответственно с фонетическими особенностями усваивающего языка, но оно не всегда происходит» (Мусукаев, 1984, 101).

Карачаево-балкарские слова в языках соседних народов

Изолированное развитие карачаево-балкарского языка от остальных тюркских языков приводило к специфическим изменениям его лексики. Вопреки мнению ряда авторов о том, что будто большинство тюркизмов в языках Западного Кавказа не результат влияния древнекарачаево-балкарского, а наследие турецкого, татарского, половецкого и других языков, изучение заимствований приводит к выводу о том, что подавляющая часть тюркизмов в осетинском, кабардино-черкесском, адыгейском, абазинском и других языках восходит к карачаево-балкарскому языку, слова которого имеют следующие звуковые особенности по сравнению с другими тюркскими языками Кавказа:

1) употребление аффрикаты *дж*, щелевых *ж*, *з* вместо начального *й*;

2) использование *ш* вместо *с*, *ч* вместо *ш* в отличие от языков кыпчакско-ногайской подгруппы тюркских языков;

3) переход *къ* в *гъ*, *к* в *г* в интервокальной позиции;

4) озвончение глухого *к* перед гласными заднего ряда: *кыпы* — *гыпы* «кефир», *кабдеш* — *габдеш* «ясли», *коппан* — *гоппан* «деревянная чаша» и т. д. (Хабичев, 1980, 9—11).

Карачаево-балкарские заимствования в осетинском языке охватывают ряд тематических групп.

Термины родства: осет. *дигиза* «мамка, кормилица, воспитательница (карач. *дигиза* то же; балк. *дигиза* «женщина, обслуживающая молодую невесту»); *энэлэг* «безмужная, вдова» (*аналыкъ* «мачеха»); *эфсин* «хозяйка (жена), свекровь» (*апсын* «жены братьев по отношению друг к другу»).

Названия растений: осет. *кокон* «тёрн» (карач.-балк. *кёкен* то же); *кэртту* «груша» (*кертме* то же); *нинэг* «малина» (*наныкъ* то же); *тала* «молодое дерево» (*тал кива*); *тарты* «барбарис» (*тюртю* то же); *уэркъин* (диг.) «крыжовник» (*юркюн* то же); *хумэллэг* «хмель» (*хумаллак* // *хумеллек* то же).

Наименования животных: осет. *аласа* «мерин» (карач.-балк. *алаша* «лошадь, мерин»); *бирэгъ* «волк» (*бёрю* то же); *богъа* «бугай» (*бугъа* то же); *гогыз* «индюк, индейка» (*гогуш* // *кокуш* то же); *дудакъ* «дрофа» (*дууадакъ* то же); *къэрцыгъа* «ястреб» (*къартчыгъа* // *къыртчыгъа* то же); *хъуннадзин* «корова двух-трех лет» (*къунажин* то же); *тохъул* «баран от трех месяцев до одного года» (*токълу* «валух от шести месяцев до одного года»); *уэныг*

«молодой бык» (*ууанык* то же); *эргъай* «лосось» (*ыргъай* то же); *егар* «борзая собака» (*эгер* то же); *емлык* «необъезженная, необученная лошадь» (*эмилик* то же).

Названия предметов домашнего хозяйства: осет. *гэбэт* (диг.) «бурдюк» (карач.-балк. *гыбыт* то же); *джыдэ* «штык, копье» (*гида* «топор»); *дзалгъаундзэ* «сковородка с ручкой» (*жалгъаууч* то же); *пахса* (диг.) «грабли» (*басха* // *бахса* то же).

Слова, связанные с природой: осет. *дэнджыз* «море» (карач.-балк. *тенгиз* то же); *кул* «лужа, пруд, болото» (*кёл* «озеро, лужа»); *къайэ* «каменная плита, шифер, сланец» (*къая* «скала»); *цэгат* «северный склон горы» (*чегет* «лес, северный склон горы»).

К карачаево-балкарским заимствованиям в осетинском языке относятся также слова, связанные с пищей: осет. *быламыш* «мучная болтушка» (карач.-балк. *биямукъ* «болтушка, похлебка»), *дзормэ* / *зорма* «колбаса из тонких кишек» (*жёрме* «колбаса из части живота и толстой кишки»), *хъаймакъ* «сливки, сметана» (*къаймакъ* ц. д. то же); названия частей тела человека и животных: осет. *ахсэн* «желудок» (карач.-балк. *ашхын* то же), *богъурдакъ* «глотка» (*богъурдакъ* «горло, глотка, гортань»), *бырынкъ* «нос, клюв» (*бурун* то же), *дзал* «грива» (*жал* // *жалкъа* то же), *дордонэ* «зоб у птиц» (*дёрден* «грудь человека, зоб птицы»), *эмчек* «молочный брат, женская грудь» (*эмчек* «женская грудь»); другие названия: осет. *чызг* «девушка, девочка» (карач.-балк. *къыз* «дочь, девушка»), *сохъхъур* «косой на один глаз» (*сокъур* «слепой»), *тауыс* «голос, слух» (*таууш* «звук, шум»), *хил* «волос» (*къыл* то же).

Влияние карачаево-балкарского языка заметно и в осетинской топонимике: осет. *Аксу* — река (карач.-балк. *акъ* «белый», *суу* «река»), *Ахъмаз* — гора (*акъ* «белый» + *баиш* «голова» — «белая вершина»), *Бэлта* — село (*балта* «топор»), *Дзанхъэлыц* — гора (*джанкъылыч* «радуга»), *Хъарасу* — хутор (*къара* «черный» + *суу* «вода»), *Хъэрэгъэс* — название квартала села Урсдон (*къара* «чёрный» + *агъач* «лес»), *Ямантау* — гора (*аман* «плохо» + *тау* «гора»).

Карачаево-балкарские заимствования в кабардино-черкесском языке также охватывают многие стороны жизни. Наибольшее количество их связано с животным миром. К ним относятся: каб.-черк. *алаще* «конь, мерин» (карач.-балк. *алаша* «лошадь, мерин»), *аргъей* «лосось» (*ыргъай* то же), *аргъуэй* «комар» (*ургъуй* то же), *бабыщ* «утка» (*баппуш* то же), *гуэгуш* «индюк, индюшка» (*гогуш* то же), *донгъуз* «свинья» (*тонгуз* то же), *дунажын* «кобыла-трех-

летка» (*кѣунажин* «корова двух-трех лет»), *дудакъ* «дрофа» (*дууадакъ* то же), *жумэрэн* «хомяк, суслик» (*жубуран* «суслик»), *кѣаз* «гусь» (*кѣаз* то же), *кѣэплѣэн* «тигр» (*кѣаплан* то же), *кѣашыргѣэ* «ястреб» (*кѣартчыгѣа* // *кѣыртчыгѣа* то же), *танэ* «телёнок от одного года до двух лет» (*тана* «тёлка по второму году»), *хагер* «охотничья собака» (*эгер* «гончая собака»), *эргѣуей* «комар» (*ургѣуй* то же).

Названия растений: каб.-черк. *батыргэн* «борщевик» (карач.-балк. *балдыргэн* то же), *жызум* «виноград» (*жюзюм* то же), *кѣэб* «тыква» (карач. *кѣап* то же), *кѣазмакъ* «облепиха» (*кѣасмакъ* то же), *тутын* «табак» (*тютюн* «дым, табак»), *хѣумбылэ* «хмель» (*хумаллак* // *хумеллек* то же), *хѣзуан* «дыня» (*хауун* // *хууан* то же).

Слова, связанные с домашним хозяйством: каб.-черк. *бо* «конюшня» (карач.-балк. *бау* «хлев, коровник, конюшня»), *джыда* «топор» (*гида* то же), *кѣацыкъ* «уполовник» (*кѣашыкъ* «ложка, черпак»), *кѣубгэн* «металлический кувшин с узким горлышком» (*кѣумгэн* то же), *кѣыуц* «перина» (*кѣуш* «орёл», *кѣуш тѣшек* «перина»), *шыуан* «котёл» (*чоюн* «котёл, чугуны»).

Наименования, связанные с природой и полезными ископаемыми: каб.-черк. *ауз* «долина» (карач.-балк. *аууз* «рот, ущелье, долина реки»), *ахѣшэдэц* «квасцы» (*ачыуташ* то же), *джынасуу* «ртуть, ватерпас» (*гинасуу* то же), *гуэл* «озеро» (*кѣл* «озеро, лужа»), *кѣум* «песок, пустыня» (*кѣум* то же), *салкъын* («прохлада, тень»), *тенджыз* «море» (*тенгиз* то же), *толкъуын* «волна» (*толкъун* то же).

Названия качеств: каб.-черк. *делэ* «глупый, сумасшедший» (*тели* то же), *кѣайгѣышы* «скандалист» (*кѣайгѣычы* то же), *кѣарэ* «черный — в основном о масти и цвете кожи» (*кѣара* «черный»), *кѣаугѣэшы* «спорщик, драчун, забияка, буйан» (*кѣаугѣачы* то же), *кѣулейсыз* «бедный, неимущий» (*кѣолайсыз* «бедный, скудный, слабый, плохой»), *кѣыш* «капризный, трудный — о человеке» (*кѣыйын* «трудный, тяжёлый»), *кѣутыргэн* «высокомерный» (*кѣутургэн* «бешеный, высокомерный»), *кѣуэлэн* «пестрый, пятнистый» (*кѣолан* то же), *тынш* «легкий, нетрудный» (*тынч* «спокойный, лёгкий»), *угѣурсыз* «злопамятный» (*огѣурсуз* «злой»).

Небольшие группы в кабардино-черкесской лексике составляют следующие карачаево-балкарские заимствования: термины родства: каб.-черк. *атэлыкъ* «воспитатель, тог, кто остался вместо отца» (кар.-балк. *аталыкъ* то же), *баже* «свойка» (*бажа* то же); названия частей тела человека и животных: каб.-черк. *бгы* «поясница, талия» (карач.-балк. *бы-*

гъын «боковая часть ниже ребер до паха»), жал «хребет» (жал // жалкъа «грива»), тэмакъ «горло» (тамакъ «глотка, горло»); наименования пищи: каб.-черк. ерэн «кислое молоко» (каб.-балк. айран то же), жэрумэ «колбаса из овечьих кишок» (жёрме «колбаса из части живота и толстой кишки»), шэрашъ «принятие пищи перед рассветом (во время уразы), а также самое время принятия пищи» (сараш то же от сары (танг) «рассвет» + аш «еда»); названия одежды: каб.-черк. бацлгыкъ «башлык» (карач.-балк. башлыкъ то же), гъуэншеч «брюки» (кёнчек то же); слова, связанные с торговлей и денежными отношениями: каб.-черк. ахъиэ «деньги» (карач.-балк. ахча то же), сату «торговля» (сатыу «продажа»), сом «рубель» (сом то же); названия различных понятий: каб.-черк. бэю «краска» (карач.-балк. бояу то же), борш «долг, обязанность» (борч «долг, обязанность, задолженность»), гуашъ/э «труд; сила» (кюч «сила, мощь»), дауц «тишина» (таууш «звук, шум»), йэмынэ «чума, мор» (эмина «чума»), кбайгъэ «скандал» (кбайгъы «скорбь, печаль, скандал»), ктамэ «кинжал» (ктама то же), къамышы «плеть» (къамичи то же), къапхъэн «капкан, ловушка» (къапхан то же), къару «сила» (къарыу «сила, мощь, энергия, возможность»), къат «слой, этаж» (къат то же), къугъын «призывный клич» (къуугъун «тревога, тревожная весть»), къулей «богатый, зажиточный» (къолай «достаток, обеспеченность, толк, польза, возможность; хороший»), къунакъ «приятель» (къонакъ «гость»), къуом «много, множество» (къауум «группа»), къэрэгъул «охрана, часовой» (къарауул // къалауур то же), нахътэ // нахъутэ «недоуздок» (нохта то же), саугъэт «дар, подарок, награда» (саугъа то же), тутнакъ // тутмакъ «тюрьма» (тутмакъ «тюрьма; заключенный»).

Из карачаево-балкарского языка заимствованы кабардино-черкесские следующие сложные слова и словосочетания: каб.-черк. берычэт бесын «большое спасибо» (карач.-балк. берекет берсин — пожелание изобилия), пу анэсын — возглас удивления (пу анассыны — возглас удивления, сожаления о случившемся) (Мусукаев, 1984, 69), саубол «будь здоров; до свидания» (сау бол «спасибо»), къэтхъэн-солыкъу «барбарис (ягода)» (къатхан суулукъ «предназначенное для приготовления кваса; къатхан суу «квас из сушеных плодов») (Шагиров, 1962, 192). Моздокскими адыгами заимствованы карачаево-балкарские формулы приветствий: аш татлы болсун «да будет вкусной пища», аш берекетли болсун «да будет обильной пища», иш къолай болсун «да будет удачной работа» (Бгажноков, 1978, 80).

Карачаево-балкарские слова встречаются и в кабардино-черкесской антропонимии: *Балкыз* (карач.-балк. *бала* «дитя» + *кыз* «девушка»), *Елмес* (*ёлмес* «не умрет»), *Кушыку* (*кючюк* «щенок»), *Къарэ* (*къара* «черный» — с этим компонентом образованы кабардино-черкесские личные имена: *Къарэмырзэ*, *Къарэжан*, *Къарэхъу* и др.) (Ков, 1973, 68), *Кзылышбий* (*кзылыч* «сабля» + *бий* «князь»), *Лашын* (*илячин* «сокол»), *Сэбаныш* (*сабанчы* «пахарь»), *Сэрэбий* (*сары* «желтый» + *бий* «князь»).

В других соседних языках карачаево-балкарских заимствований гораздо меньше. В адыгейском языке они представлены в следующих тематических группах: слова, связанные с животным миром: адыгейск. *быгъуы* «бык-производитель» (карач.-балк. *бугъа* то же), *донгъуз* «свинья» (*тонгуз* то же), *дудакъ* «дрофа» (*дууадакъ* то же), *емилик* «дикий, необъезженный (о лошади)» (*эмилик* «необъезженная лошадь»), *къэплъан* «тигр» (*къаплан* то же), *танэ* «тёлка» (*тана* то же), *эргъузэй* «комар» (*ургъуй* то же); названия пищи: адыгейск. *джормэ* «колбаса» (карач.-балк. *жёрме* «колбаса из части живота и толстой кишки»), *къабы* «тыква» (карач. *къап* то же), *сэраш* «принятие пищи перед рассветом (во время уразы), а также самое время принятия пищи» (*сараш* то же), *къаун* «дыня» (*хауун* // *хууан* то же); названия частей тела: адыгейск. *бгы* «талия» (карач.-балк. *быгъын* «боковая часть ниже ребер до паха»), *джал* «холка» (*жал* // *жалкъа* «грива»); слова, связанные с домашним хозяйством: адыгейск. *нахъут* «недоуздок» (карач.-балк. *нохта* то же), *къапчыкъ* «мешок» (*къапчыкъ* «кожаный мешок»), *цыуан* «котел» (*чоун* «котел, чугунок»); названия качеств: адыгейск. *къарэ* «черный» (карач.-балк. *къара* то же), *къулайцыз* «бедный» (*къолайсыз* то же), *къуэлэн* «пестрый, пятнистый» (*къолан* «пестрый»), *тынч* «спокойный, тихий, удобный» (*тынч* «лёгкий, спокойный, тихий»); другие заимствования: адыгейск. *аталыкъ* «воспитатель, тот, кто остался вместо отца» (карач.-балк. *аталыкъ* то же), *ахъш* «деньги» (*ахча* то же), *йэмын* «чума, мор» (*эмина* «чума»), *гъончэдэж* «брюки» (*кёнчек* то же), *къарыу* «сила» (*къарыу* то же), *къауум* «много, множество» (*къауум* «группа»), *сом* «рубль» (*сом* то же), *сэмэркъэу* «шутка» (*самаркъау* то же), *цхъэмат* «тамада, старший в доме» (*тамата* // *тамада* то же), *тенджыз* «море» (*тенгиз* то же).

Карачаево-балкарскими можно считать заимствования в абазинском языке: абаз. *агуагушь* «индюк, индейка» (карач.-балк. *гогуш* то же), *амальсыз* «инертный, безыни-

циативный» (*амалсыз* «беспомощный»), *амальчы* «предприимчивый» (*амалчы* то же), *баджьы* «свояк» (*бажа* то же), *бгъа* «спина, поясница, позвоночник» (*быгъын* «боковая часть ниже ребер до паха»), *бергълы* «ясный, определенный» (*белгили* «ясный, определенный, знаменитый»), *бойау* «дубитель» (*боая* «краска»), *гвагвыц* «индюк, индейка» (*гогуш* // *кокуш* то же), *джьузым* «виноград» (*жюзюм* то же), *джьумаран* «суслик» (*жубуран* то же), *еициз* «близнецы» (*эгиз* то же), *къарусуз* «слабый» (*къарыусуз* то же), *къвнаджъын* «лошадь-трехлетка» (*къунажин* «корова двух-трех лет»), *къвылыкъв* «служба» (*къуллукъ* то же), *къвыт* «мука из жареной кукурузы» (*къууут* то же), *сатучы* «торговец» (*сатыучу* «продающий»), *сырт* «хребет, цепь гор» (*сырт* «хребет, склон горы, спина»); в сванском языке: сван. *амлак* «пегая лошадь» (СМОМПК, 1890, 52) (карач.-балк. *эмилик* «необъезженная, необученная лошадь»), *баг* «хлев» (*бау* «хлев, коровник, конюшня»), *вахшам* «ужин» (*ашхам* «вечер, ранний вечер»), *ингъа* // *инагъа* «малина» (*наныкъ* то же), *къал* «длина руки» (*къол* «рука»), *мант* «лопух съедобный» (*мант* то же), *пасх* «сгребать граблями» (*басха* «грабли»), *тай* «лошадь» (*тай* «жеребенок»), *чап* // *чеш* «муж» (*жап* «сын, молодой человек, юноша»); в убыхском языке: убых. *быгъуы* «бугай» (карач.-балк. *бугъа* то же), *джьэрмэ* «копченая колбаса» (*жёрме* «колбаса из части живота и толстой кишки») и др.

При фонетическом освоении карачаево-балкарских слов осетинским языком наиболее характерны звукопереходы: **ш — с:** карач.-балк. *алаша* — осет. *аласа* «мерин»; **к(къ) — г:** *ууанык* — *узныг* «молодой бык»; *аналыкъ* «мачеха» — *энэлэг* «безмужняя вдова»; **и — ы:** *эмилик* — *емлык* «необъезженная, необученная лошадь», *гида* «топор» — *джьидэ* «штык, копье»; **ю — э(ы):** *бёрю* — *бирэгъ* «волк», *тюртю* — *тырты* «барбарис».

Фонетическая адаптация карачаево-балкарских слов в кабардино-черкесском языке имеет в основном следующие особенности: гласному последнего слова **а** почти всегда соответствует звук **э:** карач.-балк. *къара* — каб.-черк. *къарэ* «черный», *нохта* — *нахътэ* «недоуздок», *къапхан* — *къапхъэн* «капкан» (Мусукаев, 1984, 103), звук **и** в последнем слоге соответствует **ы:** *тенгиз* — *тенджыз* «море», *къунажин* «корова-трехлетка» — *къунажын* «кобылица-трехлетка»; несвойственный для кабардино-черкесского гласный **ю** заменяется **у** или **ы:** *жюзюм* — *жызум* «виноград», *тютюн* — *тутын* «табак»; **ч — ш:** *тынч* — *тынш* «тихий, спокойный, лепкий», *борч* — *борш* «долг, обязанность», *ахча* — *ахъшэ*

«деньги», *бохча* — *бохъшэ* «кошелек, бумажник»; г — дж: *белгили* — *белджылы* «известный, определенный, ясный», *гинасуу* — *джынасу* «ртуть», *гида* — *джыдэ* «топор»; нг — н: *минг* — *мин* «тысяча»; т — д: *тамгъа* — *дамыгъэ* «тавро, клеймо», *тели* — *делэ* «глупый»; к — г: *кёл* — *гуэл* «озеро».

Таким образом, большинство как карачаево-балкарских заимствований в языках народов Западного Кавказа, так и слов из этих языков, проникших в карачаево-балкарский язык, подверглись фонетической адаптации, так как языки карачаево-балкарцев и соседних народов сильно различаются по звуковому составу и фонетическим нормам сочетания звуков.

Займствованиа из русского языка

«Русский язык, по общему признанию, является одним из богатейших языков мира, который оказал и оказывает огромное влияние на развитие и обогащение языков многих других народов. Общеизвестно его влияние на родственные балтийско-славянские языки, на финно-угорские языки, на языки тюркских народов нашей страны» (Взаимодействие, 1969, 64).

Займствованиа из русского языка в карачаево-балкарский стали проникать во второй половине XVIII века, после установления власти русского царя на территории Карачая и Балкарии (Бозиев, 1965, 83). Русскими займствованиами считаются и интернациональные слова, вошедшие в карачаево-балкарский язык через русский.

В одни языки русских слов проникло больше, чем в другие. Например, если в чувашский и татарский языки были займствованы сотни русизмов, то в карачаево-балкарском их гораздо меньше. Это объясняется тем, что чуваша и татары вошли в состав русского государства намного раньше (XVI в.). Кроме того, народы Поволжья жили в непосредственном соседстве с русскими, и поэтому контакты между ними носили более интенсивный характер (Взаимодействие, 1969, 67).

В дореволюционный период из русского языка в карачаево-балкарский проникали в основном слова из бытовой лексики. К ним относятся названия одежды и тканей: *атлес* (рус. атлас) в значении «сатин», *маймёз* «бумазея», *галепей* «галифе», *галош* «калоша», *ганиба* «канва» (бумажная ткань для вышивания по ней узоров), *гуржаба* «кружево», *гыранча* «головной платок с длинной бахро-

мой» (от рус. *заграничный*), *дигинал* «диагональ» (ткань), *кабрикот* «коверкот» (шерстяная материя), *кисей* «кисея», *кишмир* «кашемир», *кюпес* «шелковый платок» (от рус. *купец*), карач. *палтон* «пальто», *шивийот* «шевиот» и т. д.; названия пищи: карач. *агурча* «огурец», *кампет* «конфета», *картоф* (карач. *гардош*) «картофель», *хобуста* «капуста», *к'залач* «калач», карач. *прандик* «пряник» и др.; наименования домашней утвари: *к'зошун* «кувшин», *б'ёчке* «бочка», *самауар* «самовар», *патнос* «поднос», *машок* «мешок», *шайник* «чайник», *чумадан* «чемодан» и т. д.; другие названия: *бараза* «борозда», *сирнек* «серники», *салам* «солома», *сажна* «сажень», *гири* «гиря», *минут* «минута», *капек* «копейка», *секунд* «секунда», *матушко* «русская женщина» (от русск. *матушка*), *арагожа* «рогожа», *пут* «пуд», *файтон* «фаэтон», *папырос* «папироса», *газет* «газета», карач. *жармалык'з* «ярмарка», *калиндор* «коридор», *муштук* «мундштук», *фатар* «квартира», *жална* «жалованье», *чес бер* «отдать честь» (взять под козырек), *дохтур* «доктор» (врач), *аптюек* «аптека», *аршын* «аршин» и др.

Некоторые заимствования дореволюционного периода были связаны с административно-политическими мероприятиями, проводимыми царской Россией на Северном Кавказе. Таковы, например: *писир* «писарь», *пристоп* «пристав», *пириказ* «приказ», *сюд* «суд», *кантор* «контора», *тюме* «тюрьма», *правлен* «правление», *чот* «счет», *салдат* «солдат», *апычар* «офицер», *ийнарал* «генерал», *патрон*, *майдал* «медаль», *орус* «русский», *достоверна* «удостоверение» и т. д.

Таким образом, дореволюционные русские заимствования — это наименования конкретных предметов и значительно реже — отвлеченных понятий. Отсутствие письменности, общей грамотности у карачаевцев и балкарцев, с одной стороны, узость сферы их общения с русским народом и недоступность русского языка — с другой, обуславливали тот факт, что русские заимствования до революции входили в национальные языки в сильно трансформированном виде, как правило, русские слова в сильной степени подвергались влиянию фонетических законов карачаево-балкарского языка (Гочияева, 1982, 9).

Обогащение лексики карачаево-балкарского языка в настоящее время под влиянием русского языка происходит двумя путями: 1) прямым заимствованием слов из русского языка; 2) созданием новых слов и словосочетаний по моделям русского языка средствами карачаево-балкарского языка, т. е. путем калькирования.

Подавляющее большинство заимствований составляют имена существительные. Их можно разделить на следующие тематические группы.

Названия домашних вещей: *стакан, кружка, банка, рюмка, графин, хрусталь, люстра, грелка, духовка, шифоньер, тумбочка, диван, шкаф, гарнитур, стол, термос, вентилятор, ванна, мясорубка, магнитофон* и т. д. Наименования одежды: *ботинка «ботинок», босоножка, пилотка, свитер, китель, пижама, галстук, шарф, жемпер, куртка, плащ, майка, костюм, кофта* и др.

Названия тканей: *бобрик, капрон, нейлон, бостон, габардин, лавсан, штапель, крепдешин* и т. д.

Наименования пищи: *борщ, салат, котлет «котлета», гуляш, биточка, пельмень, томат, кефир, кисель, бутерброд, винегрет, шоколад, компот, лимонад, кофе* и др.

Названия предметов косметики: *крем, одеколон, дух «духи», вазелин, пудра, помада* и т. д.

Наименования единиц измерения: *гектар, грамм, квартал, килограмм, киловатт, километр, литр, метр, миллиард, миллиметр, миллиграмм* и др.

Слова, связанные с благоустройством и строительством: *арматура, архитектор, асфальт, балкон, бетон, веранда, цемент, замазка, линолеум, парк, бульвар, канализация* и т. д.

Названия школьных принадлежностей: *доска, ручка, портфель, линейка, циркуль, авторучка* и др.

Слова, связанные с армией и военным делом: *маршал, адмирал, матрос, солдат, сержант, лейтенант, майор, полковник, капитан, сепёр, радист, десант, штурман, адъютант, командир, комендант, атака, контратака, батальон, дивизия, рота, полк, авиация, артиллерия, гранат «граната», батарея, миномет, бомба, самолет* и т. д.

Названия средств транспорта: *автобус, троллейбус, автомобиль, вагон, поезд, мотоцикл, мотороллер, велосипед, паровоз* и др.

Наименования средств связи: *почта, телефон, телеграф, посылка, бандероль, письмо, открытка, конверт* и т. д.

Названия отраслей науки: *агрономия, агротехника, анатомия, археология, астрономия, ботаника, биология, ветеринария, геология, физика, лингвистика, химия, математика, алгебра, арифметика, геометрия* и др.

Наименования профессий: *агроном, астроном, полярник, горняк, лётчик, шофёр, лектор, инженер, кардиолог, филолог, лингвист, парикмахер, портной* и т. д.

Технические термины: *антенна, атом, механика, комбайн, трактор, бульдозер, сеялка, насос, экскаватор, подшипник, самосвал, радиатор* и др.

Названия медикаментов и болезней: *аспирин, валерьянка, валидол, марганцовка, нашатырь, ангина, аппендицит, бронхит, гастрит, грипп, диабет, инфаркт* и т. д.

Из русского языка заимствовано много слов, связанных с сельским хозяйством: *бригада, звено, парник, теплица, культивация, яровизация, силос, ферма* и др. Значительное количество русских слов проникло в карачаево-балкарский язык и в связи с развитием национального театра, музыки, литературы, живописи: *проза, поэзия, повесть, драма, комедия, очерк, рецензия, концерт, балет, симфония, оркестр, карикатура* и т. д.

Одну из самых больших тематических групп в карачаево-балкарской лексике составляют заимствованные названия явлений и понятий из сферы общественно-политической жизни: *революция, республика, конституция, патриотизм, демократия, пропаганда, конференция, совет, комсомол, профсоюз, съезд, пленум, сессия, забастовка, делегат, агитация, плакат, диктатура* и др.

Многие существительные, заимствованные из русского языка, являются словами западноевропейских языков и считаются интернационализмами. К ним относятся слова из французского языка: *бюро, ботинка «ботинок», гардероб, медальон, пальто, винегрет, коньяк, котлет «котлета», крем, мармелад, салат, актёр, балет, балкон, пьеса, режиссёр, суфлёр, артиллерия, атака, батальон, гарнизон, агрессия, ассамблея, буржуй «буржуа», департамент* и др.; из немецкого: *князь, ефрейтор, командир, лагерь, лафет, патронташ, штаб, агент, бухгалтер, контор «контора», процент, галстук, графин, картоф «картофель», вольфрам* и др.; из английского: *баржа, бойкот, клуб, митинг, парламент, вокзал, лифт, рельс, троллейбус, баскетбол, спорт, футбол, хоккей, пиджак, свитер, бифштекс* и др.; из голландского: *верфь, вымпел, матрос, рейд, руль, флот, штурман* и др.; из итальянского: *ария, новелла, пианино, сценарий, вермишель, макарон «макароны»* и др.; из испанского языка: *гитара, серенада, сигара, томат* и др. (Фомина, 1983, 142).

Из русского языка позаимствованы и сложносокращенные существительные различных типов: инициальные — *СССР, КПСС, ЗАГС, НЭП, вуз, ООН* и др.; слоговые — *обком, колхоз, райком, комсомол, партком, парторг, агропром, совхоз, соцстрах* и т. д.; смешанные: *профсоюз, парторганизация, политэкономия, физкультура* и др.

Среди современных личных имен карачаевцев и балкарцев немало антропонимов, заимствованных у русских или через них. При этом особенно женское имя воспринимается в его неофициальной, «непаспортной» форме: *Лида, Лена, Рая* и т. д. Русскими заимствованиями в карачаево-балкарском языке являются имена мужские: *Марат, Юрий, Олег, Алик, Георгий, Дауут* (от «Давид»), *Захар, Максим, Сергей* и др; женские: *Роза, Светлана, Клара, Тамара, Нина, Жанна, Зоя, Катя, Люба, Люаза* (от «Луиза»), *Маруша* (от «Маруся») и др. В просторечии можно заметить тенденцию к образованию русских неофициальных дублетов к именам нерусского происхождения по звучанию отдельных элементов (Кокков, 1973, 71). Так, формой *Зина* заменяют *Зайнаф*; также: *Мухаммат — Миша, Къонакъбий — Коля, Юсюп — Юра, Бахауутдин — Боря, Жагъафар — Жора* и т. д.

Гораздо реже, чем существительные, карачаево-балкарский язык заимствует из русского имена прилагательные и глаголы.

Освоение русских заимствований

Слова при заимствовании подвергаются семантическому, фонетическому и морфологическому освоению.

При семантическом освоении слово претерпевает смысловые изменения, иногда отходит от своего прототипа, приобретая различные новые смысловые оттенки и значения.

Если то или иное слово в языке-источнике имеет однозначное употребление, то при заимствовании оно в основном сохраняет эту же семантику, т. е. его одно прямое значение в таком же виде попадает в лексическую систему заимствующего языка (Абдуллаев, 1982, 34). Так, например, *хобуста* «капуста» в карачаево-балкарском языке, как и в русском, имеет значение «огородный овощ, растущий обычно кочаном». Слово *духовка* // карач. *духауай* в принимающем языке, как и в языке-источнике, обозначает «сильно нагревающуюся железную коробку в кухонной плите, служащую для приготовления в ней пищи». Не изменили значения и такие заимствованные однозначные слова, как *майдал* (медаль) «знак в виде круглой металлической пластинки с различными изображениями, выдаваемый в награду или в память о каком-нибудь событии»; *галош* (галоша) «низкая резиновая обувь, надеваемая поверх сапог, ботинок для предохранения их от сырости»; *чумадан*

(чемодан) «твердая коробка с прикрепленной запирающейся крышкой, употребляемой в дороге для вещей» и др.

Но когда заимствуется многозначное слово, то, как правило, в карачаево-балкарском языке оно сужает объем своей семантики, т. е. заимствуется в тех значениях, для выражения которых в карачаево-балкарской лексике не имеется слов-эквивалентов. Например, многозначное слово *подполье*, имеющее в русском языке значения: 1) помещение под полом, подвал; 2) организация, общественные группы, действующие втайне от властей, а также самая деятельность в таких организациях, группах (Ожегов, 1984, 464), заимствовано карачаево-балкарским языком только во втором значении. Слово *пропуск* имеет в русском языке пять значений. Но заимствовано оно лишь в значении «документ на право входа, въезда куда-нибудь». Русское существительное карточка, имеющее три значения, позаимствовано карачаево-балкарским в двух значениях: 1) небольшой прямоугольный кусок бумаги, картона; 2) листок с напечатанным на нем текстом в свидетельстве чего-нибудь, с талонами на получение чего-нибудь и т. п.; а третье значение — «фотографический портрет» — передается словом *сурат*. Русское *совет* позаимствовано только в значении «орган государственной власти», русское *практика* — только в значении «деятельность людей, в которой они, воздействуя на материальный мир в процессе производства, преобразуют его» и т. д.

Некоторые многозначные слова заимствованы во всех значениях. Например, слово *квартал* в карачаево-балкарском языке, как и в русском, имеет два значения: 1) часть города, ограниченная пересекающимися улицами; 2) четвертая часть отчетного года.

При заимствовании слов иногда, особенно в разговорном языке, происходит смещение их значений. В языке говорящих одни слова выступают вместо других, ассоциируясь в их сознании с другими словами (Терегулова, 1957, 41). Например, слово *посуда* (с ударением на последнем слове) употребляется в карачаево-балкарском языке в значении «фляга»; также слово пассажир было заимствовано в значении «автобус»; рус. *жаркое* «жареное мясо» заимствовано *жаркой* со значением «жареный картофель»; рус. *печь*, кроме основного значения «каменное или металлическое сооружение для отопления помещения, приготовления горячей пищи», в карачаево-балкарском языке имеет и новое значение — «комната, отапливаемая печью». Ср.: в узбекских говорах *пеш* (от рус. *печь*) «гостиная»,

«столовая» (Благова, 1974, 35). В разговорной речи *правлен* употребляется вместо *председатель правления, сельсовет* — вместо *председатель сельсовета, чын* (рус. *чин*) «служебный разряд у военных и гражданских служащих» карачаево-балкарским языком используется в значении «погон» (наплечный знак различия в военной и другой форменной одежде). Название мягкой шелковой ткани *атлас* (рус. *атлас*) заимствовано как наименование другой ткани — сатина. Для обозначения же самого атласа прибавляется дополнительный компонент: *жибек атлас* (досл. «шёлковый сатин»). Слово *мешинка* (от рус. *машина, машинка*) в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка обозначает «застежка-молния». Также: *сют мешина* «сепаратор», *аякъ мешина* «велосипед». Характерно, что слово *машина* имеет разные значения и в других языках (Благова, 1974, 34).

Русские заимствования в карачаево-балкарском не только служат для обозначения новых предметов и понятий, но и способствуют образованию синонимов. Таким образом созданы синонимические ряды: *договор* — *келишим*, *печать* — *мухур*, *идея* — *ниет* (карач. *иннет*), *доход* — *файда*, *метод* — *амал*, *компас* — *къыбылама*, *дискуссия* — *сюзю*, *веранда* — карач. *халиуан*, *вена* — *къан тамыр* и т. д.

Дореволюционные русские заимствования в карачаево-балкарском языке подверглись значительным фонетическим изменениям как в области гласных, так и в области согласных.

При заимствовании устным путем слова со стечением согласных подвергались протезированию, т. е. к началу слова прибавлялся гласный. Например: *стакан* — *ыстакан*, *справка* — *ысправка*, *стол* — *устол*.

Протетические гласные появляются и перед словами, начинающимися на плавный согласный *р*: *русский* — *орус*, *Россия* — *Арисей*. Происходит замена в начале слова звука *л* на *н*: *ластик* «бумажная ткань, употребляемая обычно на подкладку» — *настик*. Изменения в том и другом случае происходят потому, что в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, сонорные *р* и *л* обычно не начинают слово (Грамматика, 1976, 75).

Между смежными согласными в русских заимствованиях при произношении происходит вставка гласного (эпентеза): *план* — *пылан*, *трамвай* — *тырамвай*, *клуб* — *кулуп*, *трактор* — *тырактор*, а к русским словам, завершаемым стечением согласных, несвойственных карачаево-балкарскому языку, прибавляется гласный: *лозунг* — *ло-*

зунга, отпуск — отпуска, пропуск — пропуска, митинг — митинга и т. д.

В тюркских языках ударение падает обычно на последний слог. Вероятно, по этой причине некоторые дореволюционные русские заимствования, проникшие в карачаево-балкарский язык устным путем, освоены с усечением конечного безударного гласного: *копейка — капек, газета — газет, солома — салам, конфета — конфет, минута — минут, папироса — папирос, жаркое* «жареное кушанье» — *жаркой, бумазая — маймёз* и др. Но в ряде слов ударение перешло на конечные гласные: *посуда — посуда, бочка — бёчкё, капуста — хобуста, Люба — Люба, машина — мешина (машина)* и т. д. Вместе с тем, узнав ошибочность постановки ударения в словах с ударением не на последнем слове, карачаевцы и балкарцы неправильно ставили ударение и в словах с ударением на последнем слоге, например: *магазин, конверт, протокол, бйнзин* вместо *магазин, конверт, протокол, бензин* (Гузев, 1975, 181).

В последнее время бурно развивается карачаево-балкаро-русское двуязычие, в условиях которого картина усвоения заимствованных существительных резко меняется. В языке устанавливаются нормы, требующие сохранения фонетического состава русских слов (Джабоев, 1979, 110). Даже некоторые фонетически и морфологически усвоенные старые заимствования в настоящее время стали употребляться в орфоэпической и орфографической норме русского литературного языка: *офицер* вместо *апычар, генерал* вместо *ийнарал, фабрика* вместо *фабрик* и т. д.

Переход на русскую графику помог карачаево-балкарскому языку освоить отсутствовавшие в нем до этого согласные звуки: *в (власть, революция, вентилятор, вагон, вазелин), ф (асфальт, физика, арифметика, шофер), ц (мотоцикл, конференция, рецензия, цемент) и щ (плащ, щётка, борщ)*.

Многие заимствования из русского языка подверглись определенным морфологическим изменениям, обусловленным структурно-типологическими различиями русского и карачаево-балкарского языков.

Существительные заимствуются из русского языка в виде непроемных основ: *стол, стакан* и др., но подавляющее большинство их — производные слова, которые при заимствовании сохраняют имеющиеся в них приставку и суффикс: *взнос, договор, забастовки, насос, открытка, заочник, объездчик, подвал* и т. д. Почти не заимствуется только приставка *без-*, и это объясняется тем, что в карачаево-балкарском, как и в других тюркских языках, имеется

эквивалентный этой приставке аффикс *-сыз*, при помощи которого образуется от русского корня соответствующее слово: *беспринципность* — *принципсизлик*, *беззаконие* — *законсузлукъ* и др. (Бажина, 1956, 37).

Вместе с тем на базе аффиксальной системы карачаево-балкарского языка образовано большое количество слов из русских заимствований.

При заимствовании из русского языка слов, обозначающих состояние, русские суффиксы *-ство*, *-ость* заменяются карачаево-балкарским аффиксом *-лыкъ*: *авторство* — *авторлукъ*, *законность* — *законлулукъ*, *культурность* — *культуралылыкъ*, *шефство* — *шефлик* и др. (Соттаев, 1970, 145).

С помощью продуктивного карачаево-балкарского аффикса *-чы* из основ русских заимствований образуются существительные, обозначающие лиц по их отношению к какому-нибудь предмету, определяющему их профессию, состояние, деятельность: *нефтяник* — *нефтчи*, *пулеметчик* — *пулемётчу*, *спортсмен* — *спортчу*, *забастовщик* — *забастовкачы*, *велосипедист* — *велосипедчи* и др.

Некоторые существительные, функционирующие в русском языке только в единственном числе, попадая в карачаево-балкарский язык, приобретают формы обоих чисел. Таковы, например, *картоф* (рус. *картофель*) — *картофла* (много картофеля), *хобуста* (рус. *капуста*) — *хобустала* (много капусты) и др.

Слова, употребляющиеся в русском языке только во множественном числе, в карачаево-балкарском усвоены в значении единственного числа, значение же множественного числа опускается. Например: *макароны* — *макарон*, *каникулы* — *каникул*, *духи* — *дух*. Чтобы образовать множественное число, к ним добавляется аффикс *-ла*: *макаронла*, *каникулла*, *духла*.

В заимствованиях типа *туфли*, *коньки* аффикс *-и* не воспринимается в карачаево-балкарском языке как показатель множественного числа, поэтому они могут принимать исконный аффикс множественности: *туфлиле*, *конькиле*.

Существительные женского и среднего рода типа *мастерская*, *накладная*, *кладовая*, *шампанское* осваиваются карачаево-балкарским языком с окончаниями мужского рода: *мастерской*, *накладной*, *кладовой*, *шампанский*, что объясняется отсутствием категории рода в тюркских языках и, как следствие этого, безразличием носителей этих языков к родовой дифференциации заимствованных слов.

Из русских прилагательных в карачаево-балкарский язык заимствуются только относительные. В первое время при освоении таких прилагательных продолжали сохраняться русские аффиксы **-н, -ск**: *партийна жыйылыу* «партийное собрание» (газ. «Къархалк», 1925, 1 февр.), *коммунистический партия* «коммунистическая партия» (газ. «Социалистический Къабарты-Малкъар», 1938, 2 июня).

Со временем карачаево-балкарский литературный язык отбросил то, что составляет грамматическую форму этих прилагательных, так как существенны здесь не окончания **-ый, -ий**, а те относительно качественные значения, которые заключены в основах этих слов (Цой, 1957, 99).

В настоящее время заимствуемые из русского языка относительные прилагательные передаются на карачаево-балкарский язык следующими способами:

1) с помощью изафета первого типа: *паспорт стол* «паспортный стол», *культура революция* «культурная революция» и т. д.;

2) с помощью аффикса **-лы**: *колониялы империя* «колонизальная империя», *рыноклу экономика* «рыночная экономика», *республикалы кенгеш* «республиканское совещание», *индустриялы къырал* «индустриальная страна» и др.;

3) с помощью аффикса **-чы**: *марксы философия* «марксистская философия», *АБШ-ны республикачы партиясы* «республиканская партия США» и др.;

4) с помощью аффиксов **-да, -дагъы**: *политикада эки бетлилик* «политическое двурушничество», *оборотдагъы фонд* «оборотный фонд» и др.;

5) некоторые прилагательные заимствуются в форме основы, состоящей из корня и непосредственно следующих за ним аффиксов **-ал, -ар, -ион, -ив**, с отбрасыванием последующих суффиксов и окончаний: *официал билдириу* (карач.) «официальное сообщение», *федерал канцлер* (карач.) «федеральный канцлер», *гуманитар илмула* «гуманитарные науки», *мажоритар система* «мажоритарная система», *административ къуллукъ* «административная должность», *революцион хорламла* (карач.) «революционные завоевания», *информацион билдириу* (карач.) «информационное сообщение»;

6) отдельные прилагательные осваиваются с сохранением русских форм в мужском роде: *генеральный ассамблея* «генеральная ассамблея», *полевой почта* «полевая почта», *юридический факультет*, *коммунальный мюлк* «коммунальное хозяйство», *социальный программа* «социальная

программа», *заказной письмо* «заказное письмо», *страховой общество* «страховое общество», *актовый зал* и др.;

7) некоторые прилагательные передаются с помощью аффикса *-лыкь*: *докторлукъ диссертация* «докторская диссертация», *директорлукъ кьуллукъ* «директорская должность», *кварталлыкъ план* «квартальный план» и т. д.

Из всего этого видно, что трудности при освоении заимствованных прилагательных обусловлены значительным различием грамматических особенностей прилагательных в русском и карачаево-балкарском языках.

Глаголов, заимствованных из русского языка в чистом виде, в тюркских языках нет. Исследуя эту проблему, В. Исенгалиева пишет: «Аффиксальная обработка заимствованных существительных значительно проще, чем образование глаголов на базе заимствованных основ» (Исенгалиева, 1966, 12). Под «основами» автор здесь подразумевает иноязычные имена существительные, инфинитивы или основы глаголов. В этимологическом отношении — это, преимущественно, интернациональные основы.

На базе заимствованных основ в карачаево-балкарском языке образуются глаголы синтетического типа: *ратификацияла*- «ратифицировать», *электрификацияла*- «электрифицировать», *ассимиляциялан*- «ассимилироваться», *механизацияла*- «механизировать» и др.

Из заимствованных основ создаются глаголы и аналитическим путем. Они представляют собой сочетание заимствованного имени существительного с карачаево-балкарскими вспомогательными глаголами: *бойкот эт* «бойкотировать», *силос эт* «силосовать», *ревизия эт* «ревизировать», *контроль эт* «контролировать», *конспект эт* (карач. *конспект сал*) «конспектировать», *консультация бер* «консультировать», *дезертир бол* «дезертировать», *панкурт (банкрот) бол* «обанкротиться» и т. д. Довольно часто встречается, особенно в устной речи, составная глагольная форма, состоящая из русского инфинитива и карачаево-балкарских вспомогательных глаголов: *диктовать эт* «диктовать», *страховать эт* «страховать», *мобилизовать эт* «мобилизовать» и др.

Калькирование

Калькирование — это «образование в данном языке новых слов и выражений из наличных уже в нем словообразовательных или лексических элементов, но под непосредственным воздействием другого языка, по образцу его слов и выражений» (Сорокин, 1965, 165). Кальки — это

иного рода «заимствованные» слова и выражения, когда иноязычный образец переводится по частям средствами своего языка (Реформатский, 1960, 112).

Если при заимствовании слова язык перенимает его звуковую субстанцию, то при калькировании этого не происходит: иноязычное слово или словосочетание переводится с сохранением структуры модели. Поэтому свежие кальки часто воспринимаются как нечто чужеродное, а некоторые из них не принимаются. Так было в 1957 году с карачаево-балкарской калькой русского слова *спутник* в словосочетании *искусственный спутник Земли*. Калька *жолоучу нёгер* была вскоре заменена заимствованным словом *спутник*.

Лексические кальки бывают двух типов: словообразовательные (или собственно лексические) и семантические.

В карачаево-балкарском языке словообразовательные кальки создаются путем присоединения к исходной основе одного или двух аффиксов. Например, чтобы образовать слово, эквивалентное русскому слову *скотоводство*, берется карачаево-балкарский корень *мал* «скот» и прибавляется аффикс действующего лица *-чы*: *малчы* «скотовод» и плюс аффикс отвлеченности *-лыкъ*. Таким образом, получается: *мал + чы + лыкъ* «скотоводство». В результате такого же буквального перевода слов в карачаево-балкарском языке появились: *бирлик* «единство», *жашиллендириу* «озеленение», *биригиу* «объединение», *жалынчакъсызлыкъ* «независимость», *жерчилик* «земледелие». Калькирование в данном случае представляет собой заимствование не самой материи русского слова, а его структуры, т. е. словообразовательного строения (Ахунзянов, 1965, 42).

Таковыми словообразовательными кальками в карачаево-балкарском языке являются: *кзурулуш* «строительство», *юзюк* «отрывок», *сабанчы* «полевод», *миллетчи* «националист», *окъуучу* «читатель», *терклик* «скорость», *оноучу* «руководитель», *жыйымдыкъ* «сборник» и т. п.

Словообразовательным методом калькируются и сложные слова. Например: *бешжыллыкъ* «пятилетка», *кёпжыллыкъ* «многолетний», *битеудуния* «мирный», *битеусоюз* «всесоюзный» и др. Иногда русское сложное слово при калькировании на карачаево-балкарский язык дает два самостоятельных слова: *халкъла аралы* «международный», *кеси багъасы* «себестоимость», *юй къанатлычылыкъ* «птицеводство» и т. п.

Семантические кальки — это такие слова, в которых иноязычным является лишь какое-либо лексическое значение: само слово в своем звучании и словообразователь-

ной структуре является исконным, но одно из присущих ему значений обязано иноязычному влиянию. Следовательно, в данном случае калькируется уже семантика чужого слова (Галкина-Федорук, 1958, 54).

При семантическом калькировании переосмысление слова в одном языке является образцом такого же переосмысления равнозначного слова другого языка (Ишбердин, 1986, 111). Примером семантической кальки может служить карач.-балк. *кюч*, в прошлом обозначавшее «физическая сила». Теперь под влиянием русского языка оно приобрело новые значения: 1) «общественная группа» — *патриот кючле* «патриотические силы»; 2) «войска» — *саутланган кючле* «вооруженные силы». Карач.-балк. *къозгъалыу*, имевшее значения «возбуждение», «раздражение», в результате семантического калькирования приобрело новое, общественно-политическое значение «восстание». Слово *шаудан* стало обозначать, помимо «родник», еще и «то, что дает начало чему-нибудь». Семантическими кальками являются грамматические термины: *зынгырдауукъла* «звонкие», *тунакыла* «глухие», *айтым* «предложение», *алмаш* «местоимение», *айгъакълаучу* «определение», *тамыр* «корень», *башчы* «подлежащее», *хапарчы* «сказуемое» и др. Таким же способом созданы новые значения слов: *ингир* «общественное собрание в вечернее время» (от *ингир* «часть суток перед наступлением ночи»), *эскертиу* «замечание» (от *эскертиу* «напоминание»), *юлгю* «пример» (от *юлгю* «выкройка»), *айырыула* «выборы» (от *айыр* «отбирать»).

Особым типом русских калек являются словосочетания. Чаще всего это составные термины. Например: *зыбыр мал ашла* «грубые корма», *тийишли юлюш* «достойный вклад», *суратлау чыгъарма* «художественное произведение», *темир жол* «железная дорога», *жумушакъ белги* «мягкий знак», *солуу кюн* «выходной день» и др.

Иногда в состав словосочетания входит русское слово, которое не поддается переводу на карачаево-балкарский язык, в результате получается полукалька. Таковы, например: *жолдашлык суд* «товарищеский суд», *къабыргъа газет* «стенная газета», *сабий сад* «детский сад», *культура юй* «дом культуры», *ич политика* «внутренняя политика», *доммакъ майдал* «бронзовая медаль», *табийгъат газ* «природный газ», *болжаллы правительство* «временное правительство».

Особый интерес представляет калькирование русских сокращений и аббревиатур. Если в карачаево-балкарском языке русские сложные наименования усвоены в виде ка-

лек и полужалек, то их сокращения и аббревиатуры остаются в виде заимствований. Например: *бийик окъуу юй* «высшее учебное заведение» и сокращение *вуз*; полужалка *Бирикген Миллетлени Организациясы* «Организация Объединенных Наций» и сокращение *ООН* и т. п. Но в некоторых случаях, особенно в названиях стран и учреждений, употребляются сокращения и с полужалек: *Американы Бирлешген Штатлары* «Соединенные Штаты Америки» — *АБШ*; *Къабарты-Малкъар къырал университет* «Кабардино-Балкарский государственный университет» — *КЪМКЪУ* и др.

Из всего этого видно, что калькирование является мощным источником пополнения лексики (Ахунзянов, 1978, 146). Содействуя активизации словообразовательных средств карачаево-балкарского языка путем образования новых слов при помощи имеющихся в нем корней и словообразовательных аффиксов, а также помогая приобретению старыми словами новых, переносных значений, калькирование способствует дальнейшему развитию лексико-семантической системы языка.

Однако сравнение с другими языками показывает, что в карачаево-балкарском языке недостаточно полно используется этот источник. Многие наименования легче могли бы закрепиться в языке в результате калькирования, без не всегда удачного многословного смыслового перевода. Неудобны, например, балкарские термины: *къараллыкъ ишле* «повестка дня» (ср.: кирг. *кюн тартиби*, татар. *кён тэртиби*), *бир жанына да къатышмагъан къыралла* «неприсоединившиеся страны» (ср.: казах. *косылмаушы елдер*), *ишни жангыча къурау* «перестройка» (ср.: карач. *жангыртыу*, кирг. *кайра куруу*, татар. *юзгертеп кору*).

Овладение знанием закономерностей калькирования — неперемненное условие и залог успеха всех лиц, причастных к созданию терминологических систем — ученых, издательских работников, переводчиков и др. Только такое овладение превращает калькирование из стихийного течения в управляемый процесс (Шаахмедов, 1974, 26).

Таким образом, заимствования из русского языка и через него из других языков являются одним из основных источников развития и обогащения национальных языков, в том числе и карачаево-балкарского. Поэтому не случайно, что в тюркских языках 70—80 процентов новых научно-технических, общественно-политических, учебно-педагогических и других терминов составляют русские заимствования и интернационализмы. Это вполне естественное и закономерное явление. Многие научные понятия, возникая на

общей советской почве, находят обозначения в русском языке, а затем в процессе экономического, политического и культурного сотрудничества становятся достоянием и других языков. Обозначения же новых понятий, возникающих за рубежом, вначале проникают в язык межнационального общения, а оттуда в другие языки (Юсупов, 1980, 73). Все это необходимое, прогрессивное явление, способствующее развитию и карачаево-балкарского языка.

ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

С точки зрения сферы употребления карачаево-балкарскую лексику можно классифицировать следующим образом:

1. Лексика общенародная.
2. Лексика диалектная.
3. Лексика профессионально-терминологическая.

Общенародная лексика

В общенародную лексику входят те слова, понимание и употребление которых не связано с местом жительства, профессией, образом жизни и т. п. (Калинин, 1978, 119).

К общенародной лексике относятся слова, принадлежащие к разным частям речи. Сюда входят существительные: *хауа* «воздух», *суу* «вода», *ётмек* «хлеб», *мал* «скот», *терек* «дерево», *трактор*, *къууанч* «радость» и др.: прилагательные: *жангы* «новый», *улла* «большой», *акъ* «белый», *къызыл* «красный», *ингирги* «вечерний» и т. п.; глаголы: *ишле* «работать», *ич* «пить», *айт* «говорить», *къайгъыр* «заботиться», *сагъын* «вспоминать», *секир* «прыгать» и т. д.; числительные: *бир* «один», *эки* «два», *беи* «пять», *элли* «пятьдесят», *минг* «тысяча» и др.: местоимения: *мен* «я», *сен* «ты», *ол* «он», *меники* «мой», *сизники* «ваш», *бу* «этот», *къайсы* «который», и др.; наречия: *тамбла* «завтра», *мында* «здесь», *анда* «там», *ары* «туда», *бери* «сюда», *бирге* «вместе», *алгъын* «раньше» и т. п.; частицы: *окъуна* «даже», *бютюнда* «особенно», *ма* «вот», *угъай* «нет», *хау* «да» и др.; союзы: *бла* «и», *уа* «а», *дагъыда* «еще», *не* «или» и т. п.; междометия: *ах*, *ох*, *ой*, *оу*, *фу* и др.

К общенародной лексике относятся и такие грубые слова, как *гая* «пасть, рот», *быдыр* «пузо, брюхо», *тыкъла*-

«жрать» и т. п., хотя не все карачаевцы и балкарцы их употребляют: культурные люди обычно стараются избегать подобных слов в своей речи.

Употребление общенародной лексики не зависит ни от места жительства, ни от профессиональной принадлежности человека. Эти слова являются тем фондом, на базе которого в первую очередь происходит дальнейшее совершенствование и обогащение лексики. Подавляющее большинство входящих в нее слов устойчиво в своем употреблении и употребительно во всех стилях речи (Шанский, 1964, 114).

Диалектная лексика

Кроме общенародной лексики, которая в одинаковой степени понятна всем карачаевцам и балкарцам, в их языке, как и в любом другом, содержатся такие слова, бытование которых ограничено территориально. Это диалектная лексика, находящаяся за пределами литературного языка. В речи диалектные слова наиболее часто встречаются в языке людей старшего поколения. В письменном же языке употребление диалектизмов заметно ограничено и допускается в специальных целях (Бардаев, 1985, 98).

«Диалектизм — это слово, или оборот речи, или звуковая особенность, или грамматическая черта, характерная для говора и воспринимается нами как нелитературная. Понятие «диалектизм» возникает тогда, когда мы, слушая чью-то в целом литературную речь или читая художественное произведение, замечаем инородные слова, обороты и другие особенности языка, которые нарушают литературную норму и которые мы объясняем влиянием диалекта. Эти-то диалектные вкрапления в литературную речь мы и называем «диалектизмами» (Калинин, 1978, 120).

В произведениях карачаево-балкарских писателей диалектизмы больше всего встречаются в речи персонажей. Например, повесть И. Гадиева «*Санга айтама*» («Тебе говорю») в диалогах имеет такие предложения: — *He кёф кьалдынг, кьызым?* — «Что так долго задержалась, дочь моя?»; — *Угъай, угъай, хо бирда, мени ахца керекли зерим зохту* «Нет, нет, что ты, я в деньгах не нуждаюсь»; — *Ашацы, аша. Солугъан да эт. Аз игиле зохтула дунияда. Тыңц кецели бол, кьызым* «Кушай, кушай. И отдохни. Хороших на свете немало. Спокойной ночи, дочь моя». Здесь диалектизмами являются слова: *кёф* (вместо лит. *кён*),

ахца (лит. ахча), зер (лит. жер), зохту (лит. жокъду), ашацы (лит. ашачы), зохтула (лит. жокъдула), тынц (лит. тынч), кеце (лит. кече).

До сих пор остается спорным вопрос о членении карачаево-балкарского языка на диалекты. В. Прёле (1909; 1914—1915; 1915—1916) считал язык карачаевцев и язык балкарцев разными языками. В. И. Филоненко (1957, 550) членил язык только балкарцев на три диалекта: цокающий, смешанный и чокающий. А. М. Аппаев (1960, 16) устанавливает в балкарском языке (без карачаевского) четыре диалекта: черекский, хуламо-безенгийский, чегемский и баксанский. У. Б. Алиевым (1963, 67—68) и А. Ж. Будаевым (1991, 72) карачаево-балкарский язык разделен на три диалекта: карачаевский (речь всех карачаевцев), промежуточный баксано-чегемско-хуламо-безенгийский и малкарский. Наиболее правильной представляется классификация, предложенная Ш. Х. Акбаевым (1963, 21), который на основе богатого материала, собранного во всех районах Карачая и Балкарии, делит карачаево-балкарский язык на: 1) основной (карачаево-баксано-чегемский), или ч-диалект с баксано-чегемским говором; 2) малкарский, или ц-диалект и 3) хуламо-безенгийский переходный говор.

Основной, или ч-диалект имеет следующие фонетические особенности: а) во всех позициях литературное ф переходит в п: *фатеген* — *патеген* «керосин», *фатар* — *патар* «квартира», *ыфчык* — *ыпчык* «персвал», *сыфат* — *сыпат* «облик, внешний вид», *элиф* — *элип* «буква», *зыраф* — *зырап* «бесполезный; испорченный» и т. п.; б) наблюдается переход литературного т в д в начале слова: *тукъум* — *дукъум* «фамилия, род; порода, вид; сорт, тип», *топпан* — *доппан* «купол; шапочка» и т. д.; в) имеет место переход литературного к в г в начале слова: *керох* — *герох* «пистолет; револьвер»; *косук* — *госук* «вид съедобной травы» и т. п.; г) наличие палатализованных согласных г', к', л', р', ж', ч' независимо от гармонии гласных вместо непалатализованных г, к, л, р, ж, ч литературного языка и другого диалекта: *гахиник* — *гяхиник* «мурава», *камар* — *кямар* «женский пояс с серебряными или золотыми украшениями», *жыла* — *жиля* «плакать», *жылан* — *жилян* «змея», *гырах* — *гирах* «горбушка хлеба», *гыранча* — *гирянча* «женский головной платок с бахромами», *чынар* — *чинар* «чинара», *хычин* — *хичин* «хычин (пирог)» и др.; д) метатезы: хч — чх, хс — сх, кс — ск (*ахча* — *ачха* «деньги», *ахса* — *асха* «хромать», *ёксюз* — *ёскюз* «сирота» и т. п.); переход литературного у в начале слова или в первом сло-

ге в ю перед я: *уя* — *юя* «гнездо», *уян* — *юян* «просыпаться», *уят* — *юят* «разбудить», *туякъ* — *тюякъ* «копыто» и др. (Гузеев, 1994, 5).

Ч-диалект имеет также морфологические особенности, которые характеризуются: а) выпадением сонорного *н* в составе аффиксов 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения: *барсын* — *барсы* «пусть пойдет», *келсин* — *келси* «пусть придет», *къалсын* — *къалсы* «пусть останется», *олтурсун* — *олтурсу* «пусть садится» и т. д.; заменой аффикса принадлежности 1-го лица мн. ч. *-ыбыз* / *-ибиз* во вторичном дееспричастии аффиксом *-ыкъ* / *-ик*: *келгенибизде* — *кёргеникде* «когда мы пришли», *кёргенибизде* — *кёргеникде* «когда мы увидели», *чыкъгъаныбызда* — *чыкъгъаныкъда* «когда мы вышли» и т. п.; г) употреблением редуцированной формы причастий будущего времени на *-ныкъ* / *-ник*, *-нукъ* / *-нюк* параллельно с его полной формой на *-арыкъ* / *-ерик*, *-ырыкъ* / *-ирик*, *-урукъ* / *-юрюк*: *сынырыкъ* / *сынныкъ* «то, что должно сломаться, разбиться», *жууунурукъ* / *жуууннукъ* «тот, кто должен купаться», *сакъланырыкъ* — *сакъланныкъ* «то, что должно сохраниться» и др.

Ц-диалект характеризуется диалектизмами фонетическими, семантическими и лексическими. Фонетические диалектизмы отражают особенности звуковой системы данного диалекта. Например, одной из этих особенностей является цокание: во всех позициях в слове вместо *ч* литературного языка произносится аффриката *ц*: *чач* — *цац* «волосы», *чыпчыкъ* — *цыфцых* «воробей» и др. В этом диалекте имеет место также зокание, при котором в начале и в середине слов вместо *дж* / *ж* литературного языка произносится свистящий звук *з*: *джер* / *жер* — *зер* «земля», *джюджю* / *жюжю* — *зюзю* «личинки мух, червей» и т. п. Этому диалекту характерны еще нерегулярный переход губного согласного *п* — *ф* в сильной позиции в середине слова и регулярный переход в позиции перед глухими согласными: *кёпюр* — *кёфюр* «мост», *тыпыр* — *тыфыр* «очаг», *ёнке* — *ёфке* «лёгкое», *алып* — *алыф* «взяв» и др. Согласные *къ* и *к* в определенных позициях переходят в заднеязычный *х*: *эшек* — *эших* «осел», *къызыкъ* — *къызыых* «девочка», *ички* — *ицхи* «напиток», *кетген* — *кетхен* «ушедший» (Гузеев, 1994, 6).

Фонетическими диалектизмами можно считать и следующие слова ц-диалекта: *файнар* (вм. лит. *фанер*) «фанера», *зимилт* (лит. *юзмелт*) «шерсть, расчесанная и приготовленная для прядения», *ийнору* (лит. *ары*) «туда», *ийнонда* (лит. *анда*) «там», *чинке* (лит. *иничке*) «тонкий», *киррай*

(лит. *кирликой*) «грязнуля», *жикир* (лит. *зикир*) «зикр, радение, молитва», *ангар* (лит. *анга*) «ему», *гацоф* (лит. *гёжеф*) «силач», *кюфчек* (лит. *кюбюрчек*) «ларец», *къарыуа* (лит. *къауура*) «стебель (травянистого растения)», *хаман* (лит. *хамам*) «баня», *кёкмюреуюз* (лит. *кёптюреуюз*) «синька», *къыл ууунду* (лит. *къыл ауумду*) «отходы, остающиеся при чесании шерсти» и др.

Семантические диалектизмы — это слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением. Подобные диалектизмы являются омонимами по отношению к словам литературным. Например, *жингирик* (ц.-диал.) «громкий плач» (обычно детский) и *жингирик* (лит.) «локоть»; *хуюн* (ц.-диал.) «нить из конопли» и *хуюн* (лит.) «шнурок из сыромятной кожи для плетения подошв горской обуви (чабуров)»; *кют* (ц.-диал.) «пасть» и *кют* (лит.) «пасти». *Кютюп айланган малла тынгысыз болуп башладыла* («Шуёхлукъ», № 1, 1968, с. 78) «Пасущиеся животные забеспокоились».

Лексические диалектизмы — это слова, которые совпадают с общелитературными по значению, но отличаются своим звуковым комплексом. Они называют те же понятия, что и тождественные им слова литературного языка, т. е. являются своего рода синонимами (Фомина, 1983, 172). Так, лексическими диалектизмами являются слова ц.-диалекта: 1) существительные — названия одежды: *гефхин* «фартук, передник» (от кабард.-черк. *к/эпхын* в том же значении, — букв.: *к/э* «юбка» + *пхын* «завязывать») — лит. *ал бота*; *фадауан* «мятая трава, повторно вкладываемая в горскую обувь для согревания ног» — лит. *мидел*; *къаплаууч* «кнопка-застежка» — лит. *чыкъырт*; *замок / машинка* «застежка-молния» (здесь *замок* от русского диалектного *замок*) «вырез, шиворот рубахи» (СРНГ, 1974, 251); *машинка* из русских народных говоров, где *машина / машинка* является названием не только автомобиля, но и таких механизмов, как трактор, сепаратор, электробритва, телевизор и т. п. (Коготкова, 1979, 176); ср.: также *машина* — «ветряная мельница», «железная дорога»; *машинка* — «горелка», «мясорубка», «форточка», «утюг» (СРНГ, 1982, 59—20) — лит. *сынжыр* (ср.: в баксано-чегемском говоре звукоподражательное слово *зырзыр* в том же значении); *бёхция* «женское платье» (от каб.-черк. *босцей* в том же значении, — букв.: *бос* «бяз» + *цей* «черкеска») — лит. *жыйрыкъ*; в хуламо-безенгийском говоре: *этек* «юбка» — лит. *тёбен жан*; слово *этек*, имеющее во всех диалектах и литературном языке одно значение «подол», изредка

встречается в Карачае и в значении «юбка». Ср. тур. *этеклик* «юбка», болг. *пола* «юбка», казах. *етек койлек* «юбка» (ВИДКЯ, 1958, 175); названия пищи: *жюдюр* «ежевика» — лит. *къара наныкъ*; *бурчакъ* «бобы» — лит. *къудору*; *къаймакъ* «сметана» — лиг. *сют баш*; *уууз* «молозиво» — лит. *ырпыс* и др.; названия животных: *кеселке* «ящерица» — лит. *гургун*; *къумурсха* «муравей» — лит. *гумулжук* и т. д.; названия жилища и домашней утвари: *тахан* «подпорка, стойка» — лит. *чыпын*; *гош* «хлев» — лит. *бау*; *кюрек* «лопата» — лит. *жугар*; *кюштел* «бочка, кадка» — лит. *чыккыр*; *кифе* «тляпка» — лит. *чага*; названия разных предметов: *жыгъери* «щепа» — лит. *жонгурчха*; *ушхолу* «кишка» — лит. *чеги*; *кезлеу* «родник» — лит. *шаудан*; *учкурук* «искра» — лит. *жилтин*; *мыры* «лужайка, поляна» — лит. *талачыкъ*; *фотку* «опилки» — лит. *бычхы къышхыр*; *мырзы* «береза» — лит. *къайын*; *галлас* «копна» — лит. *гебен*; *Эй гебенле* — *галласла*, *Чёкдююз*, *саргъалдыгъыз* (Б. Гуртуев, *Жарыкъ танг*, 204) «Эй копны-галласы, Вы осели, пожелтели»; прилагательные: *чинпо* «худощавый» — лит. *къатангы*; глаголы: *эхче* «качать (колыбель детскую)» — лит. *тебирет-*; *къылкъындыр-* «удушить» — лит. *буу-*; *къытыре-* «сопротивляться» — лит. *къажаулукъ эт*; междометие: *дол* понукание волов при вспашке — лит. *хайт*.

Цокающий диалект имеет и некоторые морфологические особенности. Например, наблюдается стяжение формы глагола типа: *келген эдим* — *келгийим* «я приходил (тогда)», *билген эдим* — *билгийим* «я догадался (тогда)», *кетген эди* — *кетхийи* «он уходил (тогда)», *эслеген эдик* — *эслегийик* «мы заметили» и т. п.; наличие желательной формы 1-го лица ед. ч. на -н вместо -м литературного языка: *барайым* — *барайын* «пойду-ка», *сатайым* — *сатайын* «продам-ка», *жазайым* — *жазайын* «напишу-ка» и т. д.

Как известно, «национальный язык в процессе становления и развития своих форм оказывает всестороннее воздействие на диалектные слова. В результате этого, они, теряя присущие им характерные признаки, сближаются с нормализованным языком» (Аванесов, 1962, 310). Под влиянием литературного языка многие диалектизмы расширяют сферу своего употребления и становятся известными всем посетителям языка — карачаевцам и балкарцам. Освоенными литературным языком можно считать слова из ц-диалекта: *абери* «что-либо» (лит. *ары-бери*), *шёндио* «сейчас» (лит. *бусагъатда*), *готон* «плуг» (лит. *сабан агъач*). *Готон* в значении названия современного железного плуга позаимствован носителями ц-диалекта из грузин-

ского языка через осетинский (Климов, Шагиров, 1990, 5) взамен названия *сабан агъач* (букв.: «полевое бревно»), которое носило более примитивное пахотное устройство — соха.

Проникновению диалектизмов в литературный язык помогает много факторов, одним из которых являются художественные произведения, прежде всего Ж. Токумаева, И. Гадиева и А. Теппеева. Тем не менее в художественной литературе диалектные слова встречаются редко, притом главным образом в речи персонажей. Иначе говоря, употребление диалектизмов в художественных произведениях свидетельствует не столько об их освоенности литературным языком, сколько о специфике языка того или иного писателя (Гузеев, 1984, 14).

Диалектизмы не следует смешивать с регионализмами, т. е. со словами, которые, будучи в сущности литературными, однако ограничены в употреблении определенной географической областью (Гузеев, 1984, 10). Регионализмы в языке возникают в связи с проживанием носителей одного и того же языка в разных, территориально разделенных регионах, например, карачаевцы живут в Карачаево-Черкесской Республике, а балкарцы — в Кабардино-Балкарской Республике. Поэтому карачаево-балкарский литературный язык в настоящее время существует и развивается в двух вариантах — карачаевском и балкарском (Хаджилаев, 1979, 72).

В карачаево-балкарском языке имеют место регионализмы фонетические, лексические, семантические и словообразовательные.

Фонетические регионализмы: существительные — названия животных: карач. *сарыубек* — балк. *сарыуек* «крокодил», *кёбелек* — *гебенек* «бабочка», *айю* — *айыу* «медведь», *гыбы* — *губу* «паук», *маджа* — *мача* «саранча» и т. п.; названия растений: карач. *кюндюш* — балк. *кундуш* «чемерица», *кюрюч* — *кюррюч* «ясень» и др.; названия частей тела человека: карач. *хамхот* — балк. *гимхот* разг. «харя», *бюрек* — *бюйрек* «почка» и т. д.; названия родства: карач. *къарнаш* — балк. *къарындаш* «брат», *акка* — *аппа* «дедушка», *тюнгюч* — *тунгуч* «ребенок-первенец», *кюеу* — *киеу* «зять» и др.; слова, связанные с пищей: карач. *мюрзеу* — балк. *мирзеу* «зерно, хлеб», *шибиджи* — *чибижи* «перец», *сарымакъ* — *сарымсах* «чеснок», *хумеллек* — *хумаллак* «хмель», *умур* — *муру* «крошка (напр. хлеба)», *джурка* — *чирко* «репа; брюква», *хауун* — *хууан* «дыня», *гардош* — *картоф* «картофель», *такъюзюк* — *тукъузю* «рябина» и т. д.; слова, связанные с одеждой: карач. *палтон* —

балк. *пальто* «пальто» (в карачаевском варианте, вероятно, народная этимология, связанная со словом *тон* «шуба»), *меси* — *мес* «сафьяновые сапожки без каблуков с незначительным голенищем», *кашемер* — *кишмир* «кашемир», *хота* — *ал бота* «фартук», *памезей* — *баймёз* «ворсистая хлопчатобумажная ткань», *тобукълукъ* — *тобулдурукъ* «набедренники,— накладки на коленный сустав и нижнюю часть бедра для утепления,— носили в зимнее время в основном пожилые мужчины» и т. п.; слова, характеризующие человека: карач. *малхыяр* — балк. *малхуния* «идиот, дурак, дубина», *тумакъ* — *туумакъ* «безрогий; несообразительный», *гёджеб* — *гёжеф* «силач; борец», *гатчай* — *гатча* «развратница, блудница» и др.; слова, связанные с природой: карач. *тубан* — балк. *туман* «туман», *бугъой* — *бугъей* «трещина в леднике», *кюрт* — *курт* «сугроб», *айрымкан* — *айрыкам* «остров», *джангур* — *жауун* «дождь», *шоркъа* — *шорха* «ручей, поток, струя» и т. п.; названия жилища и предметов обихода: карач. *тыбыр* — балк. *тыпыр* «очаг (дом)», *орундукъ* — *ундурукъ* «кровать», *шиндик* — *шинтик* «стул», *шыша* — *шеша* «бутылка», *шайнек* — *шайник* «чайник», *тиш* — *ишиш* «вертел», *джыккыр* — *чыккыр* «бочка», *арауун* — *арауун* «полукруглый плоский совок для переноса огня, высыпания золы и сушки лепешек перед печением в золе», *мычхы* — *бычхы* «пила», *боюнсха* — *боюнса* «ярмо», *гир* — *гири* «гирия», *миз* — *биз* «шило», *чалкъты* — *чалгъты* «коса», *ат джер* — *иер* «седло» и т. п.; названия разных предметов и явлений: карач. *айдес* — балк. *къандес* «дужка, грудная кость (у птиц)», *дордон* — *дёрден* «зоб, грудь», *кёзюу* — *кезиу* «очередь, период», *тиек* — *тюек* «клавиша, лад», *дюрю* — *дуру* «ряд скошенной травы», *кюрке* — *курка* «берлога», *джоппу* — *жокку* «пучок», *кюкюрт* — *кукурт* «сера», *тахса* — *тасха* «тайна», *чарс* — *чариш* «скачки», *шох* — *шуёх* «друг, приятель», *мизам* — *низам* «порядок, дисциплина», *улху* — *ултха* «взятка», *кёрдеуюк* — *кердеуюк* «медный купорос», *нох* — *нёх* «казноба; любовница», *ёлче* — *ёлчем* «размер», мера, мерка», *тушман* — *душман* «противник», *иннет* — *ниет* «идея, намерение, цель», *битир* — *фитир* «подавание по случаю прекращения мусульманского поста», *алмасты* — *алмосту* «домовой, колдун, леший, ведьма», *харс* — *къарс* «рукоплескание», *туч* — *турч* «олово», *гуммос* — *губус* «бородавка», *чымылтыр* — *чырмалтын* «грыжа» и др.; прилагательные: карач. *мийик* — балк. *бийик* «высокий», *мыдах* — *мудах* «грустный, печальный», *адаргы* — *адыргы* «маленький, незначительный, мизерный, ничтожный», *жити* — *жютю* «острый», *мызанг* — *бызанк* «поздний ягненок (рожден-

ный после массового окота)», *тамада* — *тамата* «старший», *илгиздик* — *изгилтин* «отчужденный, одичавший» и т. д.; глаголы: карач. *асха-* — балк. *акъса-* «хромать», *ахсын-* — *ахтын-* «вздыхать, охать, ахать», *илген-* — *элген-* «вздрагнуть, испугаться», *кёлтюр-* — *кётюр-* «поднимать», *юрен-* — *юйрен-* «учиться; привыкать», *юсдюр-* — *юсгюр-* «натравливать, науськивать», *илген-* — *элген-* «вздрагнуть, испугаться», *чимде-* — *чимди-* «щипать» и др.; частицы: карач. *огъуна* — балк. *окъуна* «даже», *тюл* — *тюйюл* «нет», *огъай* — *угъай* «не, нет» и т. п.; наречия: карач. *алкъын* — балк. *алыкъа* и др.; местоимения: карач. *бютеу* — балк. *битеу* «целиком, все, весь» и др.

Лексические регионализмы карачаево-балкарского языка менее многочисленны. Таковы, например существительные — названия растений: карач. *бусакъ* — балк. *акътерек* «тополь», *гокка ханс* — *гюл* «цветок», *ёсюмлюк* — *битим* «растение», *итбурун* — *улёкъу* «шиповник», *чегет* — *агъач* «лес», *раса* — *гъойгъун* «папоротник», *агурча* — *наша* «огурец», *къачхач* — *шахшах* «опийный мак» и т. п.; названия животных: карач. *къычырыучу* — балк. *адакъа* «петух», *мамурач* — *айыу бала* «медвежонок», *къумурсха* — *гумулжук* «муравей», *кеселекке* — *гургун* «ящерица», *турна* — *зурнук* «журавль», *текемюйюз* — *метеке* «улитка», *сокъур чибин* — *саскы* «овод», *гылын къуш* — *уку* «сова», *каска* — *сенгирчке* «стрекоза», *бабуш* — *баппуш* «утка», *къырым тауукъ* — *гогуш* «индюк» и др.; названия одежды: карач. *къол-лукъ* — балк. *къол къап* «перчатка, варежка», *чепкен* — *жый-рыкъ* «платье (женское)», *сакъаллыкъ* — *ёшюнлюк* «фартук для детей на время еды», *хар* — *гуржаба* «кружево» (*хар* от каб.-черк. *хъар* «сеть, сетка»), *ала къытай* — *басма* «ситец», *билезик* — *юзмелт* «кудель, небольшой виток чесаной шерсти, готовой к прядению»; карачаевское название этой реалии, видимо, от *билек* «рука» — пряжка наматывается на руку; *ич жаулулкъ* — *чикиля* «небольшой платок однотонного цвета, поверх которого надевали платок потеплее» и т. д.; названия пищи: карач. *шекер* — балк. *бал туз* «сахар», *къорлулкъ* — *ырдауун* «закваска (для молока)» и др.; названия частей тела человека: карач. *омурау* — балк. *аркъа жик* «позвонок», *чыначыкъ* — *жингирик* «локоть» и др.; прилагательные: карач. *мелхум* — балк. *элпек* «изобильный», *муккур* — *гунпур* «сгорбленный», *камсык* — *хыпьяр* «озорной» и т. д.; глаголы: карач. *баджар-* — балк. *жалчыт-* «снабжать», *тебле-* — *малта-* «топтать», *джукълат-* — *ёчюлт-* «гасить, тушить» и др.; наречия: карач. *хаман* — балк. *дайым* «постоянно» и др.; наименования раз-

ных предметов и явлений: карач. *къобан* — балк. *черек* «большая река», *кёлекге* — *ауана* «тень», *сенбилчек* — *гыллыуча* «качели», *къаладжюк* — *сабан агъач* «соха», *къач* — *кюз арты* «осень», *чыгъанакъ* — *ишхери* «заноза», *къаранчха* — *бодуркъу* «пугало», *учхун* — *урходук* «пепел», *мерекеб* — *шакъа* «чернила», *къара суу* — *шаудан* «родник», *мамат* — *изеу* «помочь (работа миром за угощение)», *тиреу* — *чигинжи* «опора», *гюрбе* — *кюф* «ящик, закром», *гёзен* — *гуму* «кладовая», *тамал* — *мурдор* «основа» и т. д.

В карачаево-балкарском языке имеет место ряд слов, идентичных по выражению в обоих вариантах языка, но различных по содержанию. Это семантические регионализмы. Например, слово *гырхы* у карачаевцев обозначает «грубый», «резкий», а у балкарцев — «худощавый». Семантическими регионализмами можно считать и следующие слова: *юр-* — карач. «дуть», балк. «ляять»; *гадура* — карач. «сачок, ловушка для пчел», балк. «цедилка, дуршлаг»; *джыйрыкъ* — карач. «морщина; оборка, складка», балк. «платье (женское)»; *гебен* — карач. «стог», балк. «копна»; *гурушха* — карач. «попрек», балк. «подозрение»; *чыначыкъ* — карач. «локоть», балк. «мизинец»; *кючле-* — карач. «захватывать, отбирать», балк. «усиливать, укреплять», *чегет* — карач. «лес», балк. «тенивая сторона», *ёзен* — карач. «ущелье», балк. «равнина», *жомакъ* — карач. «загадка», балк. «сказка» и др.

Словообразовательные регионализмы передают особенности словообразования в вариантах карачаево-балкарского языка. Так, например, у карачаевцев «обманщик» имеет название *алдаукъ*, а у балкарцев *алдаучу*. К таким регионализмам следует отнести и следующие пары слов: карач. *бугъунчакъ* — балк. *бугъунуч* «прятки (игра)», карач. *амалчакъ* — балк. *амалчы* «ловкий», карач. *джагъалат-* — балк. *жагъала-* «брат за шиворот», карач. *жылысыман* — балк. *жылыракъ* «тепловатый», карач. *американчы* — балк. *америкалы* «американец» и т. п.

Морфологические различия между карачаевским и балкарским вариантами литературного языка менее значительны. Они проявляются в некоторых залоговых и временных формах глагола (Будаев, 1991, 73), а также в прилагательных. Так, балкарской форме понудительного залога на формант *т къозут-* «дразни» (собаку) в карачаевском соответствует форма с нулевым формантом, т. е. форма основного залога: *къозу* «дразни» (собаку). Балкарской временной форме на *-ычу / -иучу* в карачаевском иногда

соответствует форма на *-чан / -чен*: *барыучу / барыучан* «ходящий куда, посещающий кого-что (постоянно)», *бериучю / бериучен* «дающий (постоянно)» и т. д. Балкарским глагольным аффиксам *-ур / -юр, -ургъа / -юрге, -ыргъа / -ирге, -урукъ / -юрюк* в карачаевском языке соответствуют аффиксы *-ар / -ер, -аргъа / -ерге, -арыкъ / -ерик*: *кзоркзур / кзоркзар* «побоится», *юркюр / юркер* «напугается, шарахнется» и др., *кзоркзургъа / кзоркзаргъа* «бояться», *юркюрге / юркерге* «пугаться; шарахаться», *тинтиргъа / тинтерге* «шарить, рыться (ища что-либо)». В прилагательных уменьшительной степени карачаевского варианта параллельно употребляются аффиксы *-ракъ / -рек* и *-сыман, -сыл / -сюл, -гъыл / -гъул* и *сыман*: *телирек / телисыман* «придурковатый, глуповатый», *акъсыл / акъсыман* «беловатый, белесый», *къызгъыл / къызылсыман* «красноватый», *моргъул / морсыман* «коричневатый» и т. п., тогда как в балкарском варианте языка употребляются лишь формы *телирек, акъсыл, къызгъыл, моргъул*. В прилагательных карачаевского варианта языка также параллельно употребляются аффиксы *-ууукъ / -ууукъ, -юуюк* и *-ыучу / -уучу, -юучю*: *абыныуукъ / абыныучу* «часто спотыкающийся, неудачливый, невезучий», *джортууукъ / джортуучу* «рысистый», *ёпкелеуюк / ёпкелеучю* «обидчивый» и т. п. (в балкарском варианте употребляются только формы *абыныучу, жортуучу, ёпкелеучю*). Кроме того, в карачаевском варианте языка имеет место параллельное употребление послелога *бла* и аффикса *тын*: *орам бла / орамгын* «по улице». *Бизни элде бир орамтын экиси келе эдиле* (А. Уртепов) «По одной улице нашего села они шли вдвоем». В балкарском языке употребляется только форма *орам бла* «по улице».

Профессионально-терминологическая лексика

К профессионально-терминологической лексике относятся слова, употребляемые и понимаемые преимущественно представителями определенной науки, профессии. Это в первую очередь термины. Термин — это слово или словосочетание, являющееся названием научного, технического, сельскохозяйственного и т. п. понятия. Совокупность терминов данной науки или профессии называется терминологией (Калинин, 1978, 134; Рахимова, 1983, 10). В настоящее время, в период информационного и соответственно терминологического взрыва, происходит двоякий процесс:

с одной стороны, резко увеличивается количество доступных только для специалистов особых терминов; например, в каждом высокоразвитом языке только в области химии имеется несколько миллионов терминов (Хайруллин, 1991, 56). С другой стороны, специальные термины интенсивно проникают в общелитературный язык. Специальная терминология становится главным источником пополнения словарного состава литературного языка (Филин, 1975, 40).

Термины «изобретаются» или «изготавливаются» отдельными людьми, обычно учеными, в тесном контакте с лингвистами. Но в таком младописьменном языке, как карачаево-балкарский, многие термины созданы не в связи с развитием науки. Любая профессия во все времена рождала соответствующую терминологию (Бардаев, 1985, 118). У карачаевцев и балкарцев наиболее развиты были издавна скотоводство, земледелие, изготовление изделий из шерсти и т. д.

Термины, связанные с этими ранними отраслями хозяйства, иногда называются профессиональной лексикой. О недостаточной разработанности этого лингвистического понятия свидетельствует наличие у него множества названий: «профессиональная лексика» (Ибрагимов, Асамутдинова, 1972; Доскараев, 1958 и др.), «ремесленная терминология» (Трубачев, 1966), народная терминологическая лексика» (Юлдашев, 1972), «ремесленно-промысловая терминология» (Литвинов, 1955), народные термины» (Баялиев, 1972) и т. д.

Исследованию этих терминов карачаево-балкарского языка посвящен ряд работ (Жаппуев, 1974; Отаров, 1978; Улаков, 1983; Будаев, Узденова, 1987; Отаров, 1987).

Еще до создания письменности народом были созданы термины по животноводству: *ууакъ аякълы мал* «мелкий рогатый скот», *токълу* «овца от шести месяцев до одного года», *ишек* «овца от одного года до двух лет», *зада* «овца от двух до трех лет», *экижашар* «двухгодовалый бычок», *быштады* «тёлка-скороспелка» (первотелка, отелившаяся в возрасте двух лет) и т. д.; по земледелию: *батан* «копна», *гебен* «стог», *кёгет* «фрукт», *кендраш* «конопля», *картоф* «картофель», *айлыкъ турма* «редиска», *татыран* «хрен», *къозукъулакъ* «щавель» и др.; по швейному делу: *жагъа оюмду* «горловина (вырез шеи)», *ёжоу* «передняя часть рубашки, где застегиваются пуговицы», *бутлукъ* «штанина», *кюбе* «кольчуга, железная рубаха воина», *къыйынды* «обрезки, остающиеся после кройки одежды», *юзмелт* «небольшой виток чесаной шерсти, готовый к прядению»

и т. п.; по кулинарии: *ашарыкъ* «пища», *ушхууур* «ужин», *ачытхы* «закваска», *къурмач* «жареные зерна кукурузы, пшеницы», *жарма* «крупа», *къууут* «толокно», *тыммыл* «плоская лепешка без начинки», *худур* «похлебка из воды и муки, иногда с молоком», *сохта* «домашняя колбаса из печени и жира» и др.

В современном карачаево-балкарском языке наиболее интенсивно создаются общественно-политические термины. Таковы, например: *унукъдуруу* «гнет», *къол кётюрюу* «голосование», *иш хакъ* «зароботная плата», *айырыуучу* «избиратель», *миллетчилик* «национализм», *посол*, *аманлыкъчы* «преступник», *ишчи* «рабочий», *рынок* и т. д. Большое развитие получили и школьные грамматические термины: *ачыкъ таууш* «гласный звук», *къысыкъ таууш* «согласный звук», *сингармонизм*, *бёлюм* «слог», *омонимле* «омонимы», *тамыр* «корень», *мурдор* «основа», *ат* «имя существительное», *болуш* «падеж», *айырма даража* «превосходная степень», *санчы санау* «количественное числительное», *алмаш* «местоимение», *сёзлеу* «наречие», *этим* «глагол», *араш айырма* «взаимовозвратный глагол», *толтуруу* «дополнение» и др.

Основными способами образования терминов являются лексико-семантический, морфологический (аффиксальный) и синтаксический.

При образовании терминов лексико-семантическим способом происходит закрепление за словом нового значения. «При этом звуковой комплекс остается без изменения» (Бозиев, 1965, 77). Если взять, например, термины швейного дела, то по этому методу образованы названия: *бурун* «нос» — (*чындайны*) *буруну* «мысок чулка», *жагъа* «берег» — *жагъа* «воротник», *аркъау* «поперечный брус крыши дома» — *аркъау* «уток ткани» и т. п.

Морфологический способ заключается в том, что к корню слова присоединяются словообразовательные аффиксы, создавая вторичные корни, т. е. основы. Таковы термины: *ийириуучю* «прядильщица» от *ийир-* «прясть», *олтанлыкъ* «материал, пригодный на подметки» от *олтан* «подметка», *тобукълукъ* «накладка на коленный сустав для утепления» от *тобукъ* «колени» и т. д.

Синтаксическим (аналитическим) способом образуются сложные термины, о которых Г. О. Винокур пишет: «Одним из языковых средств систематизации терминов является двусоставный термин, одна часть которого является у него общей с другими терминами, а другая служит его отличительной характеристикой в ряду смежных понятий» (Винокур, 1939, 13). Этим способом образованы, например,

термины: *мешина ийне* «машинная игла», *гуржаба ийне* «вязальная игла для кружев», *кийим тигиучю* «портной», *кийим бичиучю* «закройщик», *галепей кёнчек* «брюки-галифе», *кенгбухчакъ кёнчек* «брюки навывпуск» и др.

В отличие от нетерминов, многие из которых многозначны, термины в пределах одной науки должны обладать однозначностью. Это требование к идеальным терминологическим системам (Фомина, 1983, 176). В реально существующих терминологиях немало терминов, которым присуща так называемая категориальная многозначность, например: *жамау* «латание», «починка одежды» и *жамау* «латка»; *чулгъау* «обмотка» (процесс) и *чулгъау* «портянка» и т. п.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Проблемы стилистической дифференциации лексики новописьменных языков, в том числе и в карачаево-балкарском, составляют большие трудности для исследователя (Улаков, 1987, 100). Лексика карачаево-балкарского языка не устоялась во всех своих основных чертах, она не изучена с точки зрения функционально-стилистической и особенно эмоционально-экспрессивной (Гузев, 1985, 158).

Тем не менее весь словарный состав языка можно разделить на различные стилистические пласты, каждый из которых отличается своим лексическим и синтаксическим своеобразием и в сфере употребления занимает свое определенное место (Бардаев, 1985, 122). Например, если лингвистически анализировать такие синонимические ряды, как *аша-* «кушать», *сюрт-*, *буштукъла-*, *бекле-*, *ур-* «жрать»; *эриши* «некрасивый», *ушагъысыз* «неприятный», *къутсуз* «противный», *жапысыз* «неказистый»; *сёлеш-* «говорить», *жанша-* «болтать»; *бет* «лицо», *жух* «морда», *гимхот* «рыло», то можно заметить, что составляющие их слова различаются между собой не только тем, откуда и когда они появились в карачаево-балкарском языке, но и тем, что они оказываются разнородными в ряде случаев и по своему стилистическому употреблению и экспрессивной окраске. Слова *аша-*, *эриши*, *сёлеш-*, *бет* являются общеупотребительными и нейтральными, тогда как остальные слова имеют разговорный, просторечный оттенок.

Такое стилистическое расслоение лексики и различие слов по экспрессивной окраске тесно связано с тем, что язык представляет собой совокупность нескольких стилей,

различных по тем языковым средствам и приемам (в первую очередь лексическим), которые берутся для выражения определенного содержания из общенародного языка (Шанский, 1964, 128). В зависимости от цели и темы высказывания говорящий или пишущий выбирает из лексической системы нужные ему слова.

В лексике карачаево-балкарского языка можно выделить три основных стилистических пласта: межстилевая (нейтральная) лексика, разговорно-бытовая лексика и книжная лексика, которые в свою очередь могут быть подвержены дальнейшей дифференциации (Улаков, 1987, 102).

Межстилевая лексика

Межстилевая лексика называется еще нейтральной потому, что лишена особой стилистической окраски. Межстилевая лексика ограничивается лишь названием предметов, явлений и процессов без оценки со стороны говорящего. Она обширна по тематике и отражает самые распространенные, жизненно необходимые понятия, относящиеся ко всем сферам жизни. Без межстилевой лексики язык не может функционировать. В отличие от экспрессивных слов нейтральные слова очень понятны, просты, привычны (СТЛЯ, 1969, 68). Межстилевые слова представляют собой наиболее обычные и широкораспространенные наименования предметов, явлений, качеств, действий, в одинаковой мере используемые и в бытовой речи, и в деловом, научном и техническом стиле, и в художественной литературе. Им свойственно отсутствие искусственности, вычурности (Гвоздев, 1955, 78).

Каких-либо внешних примет (звуковых, морфологических) межстилевые слова не имеют, и все-таки их легко найти среди слов других лексических пластов. Например, среди слов *ётмек* «хлеб», *гимхот* «морда», *китап* «книга», *тыкъла-* «жрать», *иги* «хороший», *танкыбаш* «пустоголовый», *чап-* «бежать», *тёрткёз* «очкастый», *ийнек* «корова», *электрификациялау* «электрификация» четко выделяются своей нейтральностью межстилевые слова *ётмек*, *китап*, *иги*, *чап-*, *ийнек*.

Нейтральные по стилю слова могут относиться к разным частям речи. К межстилевой лексике принадлежит большинство существительных: *къагъыт* «бумага», *адам* «человек», *кече* «ночь», *суу* «вода», *тау* «гора», *таш* «камень», *юй* «дом», *терезе* «окно», *китап* «книга», *жангылыкъ* «новость», *иш* «работа», *радио*, *машина*, *сүймеклик* «лю-

бовь», *билдириу* «сообщение», *телефон*, *боюнлукъ* «шарф» и др.

Стилистически нейтральны многие прилагательные: *жангы* «новый», *уллу* «большой», *батыр* «храбрый», *терен* «глубокий», *тик* «крутой», *сейирлик* «интересный», *тар* «узкий», *бийик* «высокий», *узун* «длинный», *къынгыр* «кривой», *акъ* «белый», *къара* «черный», *мор* «коричневый», *ингирги* «вечерний», *мудах* «печальный» и др.

К межстилевой лексике относится также большинство глаголов: *айт-* «говорить», *жюрю-* «ходить», *эт-* «делать», *ишле-* «работать», *жаз-* «писать», *сую-* «любить», *сызгыр-* «свистеть», *кюл-* «смеяться», *махта-* «хвалить», *тынгыла-* «слушать», *къура-* «организовать», *секир-* «прыгать», *къызар-* «краснеть», *жукъла-* «спать» и т. д.

Стилистически нейтральны также многие наречия: *бек* «очень», *арталлыда* «совсем», *узакъдан* «издалека», *орусча* «по-русски», *жарыкъ* «весело», *тамбла* «завтра», *бюгюн* «сегодня», *тюнене* «вчера» и др.

К нейтральной лексике относятся все числительные: *бир* «один», *эки* «два», *юч* «три», *алты* «шесть», *он* «десять», *жыйырма* «двадцать», *минг* «тысяча» и др.

По стилю нейтральны местоимения: *мен* «я», *сен* «ты», *ол* «он», *биз* «мы», *сиз* «вы», *меники* «мой», *сеники* «твой», *бизники* «наш», *ким* «кто», *не* «что», *бу* «этот» и др.

Межстилевыми словами являются также большинство союзов и частиц: *бла* «и», *болсада* «но», *неда* «или», *окъуна* «даже», *угъай* «не» и др.

Таким образом, в межотраслевой лексике представлены все грамматические категории, кроме междометий, которые никогда не бывают стилистически нейтральными.

Сила нейтральной лексики заключается в четко продуманном отборе слов, убедительном и доказательном построении речи, логической последовательности повествования, в хорошо продуманной организации отобранных лексических единиц (Фомина, 1983, 198).

При создании литературного карачаево-балкарского языка его лексика была составлена преимущественно из межстилевых слов, поэтому, естественно, они занимают доминирующее место. С двух противоположных сторон нейтральной лексики определились книжный и обиходно-бытовой стилистические пласты. Первый, по сравнению с нейтральным, составляют возвышенные, второй — сниженные слова (Улаков, 1987, 105).

Разговорно-бытовая лексика

К этой лексике относятся слова, употребляющиеся обычно в устных разновидностях языка: в непринужденном разговоре, в оживленной беседе и т. п. и не употребляющиеся, как правило, в письменных жанрах: в научных статьях, в технической литературе, в учебниках, в языке деловых и официальных документов и т. п. (Калинин, 1978, 157).

В зависимости от стилистических оттенков, от степени литературности разных слов разговорно-бытовую лексику карачаево-балкарского языка можно разделить на две основные группы: 1) лексику разговорную, 2) лексику просторечную.

К разговорной лексике относятся слова, употребляющиеся в непринужденном разговоре, но не грубые. Они близки к нейтральным словам, но все же не являются межстилевыми словами и поэтому в официальной письменной речи они не употребляются.

К разговорной лексике принадлежат многие существительные: *кѳаукѳалакѳ* «бездельник, лентяй, лоботряс, шалопай», *кѳахмѳ* «проститутка», *мытыр* «лежебока», *факѳыр* «бедняк», *алтаякѳ* «проходимец», *анака* «мамочка», *алмамалма* «какие-то фрукты», *сюексизле* (мн. ч.) так называют иногда картошку (букв. «бескостые»), *тюгюн бардыр* «шерстить», *гатий* (карач.) «обувка», *эски-бюскю* «старье», *зыба* «дылда», *саласкор* «верзила», *жаншакѳ* «болтун, говорун», *хашкенле* (мн. ч.) «шантрапа», *аман-жуман* «всякое плохое», *чирчаппа* «неряшливая женщина» и др. *Кѳаукѳалакѳла жанындан тойдурсала Герасим, ачыуланьп, аланы кѳыстагѳан да бир этер эди* (А. Теппеев, Ташыуул, 384) «Когда надоедали ленивые бездельники, Герасим иногда, рассердившись, выгонял их». *Мытыр ат излегинчи, жаяу жерине жетди, дегендиле бурунгулу таулула* (Ж. Залиханов, Жаннган жюрекле, 156.) «Пока лентяй искал коня для поездки, пеший дошел до места, сказали древние горцы». *Аман-жуман ашагѳан кѳп жашайды* (Посл.) «Тот, кто ест всякое неценное, живет долго». Разговорными являются также существительные, образованные от различных основ с помощью ласкательных и уменьшительных аффиксов. Например: *балачыкѳ* «дитяtko», *аттяка* «дедуля», *анняка* «бабуля», *алтынчыкѳ* «золотце», *жулдузчукѳ* «звездочка», *ариучугѳум* «красивенький мой», *суйгенчигим* «любименький мой», *гудука* «воришка», *уллука* «верзила», *кирлика* «грязнуля», *жуттакай* «хапуга, рвач» и др. (Улаков, 1987б, 171).

Широко представлены в разговорной лексике прилагательные: *къанбуз* «нудный, портящий всем настроение», *ауузачыкъ* «разиня», *аманаууз* «сквернословный», *жийиргенчли* «плюгавый», *маштакай* «низкорослый, коротышка», *ёреkyна* «длинный, высокий, долговязый», *фасыкъ* «безнравственный, грешный», *дыммыз* «пузатый, жирный (о женщине)», *бытбыт* «неповоротливый, медлительный», *соккакёз* «с игривыми глазами», *аштапар* «ненасытный, жадный до пищи», *сылхыр* «глупый», *мискин* «насыпсыз», *дауур-суююрчю* «задиристый», *жантакъ* «хромой», *генезир* карач. «мерзкий», *най-най* «мямля», *алтаякъ* «пройдоха», *сант* «глуповатый, дурашливый», *тумакъ* «несообразительный, тупой», *жандыракёз* «пучеглазый», *хылы-мылы* «беззалаберный», *созукку* «долговязый», *жийиргенчли* «мерзкий» и т. д.

Разговорные наречия: *яхшы* «хорошенько», *мычымай* «мигом», *къыппа-къымыжалай* «нагишом», *къулакъ отлуп болуп* «навеселе», *ашыкъ-бушукъ этип* «походя», *муру-чуру* «вдребезги», *телисине* «сдуру», *дыккы-мыккы* «едва-едва, еле-еле», *аз-маз* «чуть-чуть, еле-еле», *азчыкъ* «немножко, легонько, слегка», *быттыр* «хуже, пуще, хлеще», *бошунакъ-гъа* «впустую, зря, понапрасну» и др. *Юйле да, къара тёбеле кибик, аз-маз кёрюнедиле* (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 226) «И дома, как темные бугры, видны еле-еле».

Разговорный характер имеет большинство междометий: *ох, ой, ыхы, ай-й-ай, хей, чи-ш...*

К разговорной лексике можно отнести и устаревшие формы некоторых заимствований из русского языка: *мыжыкъ* «мужик», *тилграм* «телеграмма», *гиназ* «князь», *жална* «жалованье», *айрафлот* «аэрофлот», *айрапорт* «аэропорт», *дажи* «даже», *давай* частица побудительная «дай», *гаммой* «конвой», *панат* «понятой», *панер* «фанера», *ийнарал* «генерал», *партабак* «портсигар», *шалон* «эшелон», *газна* «казна», *нарышна* «нарочный», *калиндор* «коридор», *пыратокол* «протокол», *писир* «писарь», *апон* «японский», *абычар* «офицер», *бинок* карач. «бинокль», *панкурт* балк. «банкрот», *завферма* «заведующий фермой». *Завферма уа сёлешед, Терлегенлери барып, Баш жулургъа кюрешед, Башласа да ол арып* (А. Будаев, Телефон) «А заведующий фермой говорит, обливаясь потом, старается оправдаться, хотя уже начинает уставать». *Хуржунундан бир агъач партабагын чыгъарып, [старшина] ары-бери атлайды* (С. Шахмурзаев, Танг аласында, 157) «Вытащив из кармана деревянный портсигар, [старшина] шагает туда и сюда». *Офицерлени барысы да графла бла гиназла*

эдиле (Н. Островский, Къурч къалай къатханды, 22) «Все офицеры были графы и князья».

В разговорную лексику входят и слова детской речи, которая используется как детьми, так и взрослыми при их взаимном общении. Помимо специфических слов эта речь отличается мягкостью фона (Улаков, 1992, 118). К детской речи относятся слова: *ам* «кушать», *гагу* «ягода», *укка* «пойти на прогулку», *банпу* «хлеб», *сигча* «собака», *гыга* «ребенок, лялька», *кых* «бьяка», *кака* «нога», *чакка* «обувь», *кишиу* «киска, котенок», *дыгы-дыгы* «стоять», *житча* «мясо», *укка барайкъ* «пойдем гулять», *уккаш эт* «обнять» и т. д.

В просторечную лексику карачаево-балкарского языка входят слова более грубые, чем разговорные. Здесь представлены существительные, прилагательные и глаголы.

Существительные: *гудучу* «жулик», *гажай* «шлюха», *гимхот* (карач. *хамхот*) «морда», *гая* «пасть, рот», *хонта* «дурень, придурок», *гыргыр* «болтовня, пустословие», *хынтыр-мынтыр* «безобразие», *быдыр* «пузо, брюхо», *гонда* «дылда», *гырылдауукъ* «трепач» и др. Примеры: — *Быдырынга сюнсюню сукъсакъ, тилинги сабыр тутарса. Ауузунгу къыс,—деп къазакъла Павлону кёзюне-башына тебине эдиле* (Б. Гуртуев, Адилгерий, 80) «Вот воткнем штык в твое пузо, тогда придержишь свой язык. Закрой рот,—говоря так, казаки замахивались на голову Павлу». *Таубий [Элкзурутха]: Гаянгы къыс да, бери къулакъ сал!* («Шуёх-лукъ, 1969, № 2, 85) «Таубий [Элкуруту]! Закрой свою пасть и прислушайся сюда!»

Прилагательные: *къызтеке* «женоподобный», *диммо* «тупица», *уллубыдыр* «брюхатый», *танкыбаш* «пустоголовый», *сылхыр* «глупый», *гула* «тупоумный», *бурунбокъ* «сопливый», *гагайбаш* «пустоголовый», *голпу* карач. «неуклюжий», *ётмекбет* «толстомордый», *темирбет* «бессовестный» и т. д. *Айдарукъну намысын этип, кийиз уругъа, жюн титерге келген тиширылагъа уа ол къалай сёлешиучю эди: сылхырла, гулала, менгиреуле* (А. Теппеев, Жюз шаптал терек, 72) «А как говорил Айдарук с женщинами, приходившими из уважения к нему валять войлок, трепать шерсть: глупые, тупоумные, тупоголовые».

Глаголы: *сойлан-* «разлечься», *буштукъла-* «жадно есть», *тыкъла-* «жрать», *зампылда-* карач. «болтать», *гырылда-* «нести чепуху», *сыкъ-* «бояться», *арал-* «смотреть» и др.

Выразительность просторечных слов, экспрессия, содержащаяся в них, в какой-то мере компенсирует их грубость.

Многие из них позволяют коротко и метко выразить отношение (чаще всего отрицательное) к какому-то человеку, явлению и т. п. Это емкие слова, которые не так-то легко заменить без потерь нейтральными по стилю синонимами (Калинин, 1978, 160).

В отнесении слова к той или иной стилистической группе важную роль играет и его значение. В связи с этим полисемантическое слово в одном из своих значений может относиться к одному стилистическому пласту, а в другом — к иному (Бардаев, 1985, 128). Таким образом, некоторые слова, являющиеся в основном нейтральными названиями животных, а также действий, производимых животными, в переносном значении принимают сниженную стилистическую окраску, переходя из нейтральной лексики в просторечную. Таковы слова: *жилян* «змея» и *бёрю* «волк» (о злом человеке), *аслан* «о сильном», *къарылгъач* «ласточка», *кёгюрчюн* «голубь», *илячин* «сокол» (о хорошем), а также *эшек* (*гырайт*) «осел», *байтал* «кобыла», *ит* «собака», *къоян* «заяц», *тюкю* «лиса», *адакъа* «петух», *айыу* «медведь», *жаныуар* «зверь», *хайыуан* «скотина», *хырылда* «рычать», *талаш* «грызться», *юр* «лаять» и др. *Ол [Сарбий] мингле бла урулагъа, жортуууллагъа, зулму ишлеге жигер къатышхан, уу жилинды* (М. Шаваева, Мурат, 183) «Он [Сарбий] — ядовитая змея, активно участвовал в тысячах хищений, набегов, тиранических дел». [*Хаджибатыр Таубийге*] — *Къартлыгъымда къалай бедишлик этдинг, эшек!* (И. Боташев, Пьесала, 56) «[Хаджибекир Таубию:] Как ты опозорил меня в старости, осел!»

Употребление многих слов просторечной лексики не желательно в литературной речи. За редким исключением они могут быть использованы в публицистике — для выражения негодования или в художественной литературе — как средство речевой характеристики персонажа. Однако в этих случаях, и даже в устно-бытовой сфере общения, употребление таких слов должно быть ограниченным и строго стилистически мотивированным (Кожина, 1983, 130).

Книжная лексика

Если к разговорно-бытовой лексике относятся в основном слова устной речи, то в книжную лексику входят такие стилистически ограниченные и закрепленные в своем употреблении слова, которые встречаются преимущественно в письменной речи.

Книжная лексика используется в научной литературе, в публицистических произведениях, официальных документах, а также в художественной литературе.

Как правильно отмечает М. З. Улаков, научный стиль в карачаево-балкарском языке широкого развития еще не получил. Это связано с ограниченным количеством публикуемой на родном языке соответствующей продукции. К тому же имеющиеся статьи носят в основном учебно-педагогический характер. Научные труды с других языков на карачаево-балкарский почти не переводятся. Все это тормозит развитие отраслевой и технической терминологии (Улаков, 1987а, 106). Вместе с тем лексика, связанная с важнейшими традиционными занятиями карачаевцев и балкарцев, т. е. отраслевая терминология, собрана и изучена.

Здесь нужно особо отметить важность периодической печати в развитии не только книжной лексики, но и всей речевой практики карачаевцев и балкарцев. В первые годы национальной карачаево-балкарской письменности «газета на родном языке явилась важной рассадницей грамотности, культуры, а также научных, общественно-политических, технических, общекультурных терминов, новых русских и других заимствований» (Апажев, 1992, 115).

Примеры слов книжной лексики: из общественно-политической терминологии: *кюреш* «борьба», *азатлыкъ* «свобода», *мамырлыкъ* «мир», *бирге ишлеу* «сотрудничество», *демократия*, *революция*, *политика*, *палата*, *бузулмазлыкъ* «нерасторжимый», *ниет* «идея», *къытлыкъ* «кризис», *ишсизлик* «безработица», *ишчи* «рабочий», *борч* «обязательство», *къозгъалыу* «восстание», *жамауат* «общественность», *деменгили* «грандиозный», *душман* «противник, враг», *билдириу* «сообщение», *зришиу* «соревнование», *буюр-* «поручить», *бегим эт* «постановить», *борчлу эт* «обязать», *кереки* «необходимо», *тийишлиди* «следует», *башкес* «палач», *махтау* «слава», *белгиле-* «констатировать», *интенсификацияла-* «интенсифицировать», *тайдыр-* «ниспровергнуть», *орнат-* «водрузить», *хыянатла-* «посягнуть» и др.; из сельскохозяйственной терминологии: *эл мюлк* «сельское хозяйство», *малчылыкъ* «животноводство», *жерчилик* «земледелие», *себиу* «посев», *будай* «пшеница», *зынтхы* «овес», *готон* «плуг», *къыйтхы* «борона», *къышлау* «зимовка», *къыркъыу* «стрижка», *жоргъа* «иноходь» и др.; из ремесленной терминологии: *кёрюк* «кузнечный мех», *тёш* «наковальня», *салта* «молот», *къысхач* «щипцы», *бичакъ* «нож», *биз* «шило» и т. п.; из юридических терминов: *терслик* «вина», *азап* «наказание», *терслеу* «обвинение», *шагъат* «свидетель» и др.; из дипломатической терминологии:

логин: *атташе, нота, келишим «договор», жүйюсхан «господин», коммюнике, посол, ратификацияла- «ратифицировать», резиденция, сауутланы кёп этиу «гонка вооружений», хурмет этиу «уважение», дерт жетдириу «реванш», тюзлюк «справедливость» и др.; из философских терминов: тюрле-ниу «изменение», кертилик «истина», тенглейшдириу «сравнение», диалектика, материалист, идеалист, догма, философия, агностицизм и т. п.; из терминов физики: жылылыкъ «теплота», кюч «сила», басым «давление», ауурлукъ «вес», заман «время» и др.; из математических терминов: къош-«прибавить», ал- «отнять», юлеш- «делить», кереле- «умножить», ючмюйюш «треугольник», формула, юлгю «пример», алгебра, геометрия и др.*

К книжной лексике относятся союзы *нек дегенде (не ючюн десенг) «ибо», болсада «но, однако», эмда «и»* и др.

Книжный оттенок имеет и вежливая форма местоимения *сиз «вы»*. Известно, что в большинстве тюркских языков употребление этой формы мало характерно (Абдуллаева, 1979, 119). В последние десятилетия в связи с изменением социальных и бытовых отношений карачаевцев и балкарцев в их среде стало традицией при обращении младших к старшим, а также в уважительном общении и вежливом обращении употребление местоимения *сиз «вы»* в вышеуказанном качестве. Примеры: — *Кечигиз, Исса Исмаилович, Сизден кечгинлик тилейбиз* (М. Шаманова, Окъа бёрк, 44) «Извините, Исса Исмаилович, просим у вас прощения». — *Ол бек ахшы иш боллукъду, — деди Идрис Мазанович [Сафар Жарахматовичге]. — Кертисин айтсам, кесими акъылымда да бар эди. Базынмай тургъанма. Энди Сиз нёгер бола эсегиз...* (А. Теппеев, Отлукъ ташла, 79). — «Это будет очень хорошее дело, — сказал Идрис Мазанович [Сафару Жарахматовичу]. — По правде говоря, и я это имел в виду. Не мог решиться я. Если теперь и вы присоединяетесь...».

К книжной лексике принадлежат также экзотизмы — заимствованные слова, отражающие быт и национальное своеобразие того или иного народа. Они используются в научных и публицистических произведениях и художественной литературе. В карачаево-балкарском языке употребляются следующие экзотизмы: *доллар, пан, динар, бешбармакъ, лагман, манты, насвай, къымыз* и др. Примеры: *Энди шампаны, къозу эти да, ала бла бирге уа лагманы, мантысы, жёрмеси да шайтанны юлюшю болсунла* (Э. Гуртуев, Мёлекледе къонакъда, 133) «Теперь пусть и шампанское его, и ягнятина, и лагман, манты и жёрме достанутся чёрту». *Къымыз бла бешбармакъ орунуна къо-*

накълагъа гыпы, шишлик берирбиз (С. Макитов, Шаудан, 9) «Вместо бешбармака и кумыса гостям дадим гыпы и шашлык».

Большинство абстрактных слов книжной лексики карачаево-балкарского языка созданы при помощи аффиксов *-лыкъ, -чи, -лы, -уу, -чы* и др.: *зорлукъ* «насилие», *жалынчакъсызлыкъ* «независимость», *бузулмазлыкъ* «нерушимый», *эркинлик* «право», *авторлукъ* «авторство», *ишчи* «рабочий», *фахмулу* «талантливый», *эришиу* «соревнование», *къууанчылы* «торжественный», *къоркъуу* «угроза», *урунган* «трудящийся», *жыйылыу* «собрание» и т. д. Но среди этих слов немало и непроезводных, например: *къул* «раб», *ант* «присяга», *хайыр* «польза», *саут* «оружие», *борч* «обязательство» и т. д.

Устаревшие слова и неологизмы

В связи с производственной деятельностью человека, с экономическим, социальным, политическим и культурным развитием жизни народа словарный состав языка пополняется новыми словами.

Однако изменения, наблюдаемые в словарном составе языка, не сводятся лишь к появлению новых, ранее в нем не существовавших слов. В лексике происходит одновременно и обратный процесс — процесс исчезновения из ее состава устаревших слов. Хотя этот процесс не является определяющим в развитии лексики языка, но и он сильно сказывается на облике словарного состава языка и также свидетельствует о его постоянном совершенствовании (Шанский, 1964, 139).

Большинство слов карачаево-балкарского языка, употребляющиеся в современных текстах, появились в языке в разные эпохи, но представляются нам в одинаковой мере современными и нужными. Таковы, например, *суу* «вода», *беш* «пять», *биз* «мы», *адам* «человек», *трактор*, *телефон*, *жангы* «новый» и др. Но в карачаево-балкарской лексике существуют две сравнительно небольшие группы слов, которые отличаются от вышеупомянутых иной степенью современности: 1) слова устаревшие — историзмы и архаизмы: *догерлик* «плетеное приспособление над очагом для просушивания зерна, солода», *ахтигерий* «балаган, кош, покрытый кошмой или шкурами овец и других животных», *чипиятла* (карач.) «туфли на высоких каблуках», *сонгура* «потом» (лит. *сора*) и т. д.; 2) неологизмы: *агрессиячы* «агрессор», *атомчу* «атомщик», *гвардиячы* «гвардеец», *ваучер* и др.

«И архаизмы, и историзмы являются словами устаревшими, т. е. ненужными для данного периода развития языка. Однако в языке есть и более древние слова, которые не считаются архаизмами. Поэтому термин «устаревшие слова» мы принимаем условно, имея в виду ненужные, вышедшие из употребления слова» (Мусабиев, 1960, 26).

Историзмы

Историзмами называются устаревшие слова, обозначающие предметы и явления прошлой общественной, политической и культурно-бытовой жизни. Однако историзмы совсем не ушли из языка и обычно появляются тогда, когда разговор заходит об исторических фактах, значительно отдаленных от нас во времени. Например, сейчас стали историзмами названия из различных социальных прослоек: *кзул* «раб», *жалчы* «батрак, наемный работник», *кзарауаш* «служанка, рабыня (купленная для хозяйки)», *акъсюек* «аристократ, благородный, знатный», *къарахалкъ* «простой люд», *бегенд* «аренда (земли)», *исметчи* «руководитель села», *бегеуол* «низший полицейский чин в сельских местностях; стражник», *гоша* «госпожа», *адурхай* «одна из четырех родовых ветвей в древнем Карачае», *чагъар* «крепостной крестьянин», *ёзден* «свободный общинник»; *чанка* «побочный сын князя и женщины низшего сословия» и др. Но они часто употребляются авторами при описании прошлой жизни: *Бай, айланьп, отуз тогуз кзул бла кзыркъ кзарауаш табады* (Малкъар халкъ жомакъла, II, 224) «Богач, объехав, находит тридцать девять рабов и сорок рабынь»; *Жалчыла бла жарлыла да байлагъа къажай табын бола эдиле* (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 69) «Батраки и бедняки тоже объединялись против богатых». *Кюн бата, элни акъсюек къаууму правленнге жыйылдыла* (Д. Кубанов, Таулада таууш, 219) «К закату солнца группа аристократов села собралась в правлении». *Алайгъа жыйылгъан кзара халкъны тегерегин сауутлу-сабалы атлы стражникле къуршалап эдиле* (С. Шахмурзаев, Танг аласында, 109) «Собравшееся там простолюдие было окружено вооруженными стражниками».

Историзмами являются также слова, связанные с жилищем: *мулжар* «соломенный настил в коше (на нем спали пастухи)», *хырык* «перекладина в сакле», *чырахтан* «подставка для лучины, освещающей жильё», *узгъа* «ручная мельница для проса» и др.; названия средств транспорта: *ханкёшюк* «одноконка», *жыгырык* «деревянное колесо без

спиц», *желкзуш* «жердь над волом от кузова арбы до ярма (чтобы сено при погрузке не ложилось на спину вола)» и т. д.; названия мер: *гёренке* «мера веса в 400 г», *темирли* «мера (ведро для муки, зерна, а также количество муки, зерна, отмеренное ведром)», *аршын* «аршин», *кзычырым* «верста», *кзулач* «обхват» и др.; наименования пищи: *нардыу* карач. «лепешка, испеченная в золе» и др.; слова, связанные с одеждой и обувью: *чуба* «кожаный корсет с деревянными планками» (им девушки затягивали грудную клетку, так как плоская грудь считалась признаком женской красоты), *такъыя* «шлем», *чюйбаш бёрк* «буденовка», *ферде* «чадра, накидка на лицо», *тауат* «ткацкий станок», *чабырла* «чувяки из сыромяти с плетеными подошвами», *бакъыр* «задняя часть чабура с отверстием, держа за которое натягивали чабур на ногу» и т. д. *Шапа жашлагъа бирер гёренке акъ ётмек бла ичлеринде да эт кесеклери болгъан бирер чёмюч шорпа келтирди* (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 377) «Повар принес парням по 400 граммов белого хлеба и по одной миске супа с кусками мяса». *Керим, къара сахтиян тужуркасыны тьюмелерин да эте, бегеуюлню къолуна пашот салынган уллу конвертни тутдурду* (И. Ульбашев, Озгъан кюнле, 30) «Керим, застегивая пуговицы черной кожаной тужурки, вручил стражнику большой конверт с сургучом». *Чырахтанда жукълана башлагъан чыракъчыкъны орунуна жангы чыракъчыкъ жандырып, Ахмат дагъыда къошду* (Д. Кубанов, Таулада таууш, 34) «К потухающей на подставке лучине Ахмат добавил новую зажженную лучину».

Отдельные историзмы — ныне непонятные слова — встречаются только в составе фразеологизмов: *амыры тартыргъа* карач. «желать чего-либо», *сарыуу къайнаргъа* «гореть мезью», *къаншау тюшген* «горный тюльпан», *къабиж ат* «кляча», *зем-зем суу* «целебная вода», *зытчыу аскер* карач. «ополчение, защищавшее Карачай от угона скота, людей», *жебегине къатылыргъа* карач. «разозлить», *мулдушху эт* балк. «разгромить, разбить», *гагай баш* «пустоголовый» и т. д. Выделенные слова в этих примерах становятся понятными лишь благодаря тому, что известен смысл оборотов в целом.

Следует отметить, что некоторые историзмы, которые вышли из употребления сравнительно недавно, входят теперь в активный словарь. Таковы, например, слова: *тёре* «форум», *губерния*, *губернатор*, *жюйюсхан* «господин» и др.

Вместе с тем историзмами становятся табу и эвфемизмы карачаево-балкарского языка. В народе бытуют (и то в

речи узкого круга людей пожилого возраста) только табуистские слова, которые были «изобретены» в далеком прошлом (Бардаев, 1985, 77).

Как известно, табу и эвфемизмы возникли вначале как запрет на религиозной, суеверной основе, с течением же времени они превратились в разного рода обычаи, традиции, почитания. Хотя слова табу и эвфемизм имеют общее значение, заключающееся в замене какого-нибудь имени, они имеют и различия между собой: табу — это запрет, а эвфемизм — замена одних слов другими, более смягчающими (Текуев, 1979, 86).

Примерами табу и эвфемизмов в карачаево-балкарском языке служат названия явлений природы: *кюн тутулду* «солнце затмилось» (букв.: «солнце поймалось»), *ай тутулду* «луна затмилась» (букв.: «луна поймалась»), *тейри къылыч* «радуга» (букв.: «меч тейри»), *атайтмаз* «злой дух» (букв.: «имя которого нельзя произносить») и др; названия домашних и диких животных: *жанлы* «волк» (букв.: «имеющий душу»), *гылмай* «криворогая» (о корове), *кёккёз* «синеглазая» (о собаке) и т. д. Муж и жена не должны были произносить имена друг друга, а обходились словами: *алан* «слушай», *биздеги* «наш (наша)», *бизни сабийлени атасы (анасы)* «отец (мать) наших детей» или названиями местности, откуда они родом: *чегемли* — из Чегема, *бахсанчы* — из Баксана, *хабазчы* — из Хабаза и т. п.— *Юйдегими тутуп кетгендиле,— деди тиширыу.— Ол терстамгъалагъа затмы къатышханды?— деп сорду Лаулан* (И. Гадиев, Эсимдеди, 341) «Мужа моего арестовали,— сказала женщина.— С врагами сотрудничал?— спросил Лаулан». В этом примере табу являются *юйдеги* «муж» и *терстамгъа* «враг».

Строго запрещалось произносить имя бога охоты Апсаты и тех зверей, на которых собирались охотиться. Дикie животные называются общим именем *ажаллы* «смертник». В песне, посвященной богу охоты Апсаты, имя его ни разу не называется, а обращение к нему идет от второго лица, и охотники перед тем, как отправиться на охоту, пели эту песню и просили у Апсаты послать им удачной охоты (Текуев, 1979, 91).

Таким образом, в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, табу и эвфемизмы вначале носили сакральный характер, но постепенно утратили его, превратившись в обозначение обычаев, традиций, пожеланий.

Архаизмы

«Если историзмы — наименования устаревших вещей, явлений, то архаизмы — это устаревшие названия современных вещей и явлений» (Калинин, 1978, 103). В отличие от историзмов, архаизмы имеют синонимы в современном карачаево-балкарском языке.

Стали архаизмами иранские числительные, которыми сейчас пользуются лишь старики и животноводы для подсчета количества мелкого рогатого скота. Употреблялись они парами и четверками: *дууа* «два», *чыпар* «четыре», *ыхсыз* «шесть», *ас* «восемь», *дыс* «десять», *дууардыс* «двенадцать», *чыпардыс* «четырнадцать», *ыркырдыс* «шестнадцать», *ысдыс* «восемнадцать», *энсей* «двадцать», *шпор* «сорок», *удажы* «семьдесят», *сыды* «сто» и т. д. (Грамматика, 1976, 165—166).

Архаизмами являются также старые карачаево-балкарские наименования месяцев, замененные теперь русскими названиями: *башил айы* «январь», *байрам айы* «февраль», *тотурну ачы* «март», *тотурну арт айы* «апрель», *хычауман ай* «май», *Никкола ай* «июнь», *элия айы* «июль», *кзыркъар айы* «август», *кзыркъаууз айы* «сентябрь», *этыйыкъ айы* «октябрь», *абустол айы* «ноябрь», *абустолну арт айы* «декабрь» (С. Шахмурзаев, Таулуно календары, 21—76).

В разряд архаизмов входит большое количество общественно-политических, религиозных, научных и других терминов, которые в свое время были заимствованы из арабского, персидского и других языков, но впоследствии были заменены карачаево-балкарскими, русскими, интернациональными и другими словами. Таковы, например: *дууана* (лит. *ибилис*) «дьявол», *жасакъ* «налог», *мухажир* «эмигрант», *сиясат* «политика», *хурриет* «революция», *синф* «класс», *уруя* (лит. *саудюгерчи*) «торговец-грузин», *адалат* (лит. *тюзлюк*) «справедливость, беспристрастие», *абычар* «офицер», *ийнарал* «генерал», *мухур* «печать (круглая)», *шаркъ* (лит. *кюнчыгъыш*) «восток», *гъарп* (лит. *кюнбатыш*) «запад», *женуб* (лит. *кзыбыла*), *шамшил* (лит. *салкъынлыкъ*) «зонт», *чипиятла* (лит. *бийиктабан туфлиле*) «женские туфли на высоких каблуках» и др.

Архаизмами стали также слова: *жей-* (лит. *аша-*) «кушать, есть», *ёзгер-* (лит. *тюрлен-*) «изменяться», *сонгура* (лит. *сора*) «потом, затем», *бирси* (*ёзге, ёнге*) (лит. *башха*) «другой, иной, остальной», *айгъыр* (лит. *ажир*) «жеребец», *бадыражан* «помидор», *балдыз* (лит. *кичи къайын кзыз*) «свояченица» и др.

Некоторые архаизмы, вышедшие из употребления сравнительно недавно, «вернулись» в активный фонд словаря: *маданият* «культура», *адабият* «литература», *тарых* «история», *шимал* «север» (*Шимал Кавказ* «Северный Кавказ»).

Неологизмы

Противоположным процессу исчезновения слов из языка является процесс появления в нем новых слов, который является определяющим в развитии лексики любого языка. Этот процесс ведет к возникновению в словарном составе языка другого слоя пассивного словарного запаса — неологизмов.

Неологизмы — это слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли в активный словарный запас языка (Шанский, 1964, 156).

Вместе с тем некоторые слова, даже возникшие как языковой факт недавно, стали всеобщими и общеупотребительными и вошли в активный запас языка, поэтому их уже не следует считать неологизмами. Таковы, например, слова: *поезд*, *машина*, *трактор*, *телевизор* и др., а некоторые из них, побывав в активном запасе, превратились в устаревшие слова: *наркомат*, *МТС*, *НЭП* и т. п.

Неологизмы распадаются на лексические и семантические. Лексические неологизмы вошли в словарный состав карачаево-балкарского языка в результате заимствования из других языков, о чем подробно сказано в разделе о заимствовании. Примерами лексических неологизмов являются *диагноз*, *дзюдо*, *гипноз*, *вездеход* и др.

К лексическим неологизмам можно отнести и такие кальки, как *аллахсызлыкъ* «безбожие», *властсызлыкъ* «безвластие», *жарыкъландырыу* «просвещение», *айырыучу* «избиратель», *халкъла аралы* «международный», *айырыула аллы* «предвыборный» и др.

В последнее время в связи с переходом к рынку в карачаево-балкарском языке появилось множество новых слов-заимствований: *акционер*, *амбиция*, *аренда*, *арендачы* «арендатор», *аукцион*, *банкрот*, *бизнес*, *бизнесмен*, *биржа*, *брокер*, *валюта*, *ваучер*, *инвестиция*, *инфляция*, *конверсия*, *конкурент*, *маркетинг*, *приватизация*, *рынок*, *рэкет* и др.

Семантические неологизмы — это новые слова, возникшие в результате изменения старого содержания слова или появления у слова вариантного значения. Примером семантического неологизма может служить карач.-балк. *кюч*, в прошлом обозначавшее «физическая сила». Под влиянием

русского языка это слово приобрело новые значения: «общественная группа» — *патриот кючле* «патриотические силы», «войска» — *саутланган кючле* «вооруженные силы», *аскер-хауа кючле* «военно-воздушные силы» и т. д. Семантическими неологизмами являются также слова: *кьозгьалыу* «восстание», первоначально имевшее значение «возбуждение, раздражение», *шаудан* «то, откуда исходит что-нибудь», первоначально обозначавшее «родник».

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Введение в карачаево-балкарскую фразеологию

К истории вопроса

Начало фразеологической теории было положено в 1909 году Ш. Балли в его «Французской стилистике», однако инициатива этого ученого не была подхвачена другими западными лингвистами, и его учение о фразеологических единицах не получило в их трудах дальнейшего развития.

В отечественном языкознании фразеология изучается с XVIII века, но она рассматривалась преимущественно как объект лексикографии в связи с толкованием значений фразеологизмов и раскрытием их этимологии (Ураксин, 1975, 3). Как самостоятельная отрасль языкознания фразеология оформилась лишь в трудах советских ученых (Виноградов, 1977; Ройзензон, 1965; Ларин, 1956; Ефимов, 1954; Ахманова, 1957; Амосова, 1963; Бабкин, 1964; Тагиев, 1966; Шанский, 1963 и др.).

Всесоюзные и межвузовские научные конференции и совещания по вопросам фразеологии, проведенные в 60—70-е годы в Самарканде, Ленинграде, Баку, Москве, Череповце и Туле, способствовали углублению исследований по данной проблеме.

Значительные успехи достигнуты и в изучении фразеологии тюркских языков. Еще в 1944 году С. К. Кенесбаев защитил докторскую диссертацию на тему «Устойчивые группы слов казахского языка (парные слова, идиомы и фразы)». В дальнейшем С. К. Кенесбаев создал первый толковый фразеологический словарь казахского языка (Алма-Ата, 1977 г.).

С. Н. Муратов в работе «Устойчивые словосочетания в тюркских языках» (М. 1961) впервые подверг сравнительному анализу фразеологизмы главным образом двух тюркских языков — башкирского и татарского.

Теоретические вопросы фразеологии тюркских языков рассматриваются в кандидатских и докторских диссертациях. Такие работы написаны по туркменскому (Бабаев, 1963), уйгурскому (Сайфуллин, 1953), киргизскому (Османова, 1969), тувинскому (Хертек, 1975), якутскому (Нелунов, 1979), узбекскому (Рахматуллаев, 1966), азербайджанскому (Байрамов, 1970), татарскому (Ахунзянов, 1974), башкирскому (Ураксин, 1975) и другим языкам.

Исследователи уделяют большое внимание и переводческой стороне вопроса, в результате чего созданы двуязычные фразеологические словари: русско-татарский (Бурганова, Махмутова, 1959), русско-азербайджанский (Тагиев, 1965), русско-чувашский (Чернов, 1975), тувинско-русский (Хертек, 1975), азербайджанско-русский (Оруджев, 1976) и др.

Исследование фразеологии карачаево-балкарского языка начато в 60-е годы З. К. Жарашуевой, защитившей по этой теме кандидатскую диссертацию (Жарашуева, 1973). Материалы диссертации были опубликованы автором в виде карачаево-балкарско-русского фразеологического словаря (Жарашуева, 1968). Автором приводятся лексические варианты, синонимы и антонимы фразеологизмов, отмечена также их полисемантическая. Переводы фразеологических единиц на русский язык осуществлены эквивалентно и описательно. Употребление фразеологизмов по возможности иллюстрировано цитатами из художественной литературы и фольклора. Словарь следует расценить как первый серьезный шаг в исследовании карачаево-балкарской фразеологии (Умаров, 1970, 125).

В последние годы написано несколько работ по вопросам карачаево-балкарской фразеологии. Одна из них — кандидатская диссертация Башиевой С. К. о стилистическом использовании лексико-фразеологических средств карачаево-балкарского языка Кайсыном Кулиевым и его отражении в русских переводах, отмечая недостатки которых автор подчеркивает, что из 420 фразеологизмов, использованных К. Кулиевым в проанализированных поэтических сборниках, переведены всего 59, что «можно считать довольно значительной потерей для любого мастера слова» (Башиева, 1980, 18).

Фразеологической стилистике карачаево-балкарского языка посвящена еще одна работа С. К. Башиевой. В ней рассматривается проблема эмоциональности, экспрессии и оценочности фразеологических единиц (Башиева, 1984).

В связи с исследованием проблематики словника толковых словарей тюркских языков значительный вклад в изучение карачаево-балкарской фразеологии внес Ж. М. Гузеев. В его монографии на лексикографическую тему имеется обширная глава «Границы и объем фразеологии и ее отражение в толковых словарях» (Гузеев, 1984а, 102—139). Анализируя толковые словари тюркских языков, автор приходит к выводу, что в большинстве из них проблема разграничения фразеологических единиц, парных слов, повторов, сложносоставных глаголов, пословиц и поговорок разрешена неудовлетворительно. Точно так же обстоит дело и с разграничением фразеологической полисемии, омонимии, определением состава и формы фразеологических единиц. Все эти вопросы рассмотрены Ж. М. Гузеевым на высоком теоретическом уровне (Ахматов, 1984, 75).

Проблеме определения границ фразеологии в тюркских языках посвящена и следующая работа Ж. М. Гузеева. В ней автор приходит к выводу о том, что большинство устойчивых словосочетаний по своей семантической структуре представляют собой обычные сочетания, которые, кроме устойчивости, не имеют ничего общего с фразеологическими единицами. Из подобных устойчивых сочетаний только лексически неделимые являются фразеологическими единицами (Гузеев, 1984б, 50).

В 1984 году в Черкесске вышел «Фразеологический словарь карачаевского языка» И. К. Текеева на карачаевском языке. Это издание, включающее около 3000 устойчивых сочетаний, предназначено для учителей карачаевского языка и учащихся старших классов, а также для работников печати.

Многие фразеологизмы карачаево-балкарского языка нашли отражение и переведены на русский язык в «Карачаево-балкарско-русском словаре», вышедшем в Москве в 1989 году.

И, наконец, недавно З. К. Жарашуевой опубликованы «Школьный фразеологический словарь» и «Фразеологический словарь карачаево-балкарского языка». По мнению специалистов, содержащийся в них богатый материал поможет повышению образности и выразительности языка карачаевцев и балкарцев.

О значении фразеологизмов говорили многие ученые. Фразеологические единицы отражают национальную специфику языка, его самобытность. В них ярко запечатлен многовековой исторический путь народа, его богатый трудовой опыт. «Фразеологические выражения украшают на-

шу речь и язык художественных произведений, придавая им блеск остроумия и экспрессии», — так оценил фразеологию известный монголист Т. А. Бертагаев (Бардаев, 1985, 129). Всестороннее изучение фразеологической системы языка позволяет нам «глубоко вникнуть в сложную и разнообразную жизнь устойчивых сочетаний слов, иметь представление об их основных структурно-семантических и стилистических разрядах, знать их происхождение и особенности функционирования, объективно и правильно оценивать творческие поиски писателей и публицистов и т. д.» (Шанский, 1963, 5).

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Основные признаки фразеологической единицы и объем фразеологии

Спорным и нерешенным остается вопрос об объекте фразеологии и критериях выделения фразеологической единицы. Существующие разногласия при определении фразеологического фонда можно объяснить не только противоречивостью самого явления, но и субъективным подходом отдельных исследователей, которые преувеличивают значение одного какого-либо признака и недооценивают другие признаки фразеологической единицы, что в конечном итоге ведет к расширению или сужению границ фразеологии. Трудность выделения границ фразеологической единицы объясняется еще и тем, что фразеология имеет те или иные точки соприкосновения со словообразованием, лексикологией, грамматикой (Наурузбаева, 1972, 35). В этом поистине загадочном мире фразеологии, как определяет его О. Есперсен, «деспотически капризной и неуловимой вещи», существует еще много спорных вопросов (Ганиев, 1975, 10).

Л. А. Булаховский не включает в понятие «фразеологизм» неразложимые в структурном и смысловом отношениях устойчивые словосочетания, т. е. идиомы, выделяя идиоматические словосочетания в особую группу (Булаховский, 1954, 32—33).

А. И. Ефимов относит к фразеологическим средствам языка идиомы, поговорки, пословицы, афоризмы писателей, устойчивые формулы и обороты научно-технического характера, некоторые канцелярские штампы и т. п. (Ефимов, 1957, 273—274).

Н. М. Шанский под фразеологической единицей понимает языковую единицу, целостную по своему значению и устойчивую в своем составе и структуре. Вместе с тем он считает, что компоненты фразеологического оборота должны быть ударными (Шанский, 1963, 21).

Как отмечает А. И. Молотков, отдельные ученые, выступая за широкое понимание объема фразеологии, называют фразеологизмами русского языка словосочетания типа *толстый журнал, раннее утро, нервное лицо, понурить голову* и т. п., а также отдельные слова, например: *галиматъя, сумбур, тарабарщина, чушь* и т. п., именуемые «однословными идиомами» (Молотков, 1986, 7). Отдельные слова зарегистрированы как фразеологические единицы и в словарях тюркских языков, например: кумык. *болду!* «конечно!, решено!», *акълар* «белые, белогвардейцы»; кирг. *жогол-* «убирайся вон!»; казах. *карашыгым* «мой милый»; туркм. *яшасын* «да здравствует!» (Гузев, 1984а, 104).

Широкое понимание объема фразеологии считают правильным и некоторые тюркологи (Сайфуллин, 1953; Муратов, 1961; Ахунзянов, 1974 и др.).

Сторонники узкого понимания границ фразеологии (Виноградов, 1977; Бабкин, 1964; Амосова, 1961; Жуков, 1978; Тагиев, 1966; Рахматуллаев, 1966; Байрамов, 1970 и др.) включают в нее только фразеологические сращения, единства и сочетания.

Необходимо выявить основные категории, которые могли бы послужить показателем категориальных свойств фразеологических единиц и помогли бы выделить их в системе сходных с ними явлений языка (Ураксин, 1975, 10). Для этого следует сопоставить фразеологизмы с лексическими единицами, а также различными словосочетаниями.

Фразеологизм и слово

По своей номинативной функции слово и фразеологизм в основном совпадают. Они имеют общие признаки: лексическое значение и грамматические категории. Наличие у фразеологизма лексического значения доказывается не только тем, что он может быть истолкован, но и тем, что фразеологическая единица и слово могут быть соотнесены по своим лексическим значениям как синонимы (Гузев, 1984а, 103), например: *кечеди, кюндю демей* — терк «быстро», *салам мидел кибик* — кёп «много», *от тюшгенге баргъан кибик* — *ашыгъышлы* «торопливо», *къой ауузундан чёп юзмеген* — *тынч* «смирный», *кёз-кёулакъ болургъа* — *къайгъырыргъа* «заботиться».

Исследователи указывают на семантико-грамматические признаки, общие для слова и фразеологической единицы (Кирсанова, 1961; Наурузбаева, 1972, 50). Фразеологические единицы, как и слова, обозначают явления действительности, могут выражать предметность или состояние, признак, обстоятельственные понятия и соответственно быть эквивалентом существительного: *Ма бу баргъан кибик минг адамдан эсе, Семённу ауузундан чыктыгъан жели кёп да игиди* (Аппаев Х., Къара кюбюр, 153) «Во много раз лучше слово Семена, чем тысяча таких людей, как вот этот проходящий»; глагола: *Старшина бюгюн жан жанын ашай эди* (Байрамукова Х., Чолпан, 72) «Старшина сегодня сильно ругал всех вокруг»; наречия: *Кёзню жумуп ачхынчы командирни буйругъу бла тёртюшер болуп тизилишдиле* (Хубиев О., Аманат, 3, 25) «По приказу командира мгновенно построились по-четыре».

Так же, как и слово, фразеологизм выполняет различные синтаксические функции в предложении. Он может быть подлежащим: *Бизде бир къауум май жюреклиле иги адамы жерге жутдургъунчу тынчлыкъ тапмайдыла* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 280) «У нас не находят покоя некоторые высокопоставленные люди, пока не уничтожат хорошего человека»; сказуемым: *Бир заманда ачыуум бурунума чанды* (М. Шаваева, Кечерлеми?, 56) «Вдруг я сильно рассердилась»; второстепенным членом: *Энди уллу сууну боюнунда уа бизни къартны арбазы жылан жырмаз ханс болгъанды* (К. Коркмазов, Горда бычакъ, 2, 103) «Теперь двор нашего старика на берегу большой реки зарос густой травой».

К внутренним семантическим признакам фразеологических единиц, сближающих их с простыми словами, можно отнести возможную омонимичность фразеологической единицы свободному словосочетанию, а также многозначность и способность входить в синонимические и антонимические ряды.

В структурном плане основным отличительным признаком слова признается то, что слово — единица «цельно-оформленная», а фразеологическая единица «раздельно-оформленная» (Гузеев, 1984а, 103). Раздельнооформленность фразеологизмов проявляется в том, что: 1) они допускают дистантное расположение компонентов. Например: *Чотайны молкюню артына не кюрешип да чыгъаллыкъ туюлюбюз* (Х. Эбзеев, Къанаматны журтунда, 55) «Израсходовать имущество Чотая нам не удастся, как бы ни старались». 2) Частично могут менять свой лексический состав: *Алан, юй бирге замандача узала турма, мында*

бёрюча сермеп, кэушча жутмасанг боллукъ туйюлдю (О. Хубиев, Аманат, 1, 27) «Не ешь как при общем доме, здесь надо есть как волк» (вместо *бёрюча кэабып кэушча жутаргэа*).

Семантический объем фразеологической единицы и слова не совпадает. Если наложить значение фразеологизма на значение слова, то остается так называемый «семантический остаток» (Пазов, 1982, 147). Например, фразеологизмы карачаево-балкарского языка *жаннган отдан юлюш алгъан* (букв.: «берущий долю из горящего огня»), *аягты басханны кёзю кёрмей* (букв.: «глаз его не видит, как ступает его нога»), *бармагтындан бал тамгъан* (букв.: «из пальца его капает мёд»), *баиша баргъан* (букв.: «идущий по голове») имеют значения соответственно «очень храбрый», «с быстротою невероятной», «имеющий большое мастерство по рукоделию», «легко бреющий волосы на голове», которые шире значений слов, синонимичных с ними: «отважный», «быстро», «умелый», «острый».

Здесь следует говорить не об эквивалентности значения фразеологической единицы значению слов, а о соотносительности значения фразеологизма со значением слова. Но и соотносительностью своего значения со значением слова обладают далеко не все фразеологические единицы. Значения многих фразеологизмов карачаево-балкарского языка нельзя передать одним словом, например: *баиын кэашыргэа да бошамайды* (букв.: «нет времени даже почесать голову»), *бахчасына таи атаргэа* (букв.: «кинуть камень в его огород»), *бир аууздан* (букв.: «из одного рта»), *кэоз ктабугэуна жыяргэа* (букв.: «собрать в скорлупу ореха») и др.

Следовательно, этот критерий нельзя считать основным при установлении объема фразеологии.

Таким образом, в любом языке имеются лингвистические единицы трех уровней, это: морфемы, состоящие из звуков (не являющихся значимыми единицами языка); слова, состоящие из морфем; фразеологизмы, состоящие из слов-компонентов. Самой простой, элементарной формой лингвистической единицы является морфема, слово представляет собой лингвистическую единицу среднего уровня, фразеологизм является единицей высшего, более сложного разряда по отношению к двум предшествующим разрядам лингвистических единиц (Емузов, 1986, 12).

Фразеологическая единица и свободное словосочетание

Ни по одному из категориальных признаков фразеологизм не соотносится со свободным словосочетанием, которое, как известно, является соединением двух и более знаменательных слов, служащим для выражения единого, но расчлененного понятия или представления (Ахманова, 1966, 426).

Свободное словосочетание состоит из полных слов. Например: *бийик тау* «высокая гора», *китан окъуйду* «читает книгу», *исси шорпа* «горячий суп», *терк чабаргъа* «бежать быстро» и др. От них фразеологические единицы отличаются тем, что во фразеологизмах компоненты не могут считаться полными, потому что они настолько «оторвались» от своих первоначальных конкретных значений, что в синхронном плане не чувствуется участие их в образовании общего значения идиом (Нелунов, 1981, 23). Таковы, например, фразеологизмы: *амыры тартыргъа* «иметь охоту (что-либо делать)», *сарыуу къайнаргъа* «ревностно желать (чего-то)», *тункеси юзюлген* «изможденный, изнуренный» и др.

Исследователи считают, что фразеологизм может соотноситься с словосочетанием лишь генетически, то есть по своему происхождению. Фразеологические единицы возникают и развиваются в языке путем переосмысления конкретных словосочетаний (Молотков, 1986, 9). Это связано с тем, что свободные словосочетания употребляются по тем или иным причинам в иной речевой ситуации и, приобретая переносное значение, целиком переходят в разряд фразеологизмов, о чем свидетельствует наличие и в современном карачаево-балкарском языке для многих фразеологизмов их прототипов, то есть таких словосочетаний, к которым они генетически восходят, например: *аллына бир къараса*, *артына беш къараучу* «предусмотрительный» (букв.: «такой, что если один раз смотрит вперед, то пять раз смотрит назад»), *исси къандырыгъа* «нанести удар» (букв.: «заставить куснуть горячего»), *жерге къаратыргъа* «опечалить» (букв.: «заставить смотреть в землю»), *адам къатында ёсмеген* «невоспитанный» (букв.: «не росший около людей» и т. д.).

Свободные словосочетания характеризуются невоспроизводимостью, так как они создаются в процессе речи каждым говорящим по своему желанию в соответствии с потребностями выражаемых им понятий. После завершения

акта речи свободные словосочетания в памяти не сохраняются в том виде, в каком они высказаны.

Общее значение свободного словосочетания складывается из значений каждого его компонента. Например, словосочетание *улли юй* «большой дом» разделяется на слова *улли* «большой» и *юй* «дом». Таким образом, свободные словосочетания обладают признаками членимости формы и членимости содержания.

Модель свободных словосочетаний принадлежит языку, материал, которым наполняется эта модель, принадлежит речи. У фразеологизмов же структурная модель и его лексическое наполнение принадлежат языку (Апресян, 1957, 13). Например, свободные словосочетания: прилагательное+имя существительное: *базыкъ томуроу* «толстое бревно», *семиз къой* «жирная овца», *жашил кырдык* «зеленая трава»; имя существительное+глагол: *сют ичерге* «пить молоко», *юй ишлерге* «строить дом»; наречие+глагол: *терк чабаргъа* «быстро бежать», *ёрге къараргъа* «смотреть вверх» и др. и фразеологические единицы: *кёзюне илинирге* «быть примеченным» (букв.: «прицепиться к глазу»): *Къыз эфендини кёзюне илингенди* (Малкъар халкъ жомакъла, т. 1, 126) «Священник заметил девушку»; *кёлю улли болургъа* «заснаваться» (букв.: «настроение станет большим»): *Фермада ким кёп сауады деп сорсанг, кесини да кёлю улли болмасын, ёзге мен Таужанны кёргюзтюрюкме* (О. Хубиев, Аманат, 2, 75) «Если спросишь, кто наданвает на ферме больше, пусть она не знается, но я назову Таужан»; *мыйыкъ тюбюнден кюльорге* «злорадствовать» (букв.: «смеяться из-под усов»): *Шыйых мыйыкъ тюбюнден кюлюп айланады* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 233) «Шейх ходит и злорадствует»; *сёз тауусургъа* «договориться о чем-нибудь» (букв.: «закончить слово»).

Одним из критериев свободного словосочетания является лексическая сочетаемость. Сочетаемость слов, вступающих в свободные словосочетания «соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира» (Виноградов, 1953, 12). Например, словосочетания *базыкъ жел* «толстый ветер» и *къызыл къумач* «красная ткань» не отличаются друг от друга по тем формально-грамматическим средствам, с помощью которых они образованы. Но первое словосочетание представляет собой несовместимое понятие и потому логически лишено смысла. Недопустимость подобных словосочетаний обуславливает лексическая сочетаемость.

Свободное словосочетание отличается от фразеологических единиц еще тем, что слова, составляющие его, обо-

значают конкретизированное понятие. Слово, обозначающее понятие вообще, попадая в словосочетание, конкретизируется. Например, глагол *къазаргъа* в значении «копать» обозначает только копку, а в словосочетании *картоф къазаргъа* глагол конкретизируется — «копать картофель». Компоненты же фразеологизма не выражают конкретизированного понятия, иначе он не имел бы целостного понятия. Например, во фразеологической единице *аягъы жерге жетмей* «очень быстро» (букв.: «ногой не касаясь земли») отсутствует такая конкретизация. Дело в том, что конкретное значение компонентов фразеологизма растворяется в значении всего выражения, означающего «очень быстро» (Нелунов, 1981, 27). Такое же явление наблюдается в фразеологических единицах: *баш тутаргъа* «содержать себя, жить своим трудом» (букв.: «держатъ голову»), *жанындан тойдуругъа* «надоедать кому-либо», *сёз къапчыкъ* «краснобай, болтун» (букв.: «сумка слов»), *тапсанг къойма* «ищи-свищи», «ищи ветра в поле», «и был таков» (букв.: «если найдешь, не оставляй»), *эки аягъын бир уюкъгъа сугъарга* «поставить кого-либо в безвыходное положение» (букв.: «заставить сунуть обе ноги в один валенок») и др.

Еще одной особенностью фразеологических единиц является их воспроизводимость. Если в свободных словосочетаниях слова, соединяясь в соответствии с правилами грамматики, могут каждый раз изменяться, то фразеологические единицы ввиду своей устойчивости и смысловой целостности используются в речи как готовые единицы.

Синтаксическая нечленимость компонентов, воспроизводимость в речи всегда в одной и той же форме, общность внутреннего содержания — это основные признаки, позволяющие относить фразеологизмы к лексическому фонду языка.

Вместе с тем, ввиду утраты компонентами фразеологической единицы признаков самостоятельности, иногда может быть опущено одно из слов, входящих в фразеологизм, отчего значение выражения в целом не изменяется. Например: *ичинде от къазанла къайнаргъа* «быть взвинченным, возбужденным»: *Ичимде къазанла къайнатып турама* (М. Байчоров, Уллу Карачайда, 187) «Нахожусь в взвинченном, возбужденном состоянии». В свободных словосочетаниях подобные пропуски слов почти невозможны, ввиду того что они состоят из однозначных слов, отражающих реальные отношения в действительности, и поэтому изменяется семантика словосочетания.

В карачаево-балкарском языке, кроме фразеологизмов, к устойчивым словосочетаниям относятся: пословицы, по-

говорки, составные термины и аналитические формы глаголов. Рассмотрим их отличия от фразеологических единиц.

Пословицы, поговорки и фразеологические единицы

Пословицы и поговорки имеют ряд признаков, которые сближают их с фразеологическими единицами. Поэтому некоторые ученые (Кенесбаев, 1944; Муратов, 1961; Сайфуллин, 1953; Ахунзянов, 1974; Архангельский, 1962; Шанский, 1964 и др.) включают пословицы и поговорки во фразеологию. Другие авторы (Молотков, 1986; Байрамов, 1970; Наурузбаева, 1972; Телия, 1966 и др.) считают неправильным рассматривать пословицы и поговорки в одном ряду с фразеологизмами. Представляется более правильной точка зрения третьей группы ученых (Бабкин, 1968; Жуков, 1967; Ураксин, 1975; Жарашуева, 1973; Даибова, 1973; Ализаде, 1979; Хертек, 1978), которые считают, что отдельные пословицы и поговорки могут быть включены во фразеологию.

В карачаево-балкарском языке пословицы и поговорки имеют общее название *нарт сёзле*, что обозначает «древние, старинные слова, речения». Они имеют общее название и в некоторых других языках: в абазинском *ажважв* «старые слова», в кабардинском *псалъэжыхэр* «старые речения» и т. д. В связи с этим В. М. Мокиенко пишет: «Факт исторической связи пословицы и фразеологизма известен давно, что, в частности, отражается и в традиционной недифференцированности употребления терминов «пословица» и «поговорка» во многих языках» (Мокиенко, 1980, 92).

Если взять пословицы *сылхыр кэой ардан юркюр* «овца, больная вертячкой, шарахается после всех», *эшекни не кэадар туюсенг да ат болмаз* «сколько ни бей осла, он не станет лошастью», *тауну махта да тюзню ал* «хвали гору, но бери равнину» и др., то есть в них нечто общее с фразеологическими единицами. Это общее заключается в том, что пословицы, как и фразеологизмы, являются воспроизводимыми единицами языка, вносятся в речь в готовом виде и употребляются в иносказательном смысле (Ураксин, 1975, 19). В ряде случаев у пословиц, как и у фразеологических единиц наблюдается аллитерация. Таковы, например, пословицы: *сокзур суйген — сау кёз* «у слепого желание — здоровые глаза», *тойну кюцю бла тон битер* «благодаря предстоящей свадьбе шуба сошьётся», *тамблагзы тауукъдан бюгюнню жумуртха игиди* «лучше сегодняшнее

яйцо, чем завтрашняя курица» и фразеологизмы: *тёгерек той тутаргъа* «провести большое торжество», *жер жутханча* «как-будто сквозь землю провалился», *сокъур сатыу* «кота в мешке продавать». По мнению А. П. Квятковского, «такие признаки, как стихотворный размер, рифма, аллитерация, параллелизм, позволяют думать, что пословица является фрагментом, стихом, строкой из забытого произведения и удержалась она в народной памяти благодаря острой мысли, выраженной в особо удачной лаконичной форме (1966, 220).

Однако между пословицами и фразеологическими единицами немало существенных различий. Вот некоторые из них.

Пословица всегда выражает суждение, например: *юйюм деген юйю тенгли таш кётюрюр* «кто заботится о своем доме, поднимает камень, равный дому», *капекни тергемеген — капек багъасы туйюлдю* «кто копейку не считает, тот копейки не стоит», тогда как фразеологическая единица выражает понятие: *бир тилли болургъа* «договориться», *къара таныгъан* «грамотный», *къолу бек* «жадный, скупой» и т. д.

Вместе с тем в отличие от фразеологизма, который имеет всегда иносказательный смысл, классическая пословица двупланова, т. е. имеет «одновременно прямой план содержания высказывания, точно соответствующий значению слов, образующих ее, и иносказательный план содержания высказывания, совсем не соответствующий значению слов, образующих пословицу» (Молотков, 1986, 15). Например, пословица *башы ачыкъ суугъа кир кеп тюшер* имеет, кроме прямого значения «не закрытая крышкой вода становится грязной» и переносное: «беззащитный человек чаще подвергается нападкам».

В отличие от фразеологизмов, пословицы представляют собой предложения, которые различаются семантически и синтаксически. Таковы пословицы: *таукел бир чабар, арсар а эки чабар* «смелый за один раз делает дело, несмелый — за два раза»; *жокълукъ талашдырыр, барлыкъ жарашдырыр* «необеспеченность вызывает ссоры, обеспеченность мирит»; *башда акъыл болмаса, эки аякъгъа кюч жетер* «если в голове нет ума, то страдают ноги».

Первые две пословицы представляют собой сложносочиненные предложения, а третья является сложноподчиненным. Они и семантически и синтаксически разложимы. Все компоненты их употреблены в прямом значении.

Если фразеологизм в предложении функционирует в качестве какого-либо его члена, то пословица превращает

простое предложение в сложное: — *Ёлген эшек бёрюден кьоркьмайды, бизни комендантларынг бла кьоркьутма* (О. Хубиев, Аманат, 3, 223) «Мёртвый осел волка не боится, не пугай нас своими комендантами». Чаще всего в авторском повествовании пословица вносится в речь посредством вспомогательного глагола *де-* «говорить, сказать»: *Кёзден кетген кёлден кетер дегенлей, сен адамны женгил унута кёреме* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 199) «Кто с глаз уходит, тот и из сердца уходит, говорят, так и ты, оказываешься, быстро забываешь человека»; *Жууап жазсанг, кимни кьайгъысын да кьоюп, урушда кесинги сакълап жюрю деп кьаты айта тур, кесин сакълагъанны аллах да сакълайды деп сёз барды* (Д. Кубанов, Эки заман, 3, 256) «Когда будешь отвечать на его письма, предупреждай, чтобы он прежде всего берег себя, кто себя бережет, того и бог хранит, говорят». *Къыркъ киши бир жанына, кьыйсыкъ киши бир жанына дегенлей, кьыйыгъына тартып тургъан болмаса, дохтурну атын эшитирге да унамайды* (А. Эбзеев, Махти, 116) «Сорок человек в одну сторону, кривой человек в другую сторону, говорят, так и он только и тянет в кривую сторону, а о враче и слышать не хочет».

В отличие от фразеологизмов, как пишет А. Н. Кожин, пословицы — это синтаксически разложимые выражения. Связи лексически самостоятельных членов пословично-поговорочных выражений воспринимаются как мотивированные, как живые, «осознанные» отношения между самостоятельными членами высказывания (1965, 82).

И если подлинные фразеологические сочетания могут быть «и семантически, и синтаксически равнозначны словам (почему фразеология и может считаться частью лексикологии!), то о пословицах этого сказать нельзя» (Калинин, 1978, 191).

Фразеологические единицы нередко входят в состав пословиц. Некоторые исследователи рассматривают это явление одним из источников происхождения фразеологизмов (Мокиенко, 1980, 93). Примеры карачаево-балкарских пословиц, содержащих в своем составе фразеологизмы: *биреу ауузу бла суу ичсе, биреу буруну бла суу ичмез* «если один пьет воду ртом, то другой не будет пить воду носом»; *ахшылыкъны жүрек жылытхан бетден изле* «добраищи от согревающего сердце лица (т. е. от человека с добрым лицом)»; *ичи кьуру чертлеуюк да болсун, атынгы тапсынла ансы* «пусть даже дарят пустой орех, лишь бы без внимания не оставили»; *ичи болмагъан итлени суугъа сюрюр* «тот, кому нечем заняться, поведет собак на водопой»; *ич эте билмеген кьыз юйде къалыр* «дешушка, не

умеющая приготовить еду из внутренностей животного, останется дома»; *махтанчакъ адам кеси кесини эшигин жабар* «хвастливый человек сам себя погубит»; *эчкиге аман кюн келсе, бёрюге ана къарындаш дер* «коза, попавшая в беду, назовет волка дядей» и т. д.

Поговорка по своему внешнему оформлению (в частности, по количеству своих составных элементов) относительно ближе стоит к фразеологизмам, чем пословица (Кенесбаев, 1954, 9). Она структурно организована тоже как предложение. Например: *жатхан бёрю токъ болмаз* «лежащий волк сытым не будет», *жаш кёргенин унутмаз* «молодой не забывает увиденного», *кыыш азыгъынгы жай жый* «еду на зиму собирай летом», *халал кыыйынын ашагъанны халкъ да сюер* «того, кто ест честно заработанное, и народ полюбит» и др.

У разных авторов в определении поговорки имеются существенные различия. Например, Д. Н. Ушаков (1939) и составители словаря русского языка (СРС, 1987, III, 167) подчеркивают иносказание как обязательный признак поговорки, тогда как, по мнению А. И. Молоткова (1986, 16), классически правильная поговорка передает только прямой смысл содержания высказывания. Поэтому неслучайно, что выражения, отраженные у других авторов как поговорки: *ни пава, ни ворона* (Ахманова, 1966, 328), *семь пятниц на неделе, положить зубы на полку, когда рак свистнет* (СЭС, 1979, 1030) включены во фразеологический словарь как фразеологизмы (Молотков, 1986).

Занимая промежуточное положение между пословицами и фразеологизмами, поговорки частично включены во фразеологические словари карачаево-балкарского языка. Например: *тауукъну этине кёре шорпасы* «по курятине и бульон», *байлыкъ кюн тууушда къар кибикди* «богатство расходуется быстро» (букв.: «богатство — снег на солнышке») и др. (Жарашуева, 1968), *бёрю къартлыгъында жубуранчы болур* «волк в старости охотится за сусликами», *бир жылгъа къоян тери да чыдайды* «один год выдержит и кроличья кожа», *жууургъанынга кёре аягъынгы узат* «по одежке протягивай ножки» и др. (Текеев, 1984).

Вместе с тем многие фразеологические единицы попадают в сборники как поговорки. Например: *сютге дугъум атханлай* «как смородинки в молоке (о красивых глазах)», *ары оракъ, бери чалгъы* «туда серп, сюда коса (о непостоянном человеке)», *ауузу — оймакъ, къарыны — тулукъ* «рот — наперсток, живот — мешок (о человеке, который много ест)», *ауузу блок къуш тута* «языком ловит орла (о хвастливом человеке)», *кыындан чыкъгъан кыылышча* «как сабля,

вынутая из ножен», *кёкден кесеу сермеген* «хватаящий горящие поленья с неба», *аууздан чечен, кьолдан — бечел* «языком мастер, а руками — неумелый» и др.

Исследователь якутского фольклора Н. В. Емельянов пишет, что якутские поговорки так же, как и пословицы, имеют переносный смысл, хотя и не столь широкий, как пословицы (1962, 4). Следует отметить, что переносный смысл имеют и некоторые карачаево-балкарские поговорки. Например: *ашаса да бёрю, ашамаса да бёрю* «задрал не задрал — все равно волк» (говорят, когда винят невинного); *къызы бир аягъы босагъада* «девушка одной ногой на пороге стоит» (т. е. вот-вот замуж выйдет).

Вслед за А. И. Молотковым (1986, 16) и А. Г. Нелуновым (1981, 33) нам представляется, что главное различие пословиц и поговорок лежит в их семантике. В отличие от пословиц, многие поговорки карачаево-балкарского языка имеют только прямой смысл. Например: *аман тенг тешикли тон кибикди* «плохой друг словно дырявая шуба», *ат кишнеп танышыр, адам сёлешип танышыр* «кони знакомятся ржанием, люди — беседой», *къызы минг тилер да биреу алыр* «девушку сватает тысяча человек, а женится на ней один», *эгиз тууса, ушаш болур* «близнецы бывают схожи», *эринчек тюшге дери жукълар, ингирге дери эснер* «ленивый спит до обеда, зевает до вечера» и др.

Таким образом, для отнесения той или иной поговорки к фразеологии необходимо выработать дифференцированный подход (Фелицина, 1964; Ураксин, 1975, 20; Гузеев, 1984, 124).

Составные термины и фразеологические единицы

Фразеологические единицы и составные термины сходны между собой по двум признакам: по воспроизводимости и целостности в семантико-грамматическом отношении. Вместе с тем терминологические сочетания отличаются от фразеологизмов номинативной функцией, статичностью и узкой направленностью семантики, отсутствием экспрессивно-эмоционального момента. Составные термины стилистически в основном нейтральны, они не допускают изменения местоположения компонентов, их состав всегда постоянен, тогда как фразеологические единицы имеют синтаксические и лексические варианты (Хертек, 1978, 26).

В карачаево-балкарском языке имеется два разряда составных терминов: а) составные термины, мотивация значений которых ясна, например: *ядро сауут* «ядерное оружие», *космос кенгликле* «космическое пространство»,

кюзлюк сабан «озимь», айырыу участка «избирательный участок», аякъ кийим «обувь», бел бау «пояс», сабан агъач «плуг», къара будай «рожь», сют баш «сметана», къара нанькъ «ежевика» и т. д.; б) составные термины, мотивация значений которых частично утрачена, например: кёчер агъач «ось», кисуу таракъ «деталь ткацкого станка», къой чыпчыкъ «дрозд» (букв.: «овечий воробей»), тюе къуш «страус» (букв.: «верблюдо-орел»), къырым тауукъ карач. «индюк, индюшка» и т. д.

По вопросу о соотношении составных терминов с фразеологическими единицами в языкознании существуют три точки зрения. Одна группа ученых (Ахманова, 1957; Киреева, 1960; Береснев, 1960 и др.) относят составные термины к фразеологическим средствам языка. Их мнение поддержано составителями толковых словарей большинства тюркских языков, в которых составные термины даются за знаком ромба вместе с фразеологизмами (Гузев, 1984, 111).

Вторая группа авторов (В. В. Виноградов, В. П. Жуков, Н. Н. Амосова, Н. М. Шанский, С. И. Ожегов, Ч. Г. Сайфуллин и др.) относит составные термины, обладающие идиоматичностью, к категории фразеологических единиц.

Авторы третьей группы (Я. Ш. Хертек, 1978, 25; С. Т. Наурузбаева, 1972, 45 и др.) считают, что терминологические сочетания вообще не могут быть отнесены к фразеологизмам. Нам представляется более правильной точка зрения авторов второй группы, считающей часть составных терминов фразеологическими единицами.

В карачаево-балкарском языке терминологические сочетания создаются по-разному. Одни из них образуются путем калькирования из русского языка, например: жумушакъ белги «мягкий знак», орта билим «среднее образование», къатылыкъны жумушатыу «разрядка напряженности», жарым шар «полушарие», сауутланган кючле «вооруженные силы» и т. д. Другие возникли разными путями на карачаево-балкарской основе, например: бийче къол «название растения» (букв.: бийче «княгиня» + къол «рука»), ит бурун «шиповник» (букв.: ит «собака» + бурун «нос»), тюлкю къуйрукъ «тысячелистник обыкновенный» (букв.: тюлкю «лиса» + къуйрукъ «хвост»), жюрек аууз «область сердца», «грудь» (букв.: жюрек «сердце» + аууз «рот; ущелье») и др. Последняя группа составных терминов свидетельствует о том, что в карачаево-балкарском языке немало терминологических сочетаний, которые воз-

никили на основе образного значения, семантически неделимы и поэтому относятся к фразеологии (Гузеев, 1984, 113).

По мнению А. И. Молоткова (1986, 16), слова, составляющие терминологические словосочетания, не утрачивают признаков слов. И как любые словосочетания они могут стать прототипами фразеологизмов.

Аналитические глаголы и фразеологические единицы

Аналитические глаголы тюркских языков представляют сочетание основного компонента, выраженного знаменательным словом, и спрягаемой формы вспомогательного глагола.

К вспомогательным глаголам в карачаево-балкарском языке относятся: *ал-*, *айт-*, *ат-*, *башла-*, *бер-*, *бол-*, *тарт-*, *тий-*, *эт-* и др.

Четкую грань между аналитическими глаголами и фразеологическими единицами не всегда удается установить. Поэтому в словарях некоторых тюркских языков они часто смешиваются (Гузеев, 1984, 109).

Сходство между глагольными фразеологизмами и аналитическими глаголами заключается в том, что как те, так и другие могут быть эквивалентами слов. Например: *арсар бол-* — *арсарлан-* «поколебаться, проявить нерешительность», *сагъыш эт-* — *сагъышлан-* «подумать, задуматься», *азат эт-* — *азатла-* «освободить от неволи», *салам бер-* — *саламлаш-* «здороваться», *жууап эт-* — *жууапла-* «отвечать» и т. д.

Различия между аналитическими формами глагола и фразеологическими единицами кроются в характере лексико-грамматического отношения между их компонентами (Ураксин, 1975, 17). В большинстве аналитических глаголов семантика словосочетания в целом складывается из смыслового содержания этих компонентов, например: *айтып башла-* «начать говорить», *соруп айлан-* «беспреданно спрашивать», *айтып кёр-* «попробовать сказать», *сууукъ бол-* «замерзнуть» и т. д. Такие словосочетания не относятся к фразеологии.

К сфере фразеологии можно отнести аналитические глаголы, в которых именной компонент имеет фразеологически связанное значение, т. е. как самостоятельная лексическая единица без вспомогательных глаголов в данном значении не употребляется: *амыры тартды* «захотел», *къаст*

эт- «стараться изо всех сил», тесукъа эт- «мешкать; медлить», табу эт- «хотеть», мукъут бол- «побежать стремглав». Примеры: Гитлерчи аскерле аэродромну къурутургъа къаст этип кюрешедиле (Геттуев М., Жюрекле бла алтын къолла, 146) «Гитлеровские войска стараются изо всех сил уничтожить аэродром»; Бек табу этип да ишлерик эдим (Хубиев О., Аманат, 1, 9) «Я бы работала с удовольствием»; Ибрагим баш энишге айланьп, мукъут болуп къачьп кетди (Аппаев Х., Къара кюбюр, 48) «Ибрагим, повернувшись вниз, побежал стремглав».

К фразеологизмам можно отнести и аналитические глаголы, первый компонент которых употребляется в переносном значении, и словосочетание в целом приобретает то же значение, например: *мыллык ат-* «наброситься» (букв.: *мыллык* «туша», *ат-* «бросать»), *жан ат-* «сильно увлечься» (букв.: *жан* «душа», *ат-* «бросать»), *кюл-кёмюр эт-* «уничтожить» (букв.: *кюл* «зола», *кёмюр* «уголь», *эт-* «делать»), *баш тут-* «жить; уметь жить» (букв.: *баш* «голова», *тут-* «содержать»), *кюн кёр-* «зажечь» (букв.: *кюн* «солнце», *кёр-* «видеть») и др.

Таким образом, основным различием между аналитическим глаголом и фразеологизмом является наличие переносного значения словосочетания.

Парные слова и фразеологические единицы

К устойчивым относятся и разнообразные парные сочетания, называемые в тюркологии парными словосочетаниями или парными словами. В некоторых словарях тюркских языков многие парные слова отражаются как фразеологизмы. Например, в «Киргизско-русском словаре» (1965) к фразеологии отнесены киргизские парные слова: *ай-асман* «небесная высь», *ачыкъ-айрым* «открыто явно», *алды-берди* «взаимные расчеты», *алар-албас* «нестоящая вещь» и др. С. Т. Наурузбаева (1972, 70—71) фразеологизмами считает парные слова каракалпакского языка: *айында-жылында* «очень редко» (букв.: «в месяц, в год»), *анда-санда* «изредка, иногда» (букв.: «там-сям»), *бас-аягы* «всего лишь» (букв.: «голова-ноги его»).

По мнению З. Г. Ураксина (1975, 17) и Ж. М. Гузеева (1984, 107), парные слова нельзя считать фразеологическими единицами.

Часть парных слов имеет метафорическое значение, например: *жаным-тиним* «самое дорогое для меня» (букв.: «душа моя — плоть моя»), *жаным-кёзюм* «дорогой» (букв.

«душа моя — глаз мой»), *юс-баш* «верхняя одежда, внешность» (букв.: *юс* «одежда», *баш* «голова») и др. Такие языковые единицы рассматриваются как составные слова, компоненты которых и семантически, и интонационно неотделимы друг от друга, всегда имеют одинаковое грамматическое оформление, т. е. они превратились в отдельное слово (Ураксин, 1975, 17). Нельзя считать фразеологизмами также морфологизированные повторы типа *кюн-ден кюннге* «изо дня в день», *жылдан жылгъа* «из года в год», *ёргеден ёрге* «все выше и выше» и т. д. Они должны расцениваться как парные слова (Гузеев, 1984, 107).

Некоторые парные слова выступают в качестве компонентов фразеологической единицы, например: *Бар да, атамы жылкътысындан тай тут дегенча этип, кёз-къаш бермей къойдула* (Байчоров М., Уллу Къарачаида, 9) «— Иди и поймай жеребёнка из табуна нашего отца, — как бы сказав, оставили, не обратив внимания»; *Ната уа атасыны «бу жерледе эм бай адамланы бири» дегенин эшитгенинде, кёз-къаш тешемей къалды* (Байчоров М., Уллу Къарачаида, 29) «А Ната, услышав слова своего отца, что «в этих местах один из богатых», не одобрила»; *Бир сууукъ къанлы тиширйу кёз-къаш бермей, къатлары бла озуп, сора ызларындан сёлешди* (Семенов А., Жазыу айла, 101) «Одна женщина с суровым лицом прошла мимо них, не обращая внимания, а потом заговорила вслед».

Таким образом, фразеологические словосочетания как самостоятельные единицы языка должны быть выделены на основе различных признаков, определяющими из которых являются: устойчивая связь между компонентами, воспроизводимость, образное отражение действительности, особый характер значения, связанный с образностью. Все другие свойства, как буквальная непереводимость, эквивалентность слову и др., вытекают из указанных основных признаков (Ураксин, 1975, 21).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Существуют различные методы классификации фразеологизмов: семантическая классификация В. В. Виноградова, контекстологический метод Н. Н. Амосовой, вариационный метод В. Л. Архангельского, метод фразеологической идентификации А. В. Кунина, статистический метод

М. М. Копыленко, метод фразеологической аппликации В. П. Жукова и др. Несмотря на различный подход их к изучению фразеологии, они свидетельствуют о достигнутых крупных результатах в области теории фразеологии в отечественном языкознании (Ганиев, 1975, 23).

Семантическая классификация В. В. Виноградова (1977, 140—161) наиболее всесторонне отражает существенные особенности фразеологической единицы. В своей фразеологической теории В. В. Виноградов руководствовался одним из наиболее существенных признаков фразеологической единицы — ее семантической неразложимостью, которая по-разному проявляется в выделенных им трех типах фразеологизмов русского языка: фразеологических сращениях, фразеологических единствах и фразеологических сочетаниях. В результате дальнейшего изучения русской фразеологии Н. М. Шанский, помимо вышеуказанных трех типов, выявил наличие еще одной группы — фразеологических выражений (1963, 44).

Большинство исследователей (Шмелев, 1977; Галкина-Федорук, 1958; Ганиев, 1975; Ураксин, 1975; Карданов, 1973; Телия, 1979; Бардаев, 1985; Жарашуева, 1973; Сайфуллин, 1953 и др.) придерживается классификации, предложенной В. В. Виноградовым.

Вместе с тем некоторые авторы считают эту классификацию недостаточной. Например, по мнению В. Л. Архангельского (1955, 69), сложный состав русской фразеологии, богатство разнообразных типов устойчивых словосочетаний и идиоматических предложений не укладываются и не могут уложиться в схему трех основных фразеологических понятий, введенных В. В. Виноградовым.

Н. К. Антонов делит фразеологические единицы якутского языка на две группы: фразеологические сращения и фразеологические сочетания (1967, 94). Исследователь тувинской фразеологии Я. Ш. Хертек (1978, 28) делит ее на две большие группы: идиоматические сочетания и фразеологические сочетания. Выделяемые им идиоматические сочетания соответствуют фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам в классификации В. В. Виноградова, а фразеологические сочетания — одноименной группе в той же классификации.

Фразеологические сращения и фразеологические единства объединяют в одну группу и называют их идиомами, или идиоматическими сочетаниями также Ж. Осмонова (1969, 7), М. Ф. Чернов (1985, 84), М. М. Магомедханов (1972, 39) и др. «Два типа фразеологизмов,— пишет М. Ф. Чернов,— названные сращениями и единствами, по

сути дела отражают не семантическое их разнообразие, а свойство значения фразеологизма быть или не быть мотивированным с синхронной точки зрения. Однако мотивированность или немотивированность семантики любой значимой единицы языка не относится к признакам, связанным с их смысловой структурой, поэтому она принципиально не может служить в качестве определяющего критерия при семантической классификации языковых элементов, в том числе и фразеологизмов» (1985, 84). Свой вывод автор объясняет тем, что установление степени мотивированности значений фразеологических единиц возможно только этимологическими изысканиями, но «этимологическое объяснение языкового явления в большинстве случаев нейтрально к его актуальной сущности и не имеет прямого влияния на его «функционирование в речи» (Амосова, 1963, 8).

Анализ фразеологического материала карачаево-балкарского языка позволяет сделать вывод, что с точки зрения семантической слитности компонентов его фразеологизмы можно разделить на три группы: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения

Фразеологическими сращениями называются такие семантически неделимые фразеологические единицы, в которых целостное значение совершенно не соотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологизмов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с производной основой (Шанский, 1964, 195). Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными отдельными словами языка, то это соотношение будет являться чисто омонимичным.

Большое количество фразеологических сращений составляют единицы, компоненты которых не сочетаемы в свободном употреблении, но значение основано на образном представлении о предметах и явлениях действительности и не связано с лексическими значениями их компонентов (Ураксин, 1975, 25). Примеры:

Къундуз ийлеуюн бер «сильно побить, отколошматить» (букв.: *къундуз* «выдра», *ийле-* «выделывать (кожу)», *бер-* «давать») *Къыямытны уланындан туугъанны хайда алгъанды да, ахшы къундуз ийлеуюн бергенди* (Аппаев Х., Къара кюбюр, 8) «Взял внука Кыямыта и хорошенько отколош-

матил». Поскольку фразеологизм связан с тем, что охотники для снятия шкурки пойманной выдры били зверька о камни, то в настоящее время эта фразеологическая единица совсем не мотивирована. Ср. поговорку: *къундузну тую барсанг, жылтырай барыр* «чем больше бобра бьешь, тем он больше блестит».

Таякъ тюбюнден тизилиу «обрядовая клятва у карачаевцев и балкарцев» (букв.: «пройти под палкой строем») — *Бирибиз бу къан ичген итлени къолларына тюшген заманда, ауузу къандан толса да жукъ айтмазча, таякъ тюбюнден тизилирге керекбиз*, — *деди Бийнёгер* (Аппаев Х., Къара къюбюр, 74) «В случае, если кто-нибудь из нас попадет в руки этих кровопийц, поклянемся молчать даже тогда, когда крови полон будет рот, — сказал Бийнёгер». Когда карачаевцы и балкарцы не имели своей письменности, они закрепляли свою преданность общему делу прохождением под палкой (Жарашуева, 1968, 3).

Таковы и фразеологические сращения: *къулакъ тигерге* «придавать значение, обращать внимание» (букв.: *къулакъ* «ухо», *тигерге* «шить»); *кёз тиерге* «сглазить» (букв.: *кёз* «глаз», *тиерге* «попадать»); *кёл ошама* «не обижаться» (букв.: *кёл* «настроение», *ашама* «не грызть»); *жезин ач* «разоблачать» (букв.: *жез* «медь», *ач* «открывать») и др.

Некоторые фразеологические сращения образовались в результате наличия в их составе устаревших и поэтому непонятных слов. Например: *тюнкеси тауусулургъа* «выбиться из сил»; *амыры тартыргъа* «желать чего-то»; *сарыуу къайнаргъа* «гореть мстью»: *Бу залимликни кечмез ючюн, не этерге билмей, сарыулары къайнайды* (Шаваева М., Мурат, 188) «Не зная, что делать, чтобы не терпеть такое угнетение, горят мстью» и др.

«Семантическое единство фразеологического сращения, — отмечал В. В. Виноградов, — часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами» (1947, 21). Например: *башдан аякъ* «полностью» (букв.: *башдан* «с головы», *аякъ* «нога»): *Юйлеге айланьп, школгъа жюрюрюк сабийлени башдан аякъ жазып чыкъдыкъ* «Ходили по домам и записали полностью всех детей, которые должны посещать школу»; *кёрмеге эсен къалайыкъ* «подождем, там видно будет»: *Кёрмеге эсен къал, мен муратыма жетерме, не ол жанына ётерме* (К. Коркмазов, Горда бычакъ, 2, 14) «Подожди, там видно будет, я добьюсь своей цели или перейду на ту сторону»; *болмаз къалса* «если на

то пошло»: *Мен аны халисин ариу билеме. Болмаз кѣалса, кесинге мажал тынгыларыкѣды* (О. Хубиев, Жылла, 10) «Я хорошо знаю его характер. Если на то пошло, тебя самого лучше послушает»; *бирда бир «очень»: Атам кѣатыш Ташчыдан Семен деп бирда бир иги адам келгенди* (Х. Аппаев, Кѣара кюбюр, 153) «Вместе с моим отцом из Ташчы приехал очень хороший человек по имени Семен»; *абирек чыкѣ- «уйти в абреки»; Бекмурза абирек чыкѣгѣанда, ит кадетле ызындан болгѣанлай турдула* (Б. Гуртуев, Адилгерий, 68) «Когда Бекмурза ушел в абреки, проклятые кадеты его постоянно преследовали», *кѣарап кѣарагѣынчы «быстро, мгновенно»: Кѣарап кѣарагѣынчы жашладан бири кѣуюдан суу алып келди* «Один из парней быстро принес воды из колодца» и др.

Другие примеры фразеологических сращений: *бир ауудан «единогласно», акѣдан кѣара болмазгѣа «не идти на компромисс», ийнеге боялмазгѣа «не иметь для себя никакой пользы от чего-то», кѣашына салыргѣа «обмануть»: Кѣандауур, аллында бошларгѣа сѣз берип, болжалы жетген кюн унамай, Темуркѣаны кѣашына салып кѣойгѣанды* (А. Аппаев, Кѣара кюбюр, 37) «Кандаур обещал освободить, но когда подошел срок, обманул Темурку»; *атасыны аман кѣзюне учурайым «я не боюсь его и знать его не хочу»; базар бетин алышындырмай «без изменения»* и др.

Фразеологические единства

Вторую группу фразеологизмов составляют фразеологические единства. Это такие фразеологические единицы, которые, как и фразеологические сращения, являются семантически неделимыми и целостными, однако в них, в отличие от фразеологических сращений, их целостная семантика является уже мотивированной отдельными значениями составляющих их слов (Шанский, 1964, 198):

Кѣара кий «держать траур (по кому-либо)» букв.: *кѣара «черный», кий- «надевать»: Жашлары аталырыны кѣарасын кийип кѣп тургѣандыла* (Малкѣар халкѣ жомакѣла, 38) «Сыновья долго держали траур по отцу».

Кѣз ачдырмай «не давая опомниться» букв.: *кѣз «глаз», ачдырмай «не давая открыть»: Мазанны тенглери кѣз ачдырмай сорадыла* (Залиханов Ж., Тау кѣушла, 82) «Товарищи засыпают Мазана вопросами, не давая опомниться».

Ичин кюйдюр «загнать (коня и т. д.)» букв.: *ич «внутренности», кюйдюр- «сжечь»: Асыры чапдыргѣандан бирѣки атны ичин кюйдюргенди* (Малкѣар халкѣ жомакѣла,

1, 151) «Слишком заставляя скакать, загнал нескольких лошадей».

Жол кёл ал - «настроиться в путь» (букв.: *жол* «дорога», *кёл ал* - «настроиться»): *Андрей бла Мазан да жол кёл алып кетерге тебиредиле* (Ж. Залиханов, Тау кьушла, 88) «Андрей и Мазан настроились в путь и собрались уйти».

Жаугъа батып, сютде жууунуп туругъа «жить роскошно, зажиточно» (букв.: «жить, погрузившись в масло, купаясь в молоке»): *Абидат жаугъа батып, сютде жууунуп жашайды* (Х. Кациев, Мухаммат, 15).

Баш кюн бла бош кюн «постоянно» (букв.: « в понедельник и в свободный день»): *Баш кюн бла бош кюн сайын жасакъ жыядыла* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 218) «Налог собирают постоянно».

Баш къагъаргъа «дремать» (букв.: *баш* «голова», *къагъаргъа* «махать»): *Файрузну анасы ундурукъ аллында олтуруп, баш къагъады* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 163) «Мать Файруз, сидя перед кроватью, дремлет».

Къолу къолгъа, аягъы аякъгъа жетмей «быстро, энергично» (букв.: «рука (его) руки, нога (его) ноги не достигаю») и др.

Такое сочетание слов, как *жер тырна* - «раскаиваться» (букв.: «царапать землю») одинаково возможно и как фразеологическое единство (образное выражение), и как свободное сочетание слов, когда слова употребляются в своих прямых значениях. Такие омонимы имеют и следующие фразеологические единства:

Жюрек жар «раздражать» (букв.: *жюрек* «сердце», *жар* «разрывать»): *Былайда, туурасында, жюрегин жара тургъандан эсе, кёзюнден тайгъаны игиди* (О. Хубиев, Аманат, 1, 271) «Чем здесь на виду будет раздражать, ему лучше убраться с глаз долой».

Къол жуу- «потерять надежду» (букв.: *къол* «рука», *жуу-* «мыть»): *Ол затланы барын да терген, лейтенант Клавадан къол жуууп тохтагъанды* (О. Балаев, Акъ къаяны артында, 57) «Учитывая все это, лейтенант потерял надежду на Клаву».

Къол аязда жюрют- «носить на руках» (букв.: «носить на ладони»): *Бир талай жылны мындан алгъа теггериге айланьп, мени къол аязларында жюрютюучюле, бюгюн къаллылыкъ этедиле,— деди Зекерья* (М. Байчоров, Уллу Къарачайда, 225) — «Несколько лет тому назад крутившиеся вокруг меня, носившие меня на руках, сегодня выступают против,— сказал Зекерья» и др.

К фразеологическим единствам относятся также составные названия предметов, образуемые сочетанием определение + определяемое и имеющие образность (Жарашуева, 1973, 9). Например: *къара къыш* «бесснежная зима» (букв.: «черная зима»); *таш макъа* «черепашка» (букв.: «каменная лягушка»); *бийче къол* название растения (букв.: «рука княгини»); *ит бурун* «шиповник» (букв.: «собачий нос»); *тюкю къуйрукъ* «тысячелистник обыкновенный» (букв.: «лисий хвост») и т. д.

К фразеологическим единствам относятся также сравнительные обороты, значение которых мотивировано наличием конкретного образа, связанного с предметами и явлениями действительности (Ураксин, 1975, 31). Значение каждого компонента в них также не сохраняется, а смысл единицы создается словосочетанием в целом: *айтып айталмазча* «такое, что словами не передашь»; *бёрюге къойну аманат этгенча* «словно овцу доверять волку»; *балта бла кесгенча* «резко, прямо высказаться» (букв.: «как топором отрубить»); *метеке къабына киргенлей* «как улитка в своей раковине (о домоседе)» и т. д.

Сравнительные обороты выражают понятия, связанные с условиями жизни народа, с его мышлением. Например, «внешность человека» отражена в следующих сравнительных оборотах: *къундуз къанаты киби* «как вороново крыло»; *къагъытха къалам тартханлай* «о красивых черных глазах» (букв.: «словно провести пером по бумаге»); *къабырдан къопхан киби* «как будто из могилы встал» (о худом, истощенном человеке); *жарлы юйню кыштиги киби* «худой, слабый» (букв.: «словно кошка бедного дома»); *ийне жутхан ит киби* «хилый, слабый» (букв.: «как собака, проглотившая иголку»); *Ай, сени огъесе, ийне жутхан ит киби, юсюнде бир огъур тююнг болмагъан* (О. Хубиев, Аманат, 3, 308) «Ах ты, хилый, слабый, нет в тебе ничего приятного».

Понятие «величина, количество» передается сравнительными оборотами: *къол аяз киби* «ничтожный» (букв.: «как ладонь»), *адай гюттю киби* «крохотная вещь»; *токълу тобугъу киби* «ничтожный, маленький» (букв.: «словно колено барашка»), *телче тамыры киби* «очень много» (букв.: «как корни какого-то растения, вызывающего болезнь скота»); *тенгизге таш атханча* «очень мало» (букв.: «словно бросить камень в море») и др.

«Состояние и образ действия» отражены в следующих сравнительных оборотах:

Сют уюгъанча «спокойно, безмятежно» (букв.: «как хорошо квашенное молоко»); *Уялмагъан бедербетчикни, сют*

уюгъанча, къайгъысыз тургъан юйюме бу къайгъыны салгъанына къарачы (О. Хубиев, Аманат, 1, 110) «Посмотри-ка, какую тревогу вызвал в моем спокойно жившем доме этот маленький нахал».

Ауузунда къуууту болгъанча «молча» (букв.: «словно во рту у него толокно»): *Аслан, сен адамланы кёргенинги да, кёрмегенча эте, ауузунгда къууутунг болгъанча, тынгылап турургъа керексе* (И. Боташев, Пьесала, 21) «Аслан, ты должен, прикидываясь не заметившим и то, что видишь, находиться молча».

Къоюнуна от тюшгенча «как угорелый» (букв.: «словно за пазуху попал огонь»): *Мияла жыгъырдагъан тауушха сабийчик илгенип, къоюнуна от тюшгенча къычырды* (О. Хубиев, Адамла, 38) «Ребенок закричал как угорелый, вздрогнув от скрежета стекла».

Бучхакъдан къуйгъанча «очень сильным потоком, струей» (букв.: «словно льется из отверстия бурдюка»): *Жауун бучхакъдан къуйгъанча жауады* (Х. Шаваев, Кюйген тап, 40) «Дождь льет как из ведра».

Гаккыда тюк излегенча «очень тщательно» (букв.: «словно искать в яйце волосинку»): *Не излегенлерин манга айтмагъандыла, гаккыда тюк излегенча, къолларына тюшген къагъытланы бек кючлю тинтип къарай эдиле* (М. Байчоров, Уллу Къарачайда, 161) «Они не говорили мне, что ищут, но попадавшие под руки бумаги рассматривали очень тщательно».

Семантическая замкнутость фразеологического единства создается и эвфоническими средствами — рифмическими созвучиями, аллитерациями (Виноградов, 1977, 155). Например: *ийнени ийнек этген* «женщина, умеющая хорошо шить» (букв.: «делающая из иголки корову»); *тёрде темир таякълы, къаяда чыпчыкъ аякълы* «почетный и смелый» (букв.: «с железной палкой на почетном месте и с ногами воробья на скале») и др.

Основное свойство фразеологических единств — это наличие образности. Этим свойством они отличаются от своих омонимов — свободных словосочетаний. Например, словосочетания *букъусун къагъаргъа* «критиковать», *акъ атха миндиррге* «расхваливать кого-то публично», *аягъын мараргъа* «подсиживать кого-то», *бармакълы чёргерге* «придираться» являются фразеологическими единствами, но вместе с тем они и свободные сочетания слов со значениями соответственно: «выбивать пыль», «сажать на белого коня», «целиться в ногу кому-то», «наматывать на палец».

Фразеологические сочетания

В отличие от фразеологических сращений и единств компоненты фразеологических сочетаний общеизвестны и характеризуются наименьшей слитностью. В них, как правило, одно из слов употребляется в прямом, а другое слово во фразеологически связанном значении.

Во многих случаях несвободный член имеет единственное употребление и не встречается вне данного фразеологизма; например, в фразеологических сочетаниях: *ёню къарыкъды* «спасть с голоса», *къурчу къанды* «он удовлетворился», *къаран къалды* «не дал урожай, не плодоносил», *къарыкъды, къурчу, къаранг* являются несвободными и употребляются только соответственно со словами *ён, къанды, къалды*.

Примерами фразеологических сочетаний, содержащих в своей структуре слова с фразеологически ограниченным значением, могут служить такие фразеологизмы: *къанлы душман* «заклятый враг», *антлы тенг* «закадычный друг», *къашланы тюрге* «нахмурить брови» и др.

В фразеологических сочетаниях *олтургъан къыз* «засидевшаяся девушка», *къургъакъ сёз* «бесполезный разговор», *таякъ жангур* «ливень», *кючю къарыйды* «хватает сил», *сокъур жауун* «слепой дождь» вторые компоненты *къыз, сёз, жангур, жауун* употреблены в прямом значении.

В фразеологических сочетаниях основную фразеологизирующую роль играют компоненты с переносным значением. Примеры: *Тюшюмде, тюнюмде да жыйылыуда айтырыкъ сёзлерим башымы къайнатадыла* (Э. Гуртуев, Мёлекледе кьонакъда, 37) «Слова, которые я должен произносить на собрании, тревожат мою голову и днем и ночью»; *Болсада, Бийбертни аллай бир мудах болуп, не эсе да бир жашыртын ишни билдирирге ауузу батмай тургъанын эслеп, тиширыу жумушады* (А. Тепшеев, Отлукъ ташла, 39—40) «И все же, увидев, что Бийберт опечален и не решаетя сообщить какое-то тайное событие, женщина смягчилась»; *Къойларынг къырыллыкъдыла, андан эсе тугда, бирини боюнун тарт* (Х. Кадиев, Тамата, 54) «Овцы твои подохнут, лучше поймай одну и забей». В этих глагольных фразеологизмах переносное значение имеют слова *къайнат-, бат-, тарт-*.

Смыслообразующим компонентом фразеологического сочетания является один из его членов с прямым значением. В следующих примерах таким членом является *жюрек* «сердце»: *ачыкъ жюрекли* «с открытой душой», *жумушакъ жюрекли* «мягкосердечный», *таза жюрекли* «чисто-

сердечный», *къаты жүреккли* «жестокий, безжалостный». Такую же смыслообразующую роль играют слова *къуш* «орел», *жау* «враг», *суу* «вода» в фразеологических сочетаниях: *Ачылуу кёзлерим жаралы дуадакъ кёкде къуш азыгъы болуп кёрдюле* («Жилтинле», 431) «Моим печальным глазам показала, что раненая дрофа стала в небе добычей орла»; *Бизни тегерегине жыйын, жау азыгъы этмей ёсдюрген* («Жарыкъ жолда», 54) «Собравший нас вокруг себя и вырастивший, не сделав добычей врага»; *Замансыз суу азыгъы болган сабийине къапланып, къарт анасы кёз сууларын тёкдю* (Х. Аппаев, *Къара кюбюр*, 52) «Наклонившись над ребенком, его старая мать полила слезы».

Фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений (Виноградов, 1977, 160).

Заканчивая характеристику типов соотносительности значений фразеологических единиц со значениями их компонентов, вслед за З. Г. Ураксиным можно отметить, что в отнесении той или иной отдельной единицы к определенному типу могут возникнуть спорные моменты, потому что языковые единицы строго не дифференцируются, не всегда удается расставить их по строгому порядку в классификационных схемах, какими бы удачными они ни были (1975, 37).

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Тематическая классификация фразеологизмов имеет целью установление обобщенного (понятийного) значения фразеологических единиц и сферы их использования в речи; в ряде случаев такая классификация может пролить свет на источники возникновения различных пластов фразеологизмов, а также помочь установлению степени продуктивности их употребления. Все эти аспекты изучения фразеологических единиц представляют несомненный интерес для фразеологии любого языка (Кравцова, 1980; Столбунова, 1985; Бояркин, 1987; Зиннатуллина, 1988; Новицкая, 1986). Особенное значение они имеют для новописьменных языков, где фразеология как особая лингвистическая наука менее разработана, чем, например, в русистике или германистике (Карданов, 1973, 100).

1. Особое место по количеству и образно-метафорическим особенностям в карачаево-балкарском языке занимают соматические фразеологизмы, в которых опорным сло-

вом является имя, обозначающее какую-либо часть человеческого тела. Среди фразеологизмов этой группы много фразеологических единиц, содержащих слово *жюрек* «сердце». Примеры: *жюрегин басаргъа* «успокоить кого-л.», *жюрек жарыргъа* «изматывать душу кому-либо», *жюрегинг бичгенча* «как душе угодно», *жюреги шор тараргъа* «хотеть есть», *жюреги эрирге* «жалеть кого-либо», *жюрекге туз себерге* «бередить рану» (букв.: «насыпать соль на сердце»), *жюрегим тарайды* «у меня сосет под ложечкой (от голода)», *жюрегим тартмайды* «душа не лежит к чему-либо», *таза жюрекден* «совершенно искренно», *жюрек илешген* «привлекательный, приятный», *къара жюрекли* «злонамеренный», *май жюрекли* «богатый, самодовольный», *жюрекге ариу — кёзге да ариу* «что сердцу мило, то и для глаза красиво», *жюрегин сууутургъа* «отбить охоту у кого-либо», *жюрек ойнамаса, сан ойнамаз* «если душа не радуется (букв.: «не играет»), то и тело не играет», *жюрек кёзден алгъа кёрюр* «сердце чует раньше, чем видит глаз», *жюрекден жюрекге жол барды* «от сердца к сердцу дорога есть», *жюрек аууз* «область сердца; грудь» и др.

С лексемой *баш* «голова» возникло также много фразеологизмов: *башына бош этерге* «избавить кого от чего-либо», *баш бегитирге* «запасаться, делать запасы впрок» (букв.: «закрепить голову»), *башынгы жарашдыра билирге* «уметь находить общий язык, уживаться с кем-либо», *башына иш этерге* «устроить свою жизнь (жениться, выйти замуж)» (букв.: «сделать дело голове»), *башы кёкге жетгенча болду* «он от радости на седьмом небе» (букв.: «будто его голова достигла неба»), *башын суугъа атарыкъ этерге* «довести кого-либо до отчаяния» (букв.: «довести до того, чтобы он утопился»), *башын къашыргъа бошамазгъа* «не иметь свободного времени» (букв.: «не иметь времени, чтобы почесать голову»), *башында къазан къайна тыргъа* «сбить с толку разговорами» (букв.: «сделать так, чтобы в его голове кипел котел»), *башы къалгъан жерге* «куда глаза глядят», *къарт башы бли* «будучи стариком» (букв.: «со старой головой»), *сабий башы бла* «будучи ребенком» (букв.: «с детской головой»), *башдан башха болургъа* «поссориться с кем-либо», *башха баргъан* «очень острый (о ноже, бритве)», *башдан аякъ* «целиком», *башын кишиге тенг этмезге* «быть высокого мнения о себе», *башындан сууукъ суу къуйгъанча болду* «(его) будто холодной водой окатили», *башын энишге къаратыргъа* «опечалить», *баш уругъа* «преклоняться» и др.

Фразеологизмы со словом *кёз* «глаз» являются носителями номинации и коммуникации: *кёзню жумуп ачхынчы* «мгновенно, очень быстро», *бир кёзден къараргъа* «ценить всех одинаково, всеми одинаково дорожить», *кёзюне илинирге* «быть замеченным», *кёзю къыймазгъа* «пожадничать, пожалеть (отдать что-либо)», *кёзю къараргъа* «соблазняться чем-то», *кёз кёре* «на виду (на глазах) у всех», *кёзден кетген кёлден кетер* «с глаз долой — из сердца вон», *кёзлерин сюзерге* «делать томные глаза, строить глазки кому-либо», *кёзге тюртгенни кёрмейсе* «ни зги не видно», *кёзюне чёп болуп тюшсе да ууарыкъ туюлдою* «он его очень уважает» (букв.: «если даже он станет соринкой и попадет ему в глаз, он ее не тронет»), *кёзю сокъурдан къоркъма*, *кёлю сокъурдан къоркъ* «не бойся слепого глазом, бойся слепого сердцем», *кёзюне кёрюнмезге* «не довольствоваться чем-то», *кёзю ырысхыдан тоймагъан* «ненасытный, любящий копить вещи», *онг кёз бла къараргъа* «относиться к кому-либо доброжелательно», *сол кёз бла къараргъа* «недолюбливать кого-либо», *кёз ачдырмазгъа* «не давать опомниться», *кёз жаш* «слеза», *кёзлери чыракъ барыргъа* «установиться глазами в одну точку (от раздумий)», *кёз къарангы этерге* «решительно действовать, рассчитывая на удачу, на всякий случай» и др.

К соматическим фразеологизмам условно относят фразеологические единицы с лексемой *жан* «душа», выражающие чаще всего душевные переживания человека. Примеры: *ичимде жаным жокъду* «я очень беспокоюсь», *жанын кёлуна алгъанча* «поспешно, как будто кто-то гонится за ним», *жандан жаннга* «душа в душу», *жан атаргъа* «настроиться на что-либо, взяться за что-либо», *жан аурутургъа* «печся о ком-либо, переживать», *жан эсен болса, мал табылыр* «лишь бы живым быть, а богатство найдется», *жанына тиерге* «обидеть кого-либо», *жаным сау болуп* «пока я жив» и т. п.

Фразеологизмы с *къол* «рука»: *жылы къолдан* «по свежим следам», *къол жууаргъа* «умывать руки, потерять надежду», *къол кётюрюрге* «поднимать руку на кого-либо; сдаваться в плен; быть согласным с мнением кого-либо», *къол иш* «рукоделние», *къол жетдирирге* «бить», *къолгъа жыыргъа* «овладеть кем-чем-нибудь», *къол берирге* «поздороваться», *къол аязында тутаргъа* «носить на руках», *къолгъа жетдирмей* «нарасхват».

С лексемой *аякъ* «нога»: *аягъы басханны кёзю кёрмей* «сломя голову», *аякъ урмазгъа* «быть недолго, не прижиться», *аягъын мараргъа* «подсигивать кого-либо», *аягъы юсюне болургъа* «поправиться после болезни; стать

на ноги», *аякъ юсюне салыргъа* «поставить на ноги; наладить что-либо», *аягъы жерге жетмейди* «он ноги под собой не чувствует от радости», *аякъ орунлу болургъа* «закрепиться где-либо», *адам аягъы жайылгъынчы* «рано утром». *Асыры ашыкъгъандан хар ким аягъы басханны кёзю кёрмей, орам таба муштухул болады* (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 21) «Слома голову от спешки все устремились к улице». *Бу къзауатны башланнганы да анга ушайды, кёрюрсюз, ёзге душманла бизни жерде аякъ уралмазла* (О. Хубиев, Аманат, 1, 129) «Начало этой войны тоже на то похоже, увидите, враги на нашей земле долго не пробудут».

Фразеологические единицы со словом *тил* «язык»: *тили тутулургъа* «онеметь», *тилими къыйырында айлана турады* «вертится на кончике языка», *тили аманны* — *кюню аман* «язык мой—враг мой», *тилде сюек жокъ* «язык без костей», (*айтыргъа*) *тилим айланмайды* «язык не поворачивается (сказать)», *тилине жукъ салмагъанды* «он ничего не ел» (букв.: «он ничего не положил на язык»), *тилинги жутмагъан эсенг* «ты что, язык проглотил?», *тилими къандым* «прикусить язык (спохватившись, внезапно умолкнуть)», *тили тутулду*, «у него язык отнялся», *узун тилли* «сплетник, клеузник». *Ол тили тутулуп, жукъ айталмай, Ибрагимден кёзюн алмай къарайды* (Х. Кадиев, Мухаммат, 225) «У него отнялся язык, и, ничего не смея сказать, смотрит на Ибрагима, не сводя глаз». *Тийреде узун тиллиле Захретни юсюнден аман хапарны жайып тебретиле* (М. Байчоров, Уллу Къарачайда, 36) «Соседки-сплетницы начали распространять плохие слухи о Захрете».

Фразеологизмы с лексемой *бурун* «нос»: *бурунунгу салындырыргъа* «повесить нос», «расстроиться», *бурунунгу тургъузургъа* «разозлиться», *бурун уруп кёрюрге* «попытаться», *бурунуна ётуп къалыучу* «вспыльчивый», *бурунундан чыгъаргъа* «выйти боком», *бурунундан тюшгенча* «как две капли воды». *Сен [Хорлам] сабийден хапар сораса,— тюз кесинги бурунундан тюшуп къалгъанды* (О. Хубиев, Дерт, 247) «Ты [Хорлам] спрашиваешь о ребенке,— он — вылитый ты».

Фразеологические единицы со словом *боюн* «шея»: *боюнуму кесдиреме* «готов поклясться», *боюнум къылдан иничгеди* «я подвластен вашей воле», *боюнунгу узатып барыргъа* «идти к кому-либо с поклоном», *боюнун бир жанына салып* «жалобно умоляюще (смотреть, просить)», *боюнуму тартсанг да* «хоть ты меня зарежь», *боюн салыргъа* «подчиняться». *Бу буйрукъгъа, боюн салмай, чырмау болгъанла контрреволюционерлеге саналадыла* (Б. Гуртуев, Жангы

талисман, 184) «Те, кто, не подчиняясь, будут мешать исполнению приказа, считаются контрреволюционерами».

Фразеологизмы с лексемой *жаякъ* «щека»: *жаякъ айландырыргъа* «перекусить, заморить червячка», *жаякъ жапмай* «без умолку», *жаякъ таууш* «чавканье».

Фразеологизмы со словом *мангылай* «лоб»: *мангылайына жазылгъан* «судьба, рок; то, что написано на роду» (букв.: «на лбу»), *мангылай къыйын* «заработанное честным трудом». *Мангылай къыйынымы излерге кюреширикме* (Малкъар халкъ жомакъла, 1, 45). «Буду требовать заработанное честным трудом». *Мангылай къыйынынг — татлы* (Нарт сёз). «Заработанное — сладко».

Много фразеологических единиц с лексемой *аууз* «рот»: *ауузундан сютю тёгюле тургъан* «несовершеннолетний», *ауузу жарашхан* «умсющий правильно говорить», *ауузу от чагъаргъа* «ругаться», *аууз жел* «слово, словечко», *аууз къара тутаргъа* «не разговаривать, быть в ссоре с кем-нибудь», *иги аууз ачаргъа* «предсказывать хорошее», *ауузунда ит ёлген* «сквернослов», *ауузунда къылычы болгъан* «языкастый, красноречивый», *аууз чайкъамды болургъа* «стать притчей во языцех», *бир аууздан* «единогласно»; *ауузунгу ачып къалыргъа* «сильно удивиться», *аууз ачаргъа рел.* «разговеться», *ауузунда къылычы барды* «он остер на язык» (букв.: «у него во рту сабля»), *аман аууз ачаргъа* «предсказывать плохое», *ауузунга къаратыргъа* «интересно говорить», *ауузундан юзmezce* «очень вкусно, пальчики оближешь», *сёюн ауузуна ашагъан* «неверный своему слову», *аууз къара тутаргъа* «не разговаривать с кем-то», *ауузун тутаргъа* «поймать кого на слове», *ауузуна суу салмагъанды* «он ничего не ел, у него маковой росинки во рту не было», *ауузуна ургъанча этерге* «заставить замолчать», *аууз мардасын берирге* «уплатить точно столько, сколько скажет», *ауузунгу да ачдырмаз* «не будет возражать, сразу согласится», *ауузуна чабаргъа* «перебить говорящего».

Фразеологизмы со словом *къарын* «живот»: *къарынын ач, юсюн жаланнгач этме* «обеспечивай едой и одеждой», *къарыны болгъан* «беременная», *къарынынгы къанжыгъагъа къыс* «терпи, если ты и голоден», *къарыны къысды* «проголодался», *къарын жал* «работа по найму только за пропитание». *Дударкъаны ёмюрлюкге къарын жалгъа берген эдиле* (М. Байчоров, Уллу Къарачайда, 190) «Дударку отдали в вечное рабство за пропитание».

Фразеологические единицы с лексемой *тиш* «зуб»: *тиш билерге* «таить злобу на кого-либо» (букв.: «точить зуб на кого-либо»), *тишге саллыкъ* «что-либо съестное», *тишлени*

эгерге «точить зубы на кого-либо», тишлени санатыргъа «быть битым по зубам». Биймырзагъа энгдада тюбеп, тишлерими санатама деген кзоркъууда, ол арт эшик бла чыгъып кетди (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 275) «Боясь попасть на глаза Биймурзы и получить по зубам, он вышел в заднюю дверь и ушел».

Фразеологизмы со словом кзулакъ «ухо»: кзулакъ от алыргъа «слегка опьянеть», кзулагъына чалышыргъа «услышать», кзулакъгъа алмазгъа «не обращать внимания», кзулакъ иерге (кзулакъ тигерге, кзулакъ салыргъа) «прислушиваться к чему-либо». Ол атына ючаякъ кишен салып, ушкогун кголуна алгъанлай, терен сагъышла этеди (С. Шахмураев, Танг аласында, 139) «Он, стреножив коня, взял винтовку в руки и, прислушиваясь кругом, глубоко задумался».

Фразеологические единицы с лексемой бел «поясница»: бел байларгъа «решиться на что-либо», бел кзатдырыгъа «не падать духом», бел солутмай «не разгибая спины», бели бюгюлмеген чалгъычы болмаз «тот, у кого не сгибается спина, косарем не будет».

Фразеологизмы со словом бармакъ «палец»: бармагъындан бал тамады «у него золотые руки» (букв.: «у него из пальцев мед капает»), бармагъынгы сууукъ суугъа тийирмезгъ «ничего не делать» (букв.: «не опускать даже палец в холодную воду»).

Фразеологизмы с лексемой сырт «спина»: сыртындан тюшюп турургъа «бездельничать», сыртын бурургъа «не обращать внимания», сыртындан салыргъа «побороть», сыртындан кзайишлик алыргъа «содрать три шкуры; набить сильно» и др. Аны тамам эталмасанг а, сыртындан кзайишлик алырла (Малкъар халкъ жомакъла, 1, 8). «Если же не сумеешь выполнить это, то сдерут три шкуры».

Фразеологические единицы со словом жаякъ «щека»: жаякъ жапмай «без умолку», жаякъ айландырыгъа «перекусить, заморить червячка», жаягъы жаякъгъа тиймейди «говорить много, безумолку» и т. д.

Фразеологизмы с лексемой иеги «ребро»: артыкъ иегиси барды «он очень сильный и здоровый» (букв.: «у него лишнее ребро»), иегилерин санаргъа «пересчитать ребра кому-нибудь, намять бока кому-нибудь». Мында болгъанынгы билселе, иегилеринги санаргъа угъай демезле (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 220) «Если узнают, что ты здесь, то не откажутся намять тебе бока» и др.

Фразеологические единицы со словом чач «волосы»: чач тюклери ёрге турадыла «волосы встают дыбом», чачдан башха болургъа «порвать всякие связи», чачынг бла

босагъасын сибирирге «быть благодарным кому-либо за добро» (букв.: «волосами мести кому-либо порог») и т. д.

Фразеологизмы со словом *бет* «лицо»: *бетин чыгъарыргъа* «воздать кому должное», *бет этерге* «совеститься, стесняться», *бетден бетге* «лицом к лицу», *бет жоаргъа* «опозориться, потерять совесть», *бет жарыкълы болургъа* «заслужить уважение». *Бир ызгъа эки ишни этерге кюрешиген адам бир заманда да бет жарыкълы болмагъанды* (Э. Гуртуев, Мёлекледе кьонакъда, 113) «Человек, старающийся делать два дела одновременно, никогда не заслуживал уважения» и др.

Фразеологизмы с лексемой *эрин* «губа»: *эрининги къа-баргъа* «кусать локти, сожалеть о чем-то, досадовать», *эрининги чюйюрюрге* «не одобрять чего-то» и др.

2. Особое место во фразеологии карачаево-балкарского языка занимают фразеологические единицы, выражающие модально-экспрессивную характеристику человека. Фразеологизмы с положительной характеристикой: *ауузун эл къарагъан* «влиятельный, такой, которого слушают люди», *кёню кёрген* «видавший виды», *бармагъындан бал тамгъан* «имеющий золотые руки» (букв.: «такой, у которого из пальцев мед капает»), *акъыл токъмакъ* «умный», *эл багъасы* «уважаемый всеми», *айтхан сёзю жерге тюшмеген* «авторитетный, уважаемый», *атхан огъу жерге тюшмеген* «метко стреляющий», *къой ауузундан чёп юзмеген* «безобидный, такой, что и мухи не обидит» (букв.: «изо рта овцы соломинку не возьмет»), *къолунда болгъан* «богатый, зажиточный», *ташдан сют чыгъаргъан* «мастер на все руки», *акъыл тебе* «умный», *сатмай сёзюн бермеген* «немногословный», *агъачдан тюйме тюйген* «искуснейший мастер», *аллына бир къараса, артына беш къараучу* «предусмотрительный», *учхан къушдан тюк алгъан* «смелый, отважный», *уш деп тауукъ учурмагъан* «кроткий, добрый», *суу тилегенге бал берген* «щедрый» (букв.: «просящему воды дающий мед»), *айтхан сёзюне табылыучу* «верный своему слову», *тили жарашхан* «умеющий находить общий язык», *тобугъунда тон бичген* «искусный мастер по шитью одежды» и др. *Къарачайны жигит жашы Топчукъ, атхан огъу жерге тюшмеген батыр Фролов бизни барыбызны да къутхарып, кеслери жангыз жау бла кюреше къалдыла* (О. Хубиев, Аманат, 1, 26) «Храбрый сын Карачая Топчук и метко стреляющий смелый Фролов спасли нас и остались вдвоем сражаться с врагом». Фразеологизмы с отрицательной характеристикой: *гыбыт къобуз* «болтун, пусто-слов», *адам къатында ёсмеген* «невоспитанный» (букв.:

«не росший около людей»), *сёз кэапчыкэ* «краснобай, болтун», *саудан ёлю* «лежебока», *ёлюп кэорамагэан*, *саудан жарымагэан* «ни живой ни мёртвый», *кэуру айланган тирмен кибик* «пустослов, болтун», *кэарыны бла кэан салгэан* «прожорливый», *ары — кэайракэ*, *бери — билеу* (*ары — оракэ*, *бери — чалгэы*) «двуличный», *кэолу жукэа* «бедный, несостоятельный», *антын бла хантын тенг ашаучу* «нарушающий клятву», *эки кёзден бирин кэоймагэан* «занимающийся воровством», *эшек мыйысы ашагэан* «умалишенный», *акэылы кире-чыгэа тургэан* (*келе-кете тургэан*) «неустойчивый, непостоянный», *кэара ниетли* «коварный, таящий в себе злые замыслы», *кэара тууар богэу басмагэан* «не сведущий в жизни», *кэан ичиучю* «кровопийца», *ашда — бёрю*, *ишде — ёлю* «лентяй, тунеядец», *ханты бла антын тенг ашагэан* «пустослов, лгун», *хуна тешикден чыкэгэан* «безродный, бродяга» и т. д. *Сизден кэалгэанла уа хуна тешикденми чыкэгэандыла?* (Ж. Залиханов, Тау кэушла, 101) «А остальные безродные, что ли?»

3. Фразеологизмы, обозначающие психофизическое состояние человека: *кёлю бла* «всерьез, с усердием», *кесин басаргэа* «управлять собой, своими чувствами», *аууз кэара тутаргэа* «обижаться, не разговаривать с кем-либо», *аягэы жерге жетмезге* «не чувствовать ног под собой (от радости)», *гура кэылыкэ* «норов», *гура кэылыгэы тутса* («если на него найдет»), *ёлю дыгалас этерге* «сильно стараться лезть из кожи вон», *жаны кетерге* «сильно испугаться», *жанындан этерге* «надоедать кому-либо», *ётюне жетерге* «разозлиться», *кёлю кэалыргэа* «обижаться», *тили тутулургэа* «потерять дар речи», *кэюнуна от тюшгенча* «словно обожженный», *кёл ашаргэа* «обижаться на кого-либо», *кэаны кэартыкэгэа сыйымазгэа* «возмущаться, сердиться на кого-либо» и т. д. *Алайсызда кэаны кэартыкэгэа сыйымай тургэан Асият югге кючден жетди* (М. Шаваева, Мурат, 82) «И без того разгневанная Асият с трудом пришла домой».

4. Фразеологические единицы, обозначающие конкретные предметы: *жаз киштик* «рысь», *жол кэагэыт* «путевка», *кэара сёз* «проза», *суу кэылыч* «коромысло», *кэой таш* «валун», *суу кисей* «марля», *кэара билеу* «оселок», *жюзген окэ* «шалльная пуля», *дух сапын* «туалетное мыло», *ёгюз гебен* (карач.) «копна», *жылкэы кэулакэ* «конский щавель», *жан кезлик* «складной нож» и др.

5. Фразеологизмы с компонентами, обозначающими предметы домашнего обихода, жилища: *от башы* «почетная часть комнаты», *юй баш* «крыша», *кэазан агэач* «балка в

дымоходе, к которой прикрепляется очажная цепь», *билек агъач* «боковина очага (от пола до дымохода)», *юй тюп* «пол», *от юй* «кухня (в карачаевском доме большая комната)», *от жагъа* «очаг», *сагъынылгъанни башы босагъа тубюнде* «тот, кого вспоминали, оказался у порога» (ср.: *легок на помине*), *от аягъы* «непочетная часть комнаты (от очага до двери)» и др.

6. Фразеологические единицы, в основе которых лежат слова, связанные с пищей: *от гыржын* «лепешка, испеченная на углях», *къазан асаргъа* «готовить пищу», *жаугъа батын*, *сютде жуунун туругъа* «жить роскошно, зажиточно» (букв.: «жить, погрузившись в масло, купаясь в молоке»), *как ашаргъа* «поступить несправедливо» (букв.: «есть мамалыгу»), *бал татытын ашаргъа* «есть со вкусом», *бастанг болмагъан жерге къалагъынгы уругъа* «совать нос не в свое дело» (букв.: «совать свою мешалку в чужую кашу»), *гыржын агъач* «доска, на которую перед выпечкой укладывают чуреки», *сары жауча жагъылыргъа* «быть вежливым, уважительным», *гаккыда тюк излегенча* «очень тщательно», *чыккырында агъы жокъ*, *чардагъында къагъы жокъ* «бедный, несостоятельный», *бишлякъ биширген* «еда из муки и сыра», *бал туз* «сахар», *къазаннга иерге* «переварить пищу» (букв.: «пустить в котел») и т. д. *Мындан оздура эсек, этни къазаннга иебиз* (С. Шахмурзаев, *Танг аласында*, бз) «Если передержим па огне, то переварим мясо».

7. Фразеологизмы с компонентами, обозначающими названия одежды: *аяулу кийим* «выходная одежда», *иги бичилип, аман тигилген* «хорошо скроенный, плохо сшитый» (о человеке с хорошими задатками, но плохо себя ведущем), *башына бёрк кийген* «тот, кто носит шапку» (т. е. мужчина), *жаулукъ къысхан* «тот, кто носит платок» (т. е. женщина), *тонун къагъаргга* «отругать кого-либо», *тонлукъ тюшюрюрге* «убить в большом количестве (людей, зверей)», *бёрк кийген* «мужчина», *ёрге жан* «кофта», *чабыр бау къысхан* «мужчина» и др. *Алай болмай, аскерле сауутну къолгъа алып, уугъа айлана башласала, тийреде, чабыр бау къысхан болуп, жангыз бир инсан сау къалмаз* (М. Байчоров, *Уллу Къарачайда*, 228) «Иначе, если войска, взяв в руки оружие, пустятся на охоту, во всей округе не останется живым ни один мужчина».

8. Фразеологизмы, представляющие собой описательную характеристику действия: *ёрге къопмазлыкъ этерге* «довести кого-либо до изнеможения», *сёзюне табылыргъа*

«сдержатъ слово», *сёз бегитирге* «договориться», *сууча билрее* «знать что-либо очень хорошо», *къарын этерге* «насытиться, наестся», *къара сабан сюрюрге* «желать недоброе кому-либо», *къол салыргъа* «подписать, расписаться», *къара отказны басаргъа* «категорически отказать», *исси къандырыргъа* «проучить кого-либо» (букв.: «заставить куснуть горячего»), *жерге къаратыргъа* «опечалить, повернуть кого-либо в печаль» (букв.: «заставить смотреть в землю»), *къара киерге* «держатъ траур (по кому-либо)», *чён юзюп айырылыргъа* «порвать дружеские отношения (с кем-либо)», *къара тынгылауну иерге* «отмалчиваться», *къара сылыт этерге* «изнурить, обессилеть; избить кого-либо», *къара кесеу этерге* «превратить в пепел», *къара жагъаргъа* «очернить, оклеветать, опозорить», *ёре оту жанмазгъа* «не ладить с кем», *кесин ёрге тутаргъа* «зазнаваться», *жол кёл алыргъа* «собраться в путь» и т. д. Андрей бла Мазан да, жол кёл алып, кетерге тебиредиле (Ж. Залиханов, Тау къушла, 88) «Андрей и Мазан собрались в путь и начали уезжать».

9. Фразеологические единицы, в которых нашли отражение семейные отношения людей: *эт жууукъ* «кровный (близкий) родственник», *къыз чыгъарыу* «выдача девушки замуж», *анасындан туугъанча* «в чем мать родила, голый», *анасыны зырнайын тартыргъа* «плакать, рыдать», *башсыз тиширыу* «вдова» (букв.: «женщина, оставшаяся без главы семьи»), *сёз тауусуу* «помолвка», *башына иш этерге* «жениться» и др. Алай а ол таматасы аскерден къайтхынчы башына иш этмезлигин билеме (О. Хубиев, Адамла, 6) «Но я знаю, что он не женится, пока старший брат не вернется из армии».

10. Фразеологизмы — назидательные умозаключения, представляющие собой коммуникативные единицы: *базар хуржунунгу къазар* «базар все карманы вытрясет», *ёрю сюремни баш энишгеси да болады* «нет худа без добра» (букв.: «у подъема есть и спуск»), *ёлмеген къул алтын аякъ бла суу ичер* «оставшийся в живых раб из золотой чаши попьет», *киши элингде солтан болгъандан эсе, кеси элингде олтан бол* «чем в чужом селе быть султаном, лучше в своем служить подметкой», *кимни арбасына минсенг, аны жырын жырла* «в чью повозку сядешь, того и песню пой», *башланмагъан ишде жилин жатар* «в неначатом деле змея зарыта», *бичакъ жара бителир, аууз жара бителмез* «ножевая рана заживает, словесная — нет», *сакълыкъ сакъат келтирмез* «береженного бог бережет» (букв.: «предусмотрительность калекой не делает»), *сабыр тьюб сары алтын* «терпение ценится как чистое золото», *тилде сюек*

жокъ «язык без костей», *кёбю болгардан кёлю болгар игиди* «лучше быть смелым, чем богатым», *ауруун жашыргъан сау болмаз* «кто скрывает свою болезнь, здоровым не будет», *бир жангылгъанны ким да кечеди* «того, кто ошибся один раз, прощают все», *къонакъ къойдан жууаш* «гость смиреннее овцы», *бек анасы жилимаз* «бережного бог бережет» и т. д. *Хасан, къайгъылы заманда эслеп юрюю, бек анасы жилимаз дейдиле* (О. Хубиев, Аманат, 1, 112) «Хасан, в тревожное время будь осторожен, бережного бог бережет».

11. Фразеологические единицы, связанные с религией: *дин ахлусу* «набожный человек», *жалгъан дуня* «бренный мир», *аргъы дуня* «потусторонний мир», *аууз ачаргъа* «разговляться (после уразы)», *дууабыз биргеди* «наши судьбы неразделимы» (букв.: «наша молитва общая»), *къара жин* «злой джинн», *дууа тут-* «молиться», *дууа суу* «святая вода», *ауаз берирге* «наставлять поучать», *жыллыкъ аш* «годовые поминки», *жаннетли болсун* «царство ему небесное», *акъ жин* «добрый джинн» и др.

12. Наименования животных образуют один из древнейших пластов лексики во всех языках и входят во фразеосочетания самых разнообразных типов. Но степень использования названий животных во фразеологических единицах, специфика образования метафорических смыслов, естественно, не одинаковы в языках, различающихся генетической принадлежностью, культурно-бытовыми традициями, ареалом (Алгимбаева, 1988, 23).

Карачаево-балкарские фразеологизмы с именами-компонентами — названиями животных: *таш макъа* «черепаша» (букв.: «каменная лягушка»), *сен ёгюз жеге тургъунчу* «пока ты возился» (букв.: «пока ты запрягал быков»), *ёгюз иер заман* «время отдыха», *итлени суугъа сюрюрге* «болтаться без дела», *кече бёрю, кюндюз ит болургъа* «работать без отдыха днем и ночью», *аралары бла къара киштик озаргъа* «жить во вражде», *ауузунда ит ёледи* «он злой на язык», *къадыр къылыкъ* «грубый каприз», *бёрю от* «яд», *бёрю атар бёркюнден* «того, кто осилит волка, и по шапке видно», *бёрю тон киерге* «прийти в ярость», *жылан жырмаш* «густая трава», *жылкъымдан тай тут* «я тебя не боюсь, можешь меня не щадить» (букв.: «лови жеребенка из моего табуна»), *сокъур токълусу болмагъан* «бедный, ничего не имеющий», *бюрче ханс* «чабрец», *бёрю агъач* «дерево, из которого делают челноки», *айыу чач* «ковыль», *бугъагъа турлукъ* «тёлка», *къундуз ийлеуюн берирге* «сильно побить» и т. д. *Къыямытны уланындан туугъанны хайда*

алгъанды да ашхы къундуз ийлеуюн бергенди (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 8) «Взял да сильно побил внука Кыямыта».

13. Фразеологические единицы, связанные с названиями растений: *суу тал* «ива», *мурса безгек* «крапивница», *къара наныкъ* «ежевика», *кючюк чапыракъ* (диал.) «подорожник», *къара будай* «рожь», *айыу чач* «ковыль», *аман халы* «вид травы», *бийче къол* «название растения» (букв.: «рука княгини»), *ит бурун* «шиповник» (букв.: «собачий нос»), *тюлкю къуйрукъ* «тысячелистник» (букв.: «лисий хвост») и др.

14. Фразеологизмы с количественным значением. Их можно разделить на два семантических класса. Первый семантический класс образуют фразеологизмы со значением отсутствия или малого количества, второй — со значением большого количества (Новицкая, 1986, 120). К первому классу относятся фразеологизмы: *бармакъ басар жер* «очень маленький участок земли», *токълу тобугъу киби* (*къол аяз киби*) «маленький», *жан дарманча* «кот заплакал» (очень мало), *атасы-анасы да* «все-навсего», *жерден ёрге айырылмагъан* «маленький», *оймакъ бла бир* «очень мало», *ёгюз мюйюзюне илинир зат* «малое количество» и т. п. Ко второму семантическому классу относятся: *дуния бла бир* «уйма, очень много», *салам мидел киби* «в избытке» и др. *Ахчаны салам мидел киби айландырадыла* (М. Шаваева, Мурат, 98) «Ворочают большими деньгами (денег у них куры не клюют)».

Как и в некоторых других языках, в карачаево-балкарском имеется ряд фразеологических единиц с числительным семь. По мнению авторов (Кенесбаев, 1977, 612; Бардаев, 1985, 147), в них речь идет не столько о самой цифре 7, а о достаточно большом количестве чего-либо: *жетеу бла кеси кюрешген* «сильный, смелый» (букв.: «такой, что один борется против семерых»), *жети жукълап акъылымда жокъду* «у меня об этом и в мыслях не было (мне это и во сне не снилось)», *жети атадан бери* «испокон веков», *жети атагъа дери* «до седьмого колена» (букв.: «до семи отцов»), *жети жаханым* «страшный ад, геенна огненная» (букв.: «семь адов»), *жети шагъат керекди* «то, во что едва кто поверит; невероятное» (букв.: «семь свидетелей нужно, чтобы поверить»), *жети таудан ауарча* и т. д. *Халкъны кереклисине жарар ючюн, жети таудан ауарча, аллай бир халал жашды* (А. Кубанов, Кюн таякъла, 48) «Чтобы помочь народу, он перейдет семь горных хребтов, — такой он добрый парень». Ср.: рус. *семь раз отмерь, один раз отрежь; семеро одного не ждут; семь пятниц на неделе; семь верст до небес* и др. В карачаево-балкарском язы-

ке немало фразеологизмов и с числом 2: *эки отну арасын-да* «между двух огней», *эки кѳолун кѳоюнуну салып турургъа* «сидеть без дела», *эки кѳэню бирин кѳоймагъан* «отпетый вор», *эки аягъын бир уюкѳгъа сугъаргъа* «прижать к стене, заставить кого-либо».

14. Фразеологические единицы, в основе которых лежит образное сравнение человека с животными и различными неодушевленными предметами. Каждое такое сравнение выработано в результате многовекового опыта народа и представляет поэтому запас таких образов, которые известны носителю данного языка и передаются из поколения в поколение (Магомедханов, 1988, 173). Примеры: *кѳушдан буюкѳгъан тауукъ балача* «робкий, беспомощный», *ийне жутхан итча* «худой, как собака, проглотившая иглу», *изгилдик тауукъча* «как одичавшая курица», *илячин кибик* «как сокол» (о стройном парне), *ит биченнге жатханлай* «как собака на сене», *жюннге тюшген тауукъча* «как мокрая курица» (букв.: «как курица, попавшая в шерсть»), *ажир бла жагъалашхан алашача* «как побитый пес» (букв.: «как мерин, схватившийся с жеребцом»), *сабандан къайтхан ёгюзню мюйюзюндеги чибинча* «как муха на роге возвращавшегося с поля быка» («Мы идем с поля», — сказала та муха), *туманнга юрген итча* «ведущий бесполезный разговор», *ат ашагъан айыуча* «большой», *жилян кибик* «стройный», *алтынны журуну кибик* «очень хороший» (букв.: «как кусок золота») и др.

15. Фразеологические единицы, которые в своем составе имеют слова, обозначающие временные понятия: *ёмюрден ахыргъа* «пожизненно», *ёмюрледен бери* «испокон веков», *ёмюрге дери* «навечно», *баш кюн бла бош кюн сайын* «всегда, непрерывно», *бир арада бир* «временами; от случая к случаю», *ёмюрю да алайды* «он всегда такой», *кюн къайтханды* «дни стали длиннее» (букв.: «день вернулся»), *кечени ауурлугъу кетгенден сора* «после того, как прошла большая часть ночи», *адам аягъы тыннгандан сора* «поздно вечером, когда люди лягут спать» (букв.: «после того, когда успокоятся человеческие ноги»), *бара баргъан заманда* «в дальнейшем, в будущем», *буу силегей учхан заман* «бабье лето» (букв.: «время, когда летает оленья слюна, т. е. паутина»), *адам ортасы болгъан* «человек средних лет», *эки жукъудан къайтхандан сора* «в полночь», *кѳп болмай* «недавно» и т. д.

15. Фразеологические единицы с компонентами — именами собственными. Ономастический компонент является ведущим элементом, который участвует в формировании образной основы фразеологизма (Бояркин, 1987, 6), на-

пример: *Айгини кьолу — сыбанха* «искусный мастер», *Гырауну отказын кьураргъа* «отказаться от чего-либо наотрез», *аман Махушха жарашады* «Махуш был бессловесным, смиренным, поэтому грехи других приписывали ему», *Мытыны бычагъы жаугъа майрыша эди* «о слишком мягкосердечном человеке» (букв.: «нож Мыты не резал даже масла»), *Алаккуланы кёпюрча* «о чем-то слишком длинном», *къош жетсе, жетмесе да, Махуш артыкъ* «несмотря на то, что людей на коше достаточно или недостаточно, Махуш все равно ленивый, т. е. он ленивый, ни к чему не приспособленный человек», *тели Жанибек Чегемге баргъанча* (карач.) — *Аттуу Малкъаргъа баргъанча* (балк.) «о человеке, который ходит куда попало, без цели», *Тохтамышлей тохтагъын* «чтобы тебя убили», *Мамулий бла Тотулийча* «об очень близких приятелях», *Къудайнатны сатыуу* «продажа за ту же цену, за которую купил», *къозлагъаны Къобалада, къангъылдагъаны Чомалада* «тот, который живет где-то, а слышно его из другого места», *Зийкъунну итича* «голодный, ищущий еду», *Аппий билген — бытына* «умеющий делать только одно дело», *Аппийни эшегича* «с жиру беситься», *Айдаккуну отлукъ ташларыча // Тохуйну токъмакъларыча* «о слишком большом обилии чего-либо неценного», *Къобанны кёп сууу кетер* «много воды утечет», *Таужан суудан не ангылайды* «о непонимающем, некомпетентном человеке» и т. д.

16. Немало фразеологизмов в карачаево-балкарском языке и с названиями цвета, например: *акъгъа къара деп турма* «не говори на белое, что оно черное», *акъ гвардия* «белая гвардия», *къызыл аскер* «красная армия», *бетине агъы бла къызылы тёгюлген* «у него лицо — кровь с молоком», *къара алтын* «черное золото» (т. е. нефть), *акъ алтын* «белое золото» (т. е. хлопок), *кёк жётел* «коклюш», *сары жауча жагъылыргъа* «мазаться, как сливочное масло» (т. е. льстить, ласково и приветливо говорить). Особенно много фразеологических единиц со словом *къара* «черный», которое связано с чем-то негативным, печальным: *къара чёпге атаргъа* (карач.) «забаллотировать при голосовании», *къара сюрюрге* «строить козни», *къара сагъышла* «тяжелые думы», *къара къанны къуяргъа* «обругать кого-либо на чем свет стоит», *къара кюн* «несчастье», *къара жүреккли* «зложелатель; завистник», *къара жылла* «тяжелые годы», *къара жагъаргъа* «очернить», *къара дыгалас этерге* «стараться изо всех сил», *къара киерге* «носить траур» и др.

17. Фразеологические единицы, обозначающие явления природы: *ай тутулуу* «затмение луны», *къара суу* «родник»,

тейри кзылыч «радуга» (букв.: «сабля бога»), кзой чыпчыкь «скворец», агъач чауул «бурелом», Кзой жол «Млечный путь» и т. д. Кёгде Кзой жолну акъ тырмы баргъаны кзыбыладан кюн батыш таба жууукълашханды (С. Шахмурзаев, Танг аласында, 72) «Белая полоса Млечного пути с юга приблизилась к западу».

18. Фразеологизмы, обозначающие обряды, традиции: къан алыргъа «отомстить», къара тешерге «снять траур», атланган аякъ «прощальный тост перед дорогой; посошок», таякъ тюбюнден тизилиу «обрядовая клятва у карачаевцев и балкарцев», къан тёлерге «платить за убийство» и др.

19. Как и в других языках, в карачаево-балкарском выработались традиционные выражения народа — устойчивые формулы, штампы, используемые в практике речевого общения. Подобные фразеологические единицы отличаются абсолютной устойчивостью и семантической целостностью, которые польский фразеолог Ст. Скорупка назвал «конвенциональными фразеологизмами» (Карданов, 1973, 130). Возникновение основной массы этих формул по всей вероятности восходит к той исторической эпохе, когда люди верили в магическую силу заклинаний (Исаев, 1964, 35; Тулекова, 1975, 5). Например:

а) фразеологизмы — формулы доброго пожелания, благодарности, поздравлений: сау жырт «носи на здоровье», сау къаллыкъ «дай Бог ему здоровья», ахшы кечели болугъуз! «спокойной вам ночи!», берекет берсин! «пусть вам сопутствует изобилие!», базар болсун! «сбыта вам!» (пожелание спроса и сбыта продавцу), сёзюнг тохтагъынчы аурууунг тохтасын «пусть твоя болезнь иссякнет раньше твоих слов» (так желают здоровья больному), баргъан жерине жарашсын! «на здоровье!» (о еде), мен суйгенлей бол «будь таким, каким я желаю, чтобы ты был», аурууунг тас (аурууунгу алайым) «да сохрани тебя Бог», бешик бауу бек болсун «чтобы завязка люльки была крепка» (о новорожденном) и т. д.;

б) фразеологические единицы — формулы приветствия: сау кел! «здравствуй!», сау бол! «спасибо!», Жангы жыл бла! «с Новым годом!», танг ахшы болсун! «доброе утро!», жангы ай бла кёрюн! «сколько лет, сколько зим!», юйге игилик! «добра дому!» (говорят при входе в дом), огъур аякъ бла! «добро пожаловать!», иш къолай болсун! «Бог в помощь!», ёмрюнг узакъ болсун! «да будет долгим твой век!», сау къал! «счастливо оставаться!», кюн ахшы болсун! «добрый день!», жол болсун! «да будет твоя дорога

удачной!», *кѣп болсун!* «да будет многочисленным твой скот!» и др.;

в) в карачаево-балкарском языке немало фразеологизмов — различных проклятий, что объясняется тяжелыми условиями, в которых жили люди. «Самый незначительный ущерб, нанесенный небольшому хозяйству горца, приводил последнего в отчаяние, и в адрес виновника извергались фонтаны проклятий, в магическую силу которых люди верили» (Исаев, 1964, 44). Примеры: *кѣан кекиргин!* «чтобы ты харкал кровью», *кѣаны келлик!* «будь он проклят!», *тыпырынг кѣурурукъ* «чтобы опустел твой очаг», *от тѣбеси бол!* «пропади пропадом!», *от азыгъы бол!* «чтобы ты сгорел, стал добычей огня», *тыпырынг тартылсын* «чтобы случилось с тобою несчастье», *юйюнг кѣурусун!* «чтобы перевелась твоя семья!», *жети атанга налат!* «будь ты трижды проклят!» и др.;

г) формулы выражения соболезнования: *гюняхы кѣурусун* «царство ему небесное», *жаннетли болсун* «да будет он в раю», *муну унутдурурча кѣайгъы Аллах бермесин* «пусть не будет у вас горя, после чего бы вам пришлось забыть это» и т. д.;

д) фразеологизмы — обращения (приказ, призыв): *хайт де!* «держись, не падай духом!», *атангы жаны юйюн!* «душой отца твоего прошу!», *антыма ёлтюрме* «не вынуждай меня изменить своему слову», *иги жаным кибик* «будь добр», *Аллах бла тилейме* «именем Бога прошу», *а маржа!* «пожалуйста!».

Таким образом, тематическая классификация способствует установлению общих понятийных категорий фразеологических единиц разных структур и выявлению сферы их использования в речевой деятельности.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Как и в других языках (Байрамов, 1970, 144—145; Шанский, 1964, 213; Ураксин, 1975, 53; Хертек, 1978, 50—51; Хамоян, 1988, 204), фразеологизмы карачаево-балкарского языка соотносятся с различными частями речи. Фразеологические единицы, подобно отдельным словам, обладают единым лексическим и грамматическим значением. Например, фразеологизм *кѣарап кѣарагъынчы* обо-

значает «быстро, мгновенно» и тем самым выражает образ действия и является синонимом наречия *терк*. Поэтому этот фразеологизм может быть сопоставлен с наречием, т. е. его можно рассматривать как фразеологизм-наречие.

По семантико-грамматическим показателям в карачаево-балкарском языке существуют следующие модели: субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные и междометные.

Субстантивные модели фразеологизмов

1. «Имя существительное в основном падеже + имя существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица» (изафет II). Фразеологизмы данной конструкции мало продуктивны: *Тау арты* «Закавказье» (т. е. Сванетия), *дин ахлусу* «набожный человек», *жаннет ахлусу* «человек, попавший в рай», *от аягъы* «часть комнаты от очага до двери (непочетная часть помещения)», *от башы* «почетная часть комнаты» и т. д. *Ол сагъышла дин ахлусу Адемейни къыйнайдыла* (А. Теппеев, Чамны да чам биледи, 40) «Эти размышления мучают набожного человека — Адемея». В грамматическом отношении первый компонент этой модели является управляющим компонентом. А в образовании значения фразеологизма компоненты несут неодинаковую нагрузку, в этом отношении каждую единицу надо рассматривать отдельно (Ураксин, 1975, 54).

Компоненты фразеологизмов этой конструкции перестановки не допускают. Первый компонент не изменяется, а второй может изменяться по падежам: *Тау арты* «Сванетия» — *Тау артында* «в Сванетии»; *кюн ортасы* «полдень» — *кюн ортасыны*, *кюн ортасына*, *кюн ортасы*, *кюн ортасында*, *кюн ортасындан*.

2. «Имя существительное или относительное прилагательное в основном падеже + имя существительное в основном падеже» (изафет I): *бёрю от* «яд», *эт жууукъ* «кровный (близкий) родственник», *жылкъы къулакъ* «конский щавель», *юй бийче* «жена, супруга» (букв.: «домашняя княгиня») *тейри къылыч* «радуга» (букв.: «божья сабля»), *мангылай къыйын* «заработанное честным трудом», *къарын жал* «работа по найму только за пропитание», *таш макъа* «черепашка» (букв.: *таш* «камень», *макъа* «лягушка»), *айыу чач* «ковыль», *ит бурун* «шиповник» (букв.: «собачий нос»), *къадыр къылыкъ* «грубый каприз», *агъач киши* «дикий человек, дикарь, снежный человек; леший, покровитель леса» и т. д. *Дударкъаны ёмюрлюкге къарын жалгъа берген эдиле* (М. Байчоров, Уллу Къарачайда, 190.) «Дударка от-

дали в вечное рабство за пропитание». *Ибрахим ёмюрюнде кюсеп, кючден тапхан юй бийчесин, жанындан артыкъ кёрюучю эди* (Б. Гуртуев, *Жангы талисман*, 43) «Ибрагим больше, чем самого себя, любил свою жену, которую нашел с таким трудом».

Первый компонент фразеологизмов данной модели не изменяется, а второй может изменяться, принимая окончания множественного числа и сказуемости: *сёз къапчыкъ* «болтун», *сёз къапчыкъма* «я болтун», *сёз къапчыкъса* «ты болтун», *сёз къапчыкълабыз* «мы болтуны» и т. д. Такие фразеологизмы могут изменяться и по падежам.

3. «Качественное прилагательное+имя существительное». Эта модель в карачаево-балкарском языке весьма продуктивна: *гылын къуш* (карач.) «сова, филин» (букв.: «косоглазый орел»), *тели ауруу* «тиф», *къара кюн* «несчастье», *къара каска* «сверчок», *акъ жин* «добрый джин», *къара жин* «злой дух, злой джин», *къара капек* «грош» и др. *Бютюнда бек улуу палах а — аскерге тели ауруу киргенди* (Б. Гуртуев, *Жангы талисман*, 201) «Особенно большая беда — это то, что армия заражена тифом».

4. «Причастие+имя существительное»: *атланган аякъ* «прощальный тост перед дорогой; посошок»; в фразеологизмах данной модели компонент-определение может иметь свои определения: *буу селегей учхан заман* «бабье лето» (букв.: «время, когда летает оленья слюна, т. е. паутина»), *башсыз къалган тиширыу* «женщина, оставшаяся без мужа (главы семьи)», *буу ёкюрген заман* «ранняя осень, конец сенокоса» (букв.: «время, когда мычат олени»), *бурундан къаны келип этген мюлкю* «своим трудом нажитое имущество» и т. д.

В карачаево-балкарском языке имеется ряд нерегулярных субстантивных моделей фразеологизмов:

«наречие+имя существительное в основном падеже»: *ёрге жан* «кофта»;

«имя существительное в родительном падеже+имя существительное с аффиксом принадлежности»: *эчкини анты* «ложная клятва» (букв.: «клятва козы»);

«имя существительное в винительном падеже+причастие»: *бишлякъ биширген* «еда из муки и сыра», *бугъа бичген* «вол (кастрированный уже будучи быком)»;

«качественное прилагательное в исходном падеже+имя существительное в основном падеже»: *саудан ёлю* «лежебока».

Адъективные модели фразеологизмов

Адъективные фразеологизмы, или фразеологизмы-прилагательные, имеют значительный удельный вес среди фразеологических единиц карачаево-балкарского языка и обозначают разнообразные качества, свойства как людей, так и предметов, и явлений. По составу они могут быть двух- и многокомпонентными.

1. «Прилагательное + прилагательное». Фразеологические единицы данной модели выражают душевные качества человека: *ачыкъ жюрекли* «с открытой душой», *жумушакъ жюрекли* «мягкосердечный», *таза жюрекли* «чисто-сердечный», *къаты жюрекли* «жестокий, безжалостный», *узун тилли* «кляузник», *къара жюрекли* «злонамеренный, завистливый», *май жюрекли* «богатый, самодовольный», *къара ниетли* «коварный, таящий в себе злые замыслы». Второй компонент таких словосочетаний является производным прилагательным, образованным от существительного. По семантике эти фразеологизмы совпадают с субстантивными единицами модели «прилагательное + существительное», по существу, многие от них и образуются (Ураксин, 1975, 58). Второй компонент может принимать парадигмы числа, при этом словосочетание в целом субстантивируется: *ачы тилли* «злословный» — *ачы тиллиле* «злословные», *алтын къоллу* «умелый» — *алтын къоллула* «умелые» и т. д. Второй компонент принимает и парадигмы падежа.

2. «Относительные прилагательные + имя существительное». Как и в других тюркских языках, семантика таких прилагательных чрезвычайно разнообразна (Ахметжанова, 1988, 11): *мыллыкчы къуш* «ягнятник» (орел), *айлыкъ турма* «редиска».

3. «Существительное в основном или винительном падеже + причастие на -гъан (-ген)». Некоторые фразеологизмы этой модели можно считать субстантивированными: *бёрк кийген* «мужчина» (букв.: «надевающий шапку»), *жаулукъ къысхан* «женщина» (букв.: «носящая платок»), *чабыр бау къысхан* «мужчина», *жюрек илешген* «привлекательный, приятный» и др. *Алай болмай, аскерле сауутну къолгъа алып уугъа айлана башласала, тийреде чабыр бау къысхан болуп жангыз бир инсан сау къалмаз* (М. Байчоров, Уллу Къарачайда, 228) «Иначе, если войска, взяв в руки оружие, пустятся на охоту, во всей округе не останется живым ни один мужчина».

Большинство фразеологизмов этой модели многокомпонентны: *ауузундан сютю тёгюле тургъан* «несовершенно-

летний», *ауузунда кылычы болган* «языкастый, красно-речивый», *кэой ауузундан чёп юзмеген* «тихий, смиренный, послушный», *уш деп тауукъ учурмагъан* «кроткий, добрый, мухи не обидит», *атхан огъу жерге тюшмеген* «меткий, метко стреляющий», *адам кзатында ёсмеген* «невоспитанный» (букв.: «не росший около людей»), *кзарыны бла кзан салгъан* «прожорливый», *эшек мыйысы ашагъан* «умственно ненормальный», *кзара тууар богъу басмагъан* «несведущий, неопытный», *эти терисине сыйынмагъан* «слишком толстый, полный», *ийнени ийнек этген* «умеющая хорошо шить» (букв.: «делающая из иголки корову»), *жаннган отдан юлюш алгъан* «отважный, храбрый», *сёзю жерге тюшмеген* «авторитетный, влиятельный», *акъылы келе-кете тургъан* «неустойчивый, непостоянный», *мангылайына жазылгъан* «судьба» и т. д. *Кзарачайны жигит жашы Топчукъ, атхан огъу жерге тюшмеген батыр Фролов, бизни барыбызны да кзутхарып, кеслери жау бла кюреше калдыла* (О. Хубиев, Аманат, 1, 26) «Храбрый сын Карачая Топчук, метко стреляющий отважный Фролов спасли нас и сами остались бороться с врагом».

4. «Имя существительное в направительном падеже + причастие на **-лыкъ (-лик)**»: *тишге саллыкъ* «что-либо съестное», *бугъагъа турлукъ* «тёлка (от одного до двух лет)» и др. *Кзатын, адам тишине саллыкъ ненг барды?* (О. Хубиев, Аманат, 1, 218) «Жена, что у тебя есть перекусить?»

5. «Имя существительное в винительном или направительном падеже + причастие на **-чу (-чю)**»: *антын бла хантын тенг ашаучу* «нарушающий клятву», *бурунуна ётпю кзальучу* «вспыльчивый».

6. «Имя числительное + причастие на **-гъан (-ген)**»: *жетеу бла кеси кюрешген* «сильный, смелый».

7. «Имя существительное + прилагательное»: *багъыр бетли* «побагровевший, покрасневший», *бал бетли* «каштановый, коричневый», *аслан кёллю, кзатлан жюреккли* «храбрый, отважный», *кзолу жукъа* «бедный, несостоятельный», *кзолуна бек* «скупой»; осложненная конструкция: *тёрде темир жаякзлы, кзаяда чыпчыкъ аякзлы* «почетный и смелый» (букв.: «твердый на почетном месте, лёгкий, как птица, на скале»).

8. «Наречие + имя существительное»: *ары — кзайракъ, бери — билеу* (вариант: *ары — оракъ, бери — чалгзы*) «двуличный».

9. Сравнительные обороты в значении прилагательного. Они образованы с помощью послелога *кибик* или аффиксов **-ча, -лай**: *илячин кибик* «стройный» (букв.: «как со-

кол»), *ол элде ол деп айтырча* «известный на всю округу», *ийнеден-жипден чыкъгъанлай* «совершенно новый (о предмете)», *токълу тобугъу кибик* «ничтожный», *къол аяз кибик* «маленький», *алтынны журуну кибик* «очень хороший» (букв.: «как кусок золота»), *агъач къурту кибик* «ищущий легкие пути», *ийне жутхан ит кибик* «очень худой», *сапда тохтамагъан балта кибик* «непостоянный (о человеке)», *тузгъа тюшген къурт кибик* «беспомощный», *къуру айланган тирмен кибик* «болтливый», *анасындан туугъанча* «голый», *ат ашагъан айыуча* «большой» и т. д.

Как видно из примеров, компонентный состав этих фразеологизмов весьма различен, парадигм падежа и числа они не принимают.

Глагольные модели фразеологизмов

Глагольные фразеологизмы — это такие словосочетания, которые выражают действие или состояние как процесс, обладают грамматическими категориями наклонения, времени, числа, лица, переходности-непереходности, залога и в предложении выполняют функцию сказуемого (Хамоян, 1988, 215).

Фразеологические единицы этой модели являются самыми многочисленными и отличаются наибольшим разнообразием структурных типов. Для тюркских языков характерно постпозитивное употребление глаголов в словосочетаниях, на первом месте глагол возможен только в особых речевых ситуациях (Ураксин, 1975, 64). В качестве компонента фразеологизма выступают и самостоятельные, и вспомогательные глаголы, которые могут быть в форме имени действия или же в форме какого-либо залога, наклонения, времени.

1. «Существительное + глагол». Глагольные фразеологизмы этой модели наиболее многочисленны. Они имеют простые и осложненные формы:

а) «существительное в основном падеже + глагол»: *кёз тиерге* «сглазить», *тили тутулургъа* «потерять дар речи», *чач тюклери ёрге турургъа* «сильно испугаться», *эси иуаргъа* «потерять сознание», *жюреги басылды* «он успокоился, у него отлегло от сердца», *кюн къайтханды* «дни стали длиннее» (букв.: «день вернулся»), *кёлю чыгъаргъа* «разочароваться», *аралары бла къыл ётмейди* «дружно живут между собой», *къаны къызаргъа* «прийти в ярость», *къан чабыу* «кровоизлияние» и т. д. *Озай, сени акъыллы жаш сунуп тура эдим, энди уа кёлюм чыкъды* (С. Шахмураев, Танг аласында, 25) «Озай, я считал тебя умным

парнем, а теперь разочаровался». Компоненты фразеологизмов этой модели выполняют роль подлежащего и сказуемого. Именно компонент может иметь форму множественного числа: *эслери ауду* «потеряли сознание», *кёзлери тийди* «они сглазили», *кёллери чыкъды* «они разочаровались»;

б) «существительное в неоформленном винительном падеже + глагол»: (компоненты этой модели находятся во взаимоотношениях дополнения и сказуемого): *жан аурутургъа* «печься о ком-либо, переживать», *жан атаргъа* «наброситься на что-либо, взяться за что-либо», *жер тырнаргъа* «сильно раскаиваться», *баш бегитурге* «делать запасы впрок», *баш къагъаргъа* «клевать носом, спать (сидя, стоя и т. п.)», *таш салыргъа* «гадать», *как ашаргъа* «поступить несправедливо», *тонлукъ тюшюрюрге* «убить в большом количестве (людей, зверей)», *сёз бегитурге* «ударить по рукам, договориться», *ауаз берирге* «наставлять, поучать», *бет этерге* «совеститься, стесняться», *къалияр къазаргъа* «пережить много горя», *къулакъ салыргъа* «прислушаться», *къол жууаргъа* «умывать руки, потерять надежду» и т. д. *Ол затланы барын да тергеп, лейтенант Клавадан къол жуууп тохтагъанды* (О. Балаев, *Акъ къаяны артында*, 57). «Учитывая все это, лейтенант потерял надежду на Клаву»;

в) «существительное в оформленном винительном падеже + глагол»: *къанын ичерге* «мучить кого-либо», *аягъын мараргъа* «преследовать кого-либо», *аманны къуаргъа* «поносить кого-либо», *башын тутаргъа* «содержать себя, жить своим трудом», *жолун кесерге* «закрыть путь кому-либо», *желкенги къашыргъа* «раскаиваться в чем-либо», *ичин кюйдюрюрге* «загнать, вывести из строя», *тонун къагъаргъа* «отругать, упрекать» и др.

К этой структурной модели относится ряд осложненных конструкций: «прилагательное + существительное в оформленном винительном падеже + глагол»: *къара тынгылауну иерге* «отмалчиваться», *къара отказны басаргъа* «категорически отказаться», *къара къанны къуаргъа* «обругать кого-либо на чем свет стоит»; «прилагательное + существительное в неоформленном падеже + глагол»: *къара кесеу этерге* «превратить в пепел», *къара сылыт этерге* «избить кого-либо», *къара сабан сюрюрге* «желать кому-либо недоброе», *иги аууз ачаргъа* «предсказывать хорошее», *аман аууз ачаргъа* «предсказывать плохое»; «существительное в основном падеже + существительное в неоформленном винительном падеже + глагол»: *жол кёл алыргъа* «собраться в путь», *бёрю тон киерге* «прийти в ярость». *Андрей бла Мазан да жол кёл алып кетерге тебиредиле* (Ж. Залиха-

нов, Тау кыушла, 88) «Андрей и Мазан, собравшись в путь, стали отправляться»; «существительное в исходном падеже+существительное в неформленном винительном падеже+глагол»: *башында къазан къайнатыргъа* «сбить с толку кого-либо»; «существительное в оформленном винительном падеже+существительное в дательном падеже+глагол»: *итлени суугъа сюрюрге* «бездельничать, попусту проводить время»; «существительное в родительном падеже+существительное в винительном падеже+глагол»: *анасыны зырнайын тартыргъа* «плакать, рыдать» и т. д.;

г) «прилагательное+глагол»: *къара жагъаргъа* «очернить, оклеветать, опозорить», *къара таныргъа* «быть грамотным», *къара кьерге* «держаться траур по кому-либо» и др.

2. «Имя существительное в дательном падеже+глагол»: *сёзге къал-* «стать притчей во языцех», *ётюне жетерге* «разозлить», *башха бардырыргъа* «наточить остро (напр. бритву)», *аузуна чабаргъа* «перебить говорящего», *аузунга юйретирге* «позволять перебивать себя», *жанына тиерге* «обидеть кого-либо», *кёзюне илинирге* «быть замеченным кем-либо», *бармакъгъа чёргерге* «придираться к чему-либо», *къулагъанга чалышыргъа* «услышать», *жангызгъа барыргъа* «плясать», *сёзюне табылыргъа* «сдерживать слово», *къазаннга иерге* «переварить (пищу)»; осложненные конструкции: *башдан башха болургъа* «поссориться, разругаться в пух и прах», *башына иш этерге* «устроить свою жизнь (жениться, выходить замуж)», *жюрекге туз себерге* «бередить рану» (букв.: «класть соль на сердце»), *жилярыгъы тамагъына тыгъылгъанды* «у него комок подкатывается к горлу», *эти терисине сыйынмай айланыргъа* «с жиру беситься», *итлени суугъа сюрюрге* «бездельничать, гонять лодыря».

3. «Имя существительное в исходном падеже+глагол». Эта модель также имеет простые и осложненные формы: *аузунгдан юзмессе* «пальчики оближешь», *сыртындан салыргъа* «положить на лопатки», *жанындан этерге* «надоедать кому-либо», *бурунундан чыгъаргъа* «выйти боком», *бир кёзден къараргъа* «всеми одинаково дорожить», *сыртындан тюшюп турургъа* «бездельничать», *жылкъымдан тай тут-* «я тебя не боюсь, можешь поступить как угодно», *болгъанны тамакъдан иерге* «прокутить все» и т. д.

4. «Наречие+глагол». Эта модель не допускает перемены местоположения компонентов, и в предложении такое словосочетание выступает в роли сказуемого: *ауур тиерге* «обидеть», *ауур кёрюрге* «не одобрять», *сууча билирге*

«знать очень хорошо, на зубок»; осложненные конструкции: *кэой аягынлай ашаргэя* «исстреблять, угонять (о скоте)», *кесин ёрге тутаргэя* «заснаваться» и др.

5. «Деепричастие+глагол». Эта модель осложняется существительными в разных падежных формах: *кэаран тоймазгэя* «не наглядеться», *бал татытып ашаргэя* «есть со вкусом», *чён юзюп айырылыргэя* «порвать с кем-либо дружеские отношения», *балгэя батып жашаргэя* «жить в изоляции».

6. «Наречие+причастие+глагол»: *ёрге кэопмазлыкэ этерге* «довести кого-либо до изнеможения».

Как и в других тюркских языках (Хертек, 1978, 66; Байрамов, 1970, 140), порядок расположения компонентов карачаево-балкарских глагольных фразеологизмов устойчив, т. е. глагольный компонент в них всегда занимает последнее место. Примеры: *Шёндюден окэуна адамланы бир бирге этип башлагэан жаш, артда элге от саллыкэ эди* (А. Теппеев, Отлукэ ташла, 84) «Парень, начавший уже с этих пор натравливать людей друг на друга, потом мог бы наделать беды». *Кэади ишден келгенде, Зубай, кёлюн алыргэя: — Ата, бет-кэол жуучу, — деп сюеличю эди алына* (А. Теппеев, Жаннетни кызы, 19) «Когда Кади приходил с работы, Зубай, чтобы угодить ему, становилась перед ним, говоря: — Папа, умойся».

Компоненты глагольных фразеологизмов могут находиться в дистантном положении: — *Сени кэатынынг сени эски тонунгу кэалай кэагэарыгэына кэараргэя бек сюе эдим, — деп тюкенчи хыликкя этди* (Малкэар халкэ жомакэла, 1, 123) «Мне бы очень хотелось посмотреть, как твоя жена тебя будет ругать», — сказал продавец». *Тушохну кёзлери ингирили бери тынгылауну басып тургэан кенгбет жашха илиндиле* (Х. Кацнев, Тамата, 36) «Глаза Тушоха устремились на молчавшего весь вечер широколицего парня». [Хопай:] *Кэарынынга аш ашатып, юсюнге кийим кийдирип тургэан адамгэя кэолунгу кэалай кётюресе!* (Х. Эбзеев, Кэанаматны журтунда, 8) «[Хопай:] Как ты можешь поднять руку на человека, кормившего и одевавшего тебя?». *Абидат да ишни кэолгэя кызыу алгэанды* (Х. Кацнев, Мухаммат, 53) «Абидат тоже серьезно взялась за работу».

Глагольные фразеологизмы карачаево-балкарского языка употребляются в форме какого-либо склонения. Глагольный компонент спрягается и принимает формы времен изъявительного склонения.

Форма изъявительного склонения настоящего времени единственного и множественного числа: *Битеу дуния Рос-*

сейни патриотларыны жигитликлерине баш урады («Коммунизмге жол», 3/ХІІ—1971) «Весь мир преклоняется перед героизмом патриотов России». *Къойла кюн бетледе бек алапат къарын этедиле* («Алчыла», 107) «Овцы на пригреве очень хорошо наедаются».

Изъявительное наклонение прошедшего времени, единственного и множественного числа: *Аны алай этгени Рачыкъауну бурунуна ётдю* («Нартла», 212) «Его такой поступок разозлил Рачыкауа». *Назирни тили тутулду, борбайлары тохтадыла да, Ариубатха къарап къалды* (Ж. Залиханов, Жаннган жюрекле, 197) «Назир потерял дар речи и, обессилев, устремился глазами на Ариубат». *Тау тарларында зынтхы, арпа, будай сабанчыкъла баш къусхандыла* (С. Шахмурзаев, Танг аласында, 159) «В горных теснинах маленькие овсяные, ячменные, пшеничные поля заколосились».

Глагольные фразеологизмы в изъявительном наклонении будущего времени единственного и множественного числа: *Аманна сёзю жюрек жарыр* (Къарачай нарт сёзле, 182) «Слово плохого изматает душу». *Аны тамам эталманга а, сыртынгдан къайышлык алырла* («Малкъар халкъ жомакъла», 1, 8) «Если же не сумеешь выполнить это, то спустят три шкуры».

Из всех форм желательного наклонения в глагольных фразеологизмах наиболее часто употребляется форма на -ай / -ей единственного числа: *аурууунгу алайым* «да возьму я к себе твою болезнь», *къурманынг болайым* «да буду я твоей жертвой».

Условное наклонение образуется аффиксом -са / -се: *кёзюне чёп болуп тюшсе да ууарыкъ туююлдю* «он его очень уважает», *боюнуму тартсанг да* «хоть ты меня зарежь»; *Жантемир къызы эрини айтханы магъаналы болганына къулакъ тиксе да, кеси аллына башын булгъады* (А. Аппаев, Къара кюбюр, 198) «Хотя дочь Жантемира обратила внимание на важность сказанного мужем, все же произвольно покачала головой».

Чаще, чем в желательном и условном, глагольные фразеологизмы употребляются в повелительном наклонении: *Ахмат башын энишге ийилтип: «Жол болсун» — деди* (О. Этезов, Къаяла унутмагъандыла, 26) «Ахмат наклонил голову и сказал: «Добрый путь». *Энди бел къатдыр, Назифа, болур болгъанды: Айбек Ата журт ючюн урушда жигитлик этип ёлгенди* (А. Суюнчев, Адамлыкъ, 10) «Теперь крепись, Назифа, дело свершилось: Айбек погиб на Отечественной войне, совершив геройство». *Картофну учё-*

ту биченнича эсе, андан да кѳол жуу (Х. Кациев, Тамага, 82) «Если учёт картофеля поставлен как учёт сена, то не надейся».

Глагольные компоненты фразеологизмов карачаево-балкарского языка обладают формами всех залогов, кроме взаимосовместного. Вместе с тем большинство глагольных фразеологических единиц имеют форму только одного, главным образом основного залога: *Мен Зариятха женгбирмей, кѳара отказны басдым* (О. Хубиев, Адамла, 105) «Не признаваясь Зарият, я отказалась наотрез», *Мындан оздура эсек, этни кѳазаннга иебиз* (С. Шахмурзаев, Тапг аласында, 63) «Если упустим время, то переварим мясо». *Старшина бюгюн жан-жанын ашай эди* (Х. Байрамукова, Чолпан, 72) «Старшина сегодня неистовствовал».

Немало глагольных фразеологизмов в форме понудительного залога: *Азал, айтдырмай кѳоймай эсенг, санга биринчи кѳара танытып башлагъан менме* (О. Хубиев, Жукъусуз кечеле, 218) «Азал, если на то пошло, тебя грамоте начал учить я». *Асыры чапдыргъандан ол бир-эки атны ичин кюйдюргенди* (Малкъар халкъ жомакъла, 1, 15) «Гоняя вскачь, он загнал несколько лошадей». *Аны кѳайгъысы кѳп болгъанды, жашау анга кѳалияр кѳаздыргъанды* (Х. Кациев, Мухаммат, 127) «У нее много было горя, жизнь заставила ее страдать». *Биймырзагъа энгда да тубен, тишлерими санатама деген кѳоркѳууда, ол арт эшик бла чыгъып кетди* (Х. Аппаев, Кѳара кюбюр, 275) «Боясь попасть на глаза Биймурзы и получить по зубам, он вышел в заднюю дверь и ушел».

Как и в глаголах, не входящих в состав рассматриваемых словосочетаний, в глагольных фразеологизмах формы страдательного и возвратного залогов трудно различимы: *Тиширыу, кѳзлери кюле, кабинетден кѳлю кѳтюрюлюп чыкъды* (Ж. Токумаев, Ёксюзню кѳадары, 110) «Женщина вышла из кабинета со смеющимися глазами, в приподнятом настроении». *Мен аны кѳргенимде асыры кѳоркѳгъандан, жаным тамагъыма тыгъылгъан эди* (Х. Кациев, Тамата, 62) «Когда я увидел его, со страха на грани смерти был». *Сары жауча жагъылыргъа* «мазаться как сливочное масло (т. е. льстить, ласково и приветливо говорить)», *сѳезуне табылыргъа* «сдержать слово».

Глагольный компонент фразеологизма может выступать в роли неличных функциональных форм глагола: инфинитива, причастия и деепричастия.

Инфинитив на **-(ы)ргъа / -(и)рге**: *Махатчи, баргъаненг кѳызылбекледе жашаргъа, умут этген эдинг Кѳарачайны кѳой аягъынлай ашаргъа* (Кѳарачай поэзияны антоло-

гиясы, 90) «Махатчи, ты пошел жить к абхазцам, ты надеялся истреблять, угонять скот Карачая». *Мында болгъанынгы билселе, иегилеринги санаргъа угъай демезле* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 220) «Если узнают, что ты здесь, то не откажутся дать взбучку». *Бирибиз бу къан ичген итлени къолларына тюшген заманда, ауузу къандан толса да жукъ айтмазча, таякъ тюрбюнден тизилрге керекбиз,— деди Бийнегер* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 74) «В случае, если кто-нибудь из нас попадет в руки этих кровопийцев, поклянемся молчать даже тогда, когда крови полон будет рот,— сказал Бийнегер».

Причастие на -гъан(ген): *Къолума таякъ алырча болгъанлай, Дударкъалагъа беишжыллыкъ жалгъа кирип, башыма жашау этейим деп тебиредим* (М. Байчоров, Уллу Къарачайда, 189) «Как только подрос, я решил устроить себе жизнь, поступив к Дударке в рабство на пять лет». *Бир жол, Рамазанны областьха алып кетерге дегенлеринде да, къой ауузундан чён юзмеген огъурлу адамыбызны элибизден кетерлик тюрюлбюз деп, эли къартлары унамагъан эдиле* (А. Теппеев, Отлукъ ташла, 18) «Однажды, когда Рамазана хотели взять в область, старики села не позволили, сказав: не дадим, чтобы смиренный, добрый человек ушел из села». *Бизни хар бирибиз боюнубузгъа салынган жумушну тизгинли толтурайыкъ* (Х. Кадиев, Тамата, 190) «Пусть каждый из нас аккуратно выполняет возложенную на него работу».

Глагольные фразеологизмы в форме деепричастия на -а(-й) и -ып(-п) в сочетании с другими глаголами выражают различные семантико-грамматические оттенки значения: *Болмачы затны бармакъгъа чёргеп, адамланы къанларын бузуп тургъанны къояргъа керекди* (Х. Шаваев, Ач эшикни, менме, 89) «Надо перестать расстраивать людей, придираясь к пустякам». *Ол, тили тутулуп, жукъ айталмай, Ибрагимден кёзюн алмай къарайды* (Х. Кадиев, Мухаммат, 225) «У него отнялся язык, и, ничего не смея сказать, смотрит на Ибрагима не сводя глаз». *Шамайыл, ичи ура, жетип шыбырдады* (Х. Аппаев, Къара кюбюр, 241) «Шамайыл, запыхавшись, добежал и шепнул». *Къалай боллукъ эсе да, ол ишни боюнуна алыргъа бел байлап, танг ата, Жабраил Локъманович жеринден турду* (А. Теппеев, Ташыуул, 180) «Жабраил Локъманович встал из постели рано утром, решившись во что бы то ни стало взять это дело на себя». *Эринчекле, жалкъаула Азалны ауузун чабып, даулашып, сёлеширге къоймай, талай кере чамландырдыла* (О. Хубиев, Жукъусуз кечеле, 139) «Лодыри,

лентяи много раз рассердили Азала, перебивая его и споря с ним, не давая ему говорить».

Широко распространено в рассматриваемых фразеологизмах употребление глагола только в отрицательной форме. При этом глагол может иметь парадигмы спряжения, но в положительном значении обычно не выступает (Ураксин, 1975, 72). Примеры: *Сен юйде хазна болмай эдинг, мен айтханны уа ол кзулагына алмай эди* (О. Хубиев, Аманат, 1, 22) «Ты дома почти не бывал, а на мои слова он совсем не обращал внимания». *Жауун жалкытды, кёз ачдырмайды* (М. Геттуев, Жюрекле бла алтын кюлла, 61) «Дождь изнурил, не дает опомниться». *Алайсыз да кваны квартыкыгга сыйымай тургъан Асият юйге кючден жетди* (М. Шаваева, Мурат, 82) «И без того разгневанная Асият с трудом дошла домой». *Болсада, Бийбертни аллай бир мудах болуп, не эсе да бир жашыртын ишни билдирирге ауузу батмай тургъанын эслеп, тиширйу жумушады* (А. Теппеев, Отлукъ ташла, 40) «Однако, увидев, что Бийберт очень печален и не решается сообщить о каком-то тайном деле, женщина смягчилась».

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Фразеологические единицы современного карачаево-балкарского языка в генетическом аспекте делятся на исконно карачаево-балкарские и заимствования (кальки и полукальки). Исконными фразеологизмами принято считать фразеологические единицы, возникшие как образные обороты от переменных словосочетаний языка или унаследованные им из более древнего языкового источника (Шанский, 1964, 225). Таким образом, исконные фразеологизмы карачаево-балкарского языка имеют много общего с фразеологией других тюркских и монгольских языков, что позволяет относить возникновение этих фразеологических единиц к эпохе алтайской общности (Ураксин, 1975, 153).

Исконно карачаево-балкарские фразеологические обороты можно разделить на две группы: собственно карачаево-балкарские и общетюркские фразеологические обороты.

К собственно карачаево-балкарским фразеологизмам относятся фразеологические обороты, связанные с обычаями, традициями и бытом карачаевцев и балкарцев. Как

и всякие фразеологизмы, они возникли из первоначально свободных сочетаний слов, которые по той или иной причине в определенный момент стали фразеологизмами. «В связи с изменением и изжитием общественных факторов, вызвавших те или иные выражения, они (эти выражения) впоследствии могли лишиться своего прямого лексического значения и получить значения переносные» (Кенесбаев, 1954, 15).

Таковы, например, в карачаево-балкарском языке фразеологические единицы *от алырга келгенча*; *кӱол салыргъа*; *кӱундуз ийлеуюн берирге*; *таякӱ тӱбюнден тизилирге* и др. В фразеологизме *от алыргъа келгенча* «сильно спешить» (букв.: «словно за огнем пришел») говорится о госте, сильно торопящемся ехать обратно: в прошлом люди брали у соседей огонь на розжиг. Фразеологизм *кӱол салыргъа* «подписать, расписаться» (букв.: «ставить руку») возник в тот период, когда вместо подписи (по неграмотности) прикладывали к документу палец, т. е. ставили руку. Фразеологический оборот и сейчас продолжает функционировать, хотя уже никто этого не делает, а принято подписывание документов (см.: Ураксин, 1975, 175). Фразеологизм *кӱундуз ийлеуюн берирге* (букв.: «избить как выдру»): чтобы легче снять шкурку, охотники избивали мертвую выдру палками. Охотники же ввели в речь этот оборот. Фразеологическая единица *таякӱ тӱбюнден тизилирге* (букв.: «пройти под палкой строем») употребляется в значении «поклониться»: не имея письменности и поэтому возможности дать письменную клятву, карачаевцы и балкарцы в знак своей верности чему-либо проходили строем под палкой (Жарашуева, 1968, 3).

Таким образом, фразеологические единицы «являются тем материалом, который хорошо сохраняет в себе следы истории народа» (Рагимзаде, 1967, 8).

О древности происхождения того или иного фразеологизма свидетельствует наличие в его составе слова, которое не употребляется вне данной фразеологической единицы. Жизнеспособность архаических элементов в структуре фразеологизмов объясняется их важнейшими особенностями — устойчивостью, стабильностью структурно-семантической организации и — это, по-видимому, главное — актуальностью значения, свойственного устойчивому словесному комплексу в целом (Чернов, 1980, 110). Таковы карачаево-балкарские фразеологизмы: *ханау хапар* «ложь, неправда», *сарыуу кӱайнаргъа* «ревностно желать чего-то», *тӱнкеси юзюлген* «истощенный», *хымен халы чакӱлы бир* «ничтожная малость чего-либо», *амыры тартмай* «нехотя,

без желания», *чиримпис болургъа* «расстроиться (о делах и т. д.)», *ашюгю тулукъча* «тяжелый», *бечеу этерге* «запрягать цугом», *мысагъат этерге* «подумать». В этих фразеологизмах первые слова являются архаизмами и в современном карачаево-балкарском языке самостоятельно не употребляются.

Фразеологизмы, общие для тюркских языков

Сравнение с некоторыми тюркскими языками показывает, что во фразеологии карачаево-балкарского языка довольно значительно количество единиц, которые своими корнями уходят к общетюркскому пласту. К ним относятся следующие группы параллелей: 1) идентичные фразеологизмы, совпадающие по значению и лексическому составу в нескольких тюркских языках; 2) фразеологизмы, одинаковые по значению, но частично различающиеся лексическим составом; 3) фразеологизмы, одинаковые по лексическому составу, но различающиеся по значению.

К первой группе относятся фразеологизмы:

карач.-балк. *кзулакъ салыргъа* // тув. *кулак салыр* «внимательно слушать» (букв.: «ставить ухо»);

карач.-балк. *баш кётюрмей* // тув. *баш кёдюрбес* «не покладая рук» (букв.: «не поднимая головы»);

карач.-балк. *ахыратха кетерге* // кирг. *акыретке кетюю* «умереть» (букв.: «уйти в потусторонний мир»);

карач.-балк. *ата журт* // кирг. *ата журт* «отечество» (букв.: «отчий край»);

карач.-балк. *атангы къанын ич* // кирг. *атангдын канын ич* «проклятие» (букв.: «пей кровь своего отца»);

карач.-балк. *ат юсюнден* // кирг. *ат юстюнён* «поверхностно, не вникая глубоко» (букв.: «сидя на коне»);

карач.-балк. *ачыкъ аууз* // кирг. *ачык ооз* «не умеющий беречь секреты» (букв.: «открытый рот»);

карач.-балк. *бармагъындан бал тамгъан* // кирг. *бармагынан бал тамган* «искусный мастер» (букв.: «с пальца его капает мёд»);

карач.-балк. *ийнеден-жипден чыкъгъанча* // тат. *инеден-жетпен чыккан* «новый» (букв.: «как будто из иглы и нитки вышло»);

карач.-балк. *аузуна къаратыргъа* // тат. *авызга карату* «заставлять кого-либо слушать себя; интересно говорить» (букв.: «заставлять смотреть в рот»);

карач.-балк. *баш уругъа* // тат. *баш ору* «низко кланяться» (букв.: «бить головой»);

карач.-балк. *керегин берирге* // тат. *кирекне биру* «бить, наказать»;

карач.-балк. *кзуйругъун кзысаргъа* // тат. *койрыгын кысу* «бояться» (букв.: «поджать хвост»);

карач.-балк. *кзулакъгъа алыргъа* // тат. *колакга алу* «слушать, держать в памяти» (букв.: «принять в ухо»);

карач.-балк. *кёз кзысаргъа* // тат. *кюз кысу* «дать знак, подмигнуть» (букв.: «закрыть глаз»);

карач.-балк. *кёз-кзулакъ болургъа* // тат. *кюз-колак булу* // башк. *кюз-колак булуу* «присмотреть, посматривать за кем-чем-либо»;

карач.-балк. *таш жүрек* // тат. *таш йёрек* «бессердечный, беспощадный, жестокий» (букв.: «каменное сердце»);

карач.-балк. *хур кыыз* // тат. *хур кызы* «очень красивая девушка»;

карач.-балк. *кёкге кётюрюрге* // кирг. *кёккё кётёрюю* «очень хвалить» (букв.: «поднять на небеса»);

карач.-балк. *башдан аякъ* // казах. *бастан аяк* «все, целиком»;

карач.-балк. *бешик бауу бек болсун* // кирг. *бешик бонг бек болсун* «поздравление родителей с рождением ребенка» (букв.: «да будет повязка для люльки крепкой»);

карач.-балк. *кзаны бузулургъа* // кирг. *каны бузулуу* «злиться»;

карач.-балк. *кзолу жукъа* // кирг. *колу жука* «бедный, несостоятельный»;

карач.-балк. *кёз тиерге* // тат. *кюз тию* // казах. *кёз ти-ди* // кирг. *кёз тийюю* «сглазить»;

карач.-балк. *кёзю кзыймазгъа* // кирг. *кёзю кыйбоо* «пожадничать, пожалеть (отдать что-либо)»;

карач.-балк. *жан кирирге* // кирг. *жан кирюю* «оживиться, ожить, воодушевиться»;

карач.-балк. *суу бурун* // кирг. *суу мурун* «сопливый»;

карач.-балк. *аууз ачаргъа* // кирг. *ооз ачуу* «вечерняя еда держащих уразу» (букв.: «открыть рот»);

карач.-балк. *эки бетли* // чуваш. *ике питле* // казах. *эки бетти* «лицемер, двуличный»;

карач.-балк. *аузуна кзараргъа* // башк. *аузына карау* «исполнять чью-либо волю» (букв.: «смотреть в рот»);

карач.-балк. *кзуру кзальргъа* // башк. *коро калыу* «остаться ни с чем»;

карач.-балк. *кзолдан келирге* // башк. *кулдан килеу* «получаться»;

карач.-балк. *союп кзаплагъанча* // башк. *суйын каплагандай* «очень похожий, словно вылитый»;

карач.-балк. *ит бурун* // хакас. *ит пурун* «плод шиповника» (букв.: «собачий нос»);

карач.-балк. *атасына бурунундан тюшгенча ушайды* // тур. *бабасынын бурнундан дюшмюш* «(он) похож на отца как две капли воды; он вылитый отец» (букв.: «похож на отца, словно выпал из его носа»);

карач.-балк. *жети атагъа дери* // казах. *жети атага дери* «до седьмого колена» (букв.: «до семи отцов»);

карач.-балк. *кёпню кёрген* // казах. *кёпти кёрген* «видавший виды»;

карач.-балк. *къара таныргъа* // казах. *кара таныды* «стать грамотным» (букв.: «знать буквы»);

карач.-балк. *къан жаусун* // казах. *кан жаугыр* «проклятие» (букв.: пусть кровь дождем польётся»);

карач.-балк. *къара кюн* // казах. *кара кюн* «печальный момент, несчастье» (букв.: «чёрный день»);

карач.-балк. *къара кьерге* // казах. *кара киди* «быть в трауре» (букв.: «одеваться в черное»);

карач.-балк. *китап ачдыр* // казах. *китап ашты* «предсказывать судьбу по священным писаниям»;

карач.-балк. *кёз байланыргъа* // казах. *кёз байланды* «вечереть, темнеть» (букв.: «завязать глаз»);

карач.-балк. *эси ауаргъа* // казах. *еси ауды* «потерять сознание»;

карач.-балк. *эриши кёрюрге* // казах. *ерси кёрди* «невзлюбить»;

карач.-балк. *жалгъан дуния* // казах. *жалган дуние* «бренный мир»;

карач.-балк. *жууапха тартыргъа* // казах. *жауапка тарты* «привлечь к ответственности»;

карач.-балк. *жаны ауургъа* // казах. *жаны ауырды* «переживать за кого-либо»;

карач.-балк. *аман кёз бли къараргъа* // казах. *аман кёзбен карады* «не одобрять, не симпатизировать» (букв.: «смотреть плохим глазом»);

карач.-балк. *жан берирге* // казах. *жан берди* «умирать» (букв.: «душу отдать»);

карач.-балк. *бир ауукъ* // казах. *бир ауык* «определенное время»;

карач.-балк. *башы сауду* // казах. *басы сау* «он еще жив»;

карач.-балк. *аякъ юсюне болургъа* // казах. *аяк юсти болды* «выздороветь»;

карач.-балк. *зауукъ этерге* // казах. *зауык етти* «наслаждаться»;

карач.-балк. *къыл кёпюр* // казах. *кыл кёпир* рел. «мост в рай (через чистилище)»;

карач.-балк. *элек бла суу ташыргъа* // тат. *илек белен су ташу* «заниматься бесполезным делом» (букв.: «носить воду решетом»);

карач.-балк. *жюреги басылыргъа* // тат. *иёрек басылыу* «успокоиться»;

карач.-балк. *акъылдан шашаргъа* // тат. *акылдан шашу* «сойти с ума»;

карач.-балк. *бахчасына таш атаргъа* // тат. *бакчага таш ату* «делать зло; говорить поддевая кого-либо»;

карач.-балк. *ауузун ачса, ёпкелери кёрюне* // тат. *авызын ачса юпкесе кюрене* «худой, тощий»;

карач.-балк. *от башы* // казах. *от басы* «почетная половина помещения»;

карач.-балк. *сёз берирге* // казах. *сёз берди* «обещать»;

карач.-балк. *къыз теке* // казах. *кыз теке* «женоподобный»;

карач.-балк. *аллахны суюген къулу* // казах. *алланын суюген кулы* «благочестивый человек»;

карач.-балк. *азап чегерге* // казах. *азап шекти* «жить плохо, мучиться»;

карач.-балк. *тилегинг къабыл болсун* // казах. *тилегинг къабыл болсын* «приветствие, пожелание добра»;

карач.-балк. *темирден тюйме тюйген* // казах. *темирден тюйме туюди* «искусный мастер»;

карач.-балк. *сёзге къалыргъа* // казах. *сёзге калды* «стать жертвой сплетен; быть предметом пересудов».

Фразеологизмы, одинаковые по значению, но частично различающиеся лексическим составом:

карач.-балк. *итлени суугъа элтирге* (букв.: «водить собаку на водопой») «бездельничать» // тат. *эт дагалау* (букв.: «собаку ковать») в том же значении // кирг. *эшек такалоо* (букв.: «осла ковать») в том же значении;

карач.-балк. *ийне бла кёр къазгъанча* (букв.: «все равно, что иглой копать могилу») об очень тяжелой работе // тат. *эне белен кое казу* (букв.: «рыть (копать) колодец иглой») в том же значении // казах. *инемен кудык казгандай* (букв.: «все равно, что рыть колодец иглой») в том же значении;

карач.-балк. *эринин-бурунун чюйюрдю* // казах. *ернин шуйирди* «не одобрил»;

карач.-балк. *эки аягъын бир уюкъгъа сугъаргъа* (букв.: «заставить сунуть обе ноги в один валенок») «поставить кого-либо в безвыходное положение» // казах. *еки аягъын бир етикке тыкты* (букв.: «заставить сунуть обе ноги в один сапог») в том же значении;

карач.-балк. *ачыкъ жарагъа туз сепгенча* «как будто открытую рану солью посыпали» // казах. *жарага себилген ащы туз* в том же значении;

карач.-балк. *бир аягъы тёрде, бир аягъы кёрде* о человеке с очень слабым здоровьем // казах. *бир аягы жерде, бир аягы кёрде* в том же значении;

карач.-балк. *барып тохтагъан* // казах. *барып турган* «очень; что называется; самый что ни на есть»;

карач.-балк. *ауузун ачса, ёпкслери кёрюннген* // казах. *аузын ашса, шек-карны кёринген* «очень худой»;

карач.-балк. *аякъ басды, кёз къысды* // казах. *бармак басты, кёз кысты* «делать какое-то дело тайно; обмануть кого-либо»;

карач.-балк. *огъурлу болсун, сау жырт!* «пусть будет на счастье!» // казах. *киминг кутты болсын, ёзингнен бурын тозсын!* в том же значении (говорится по поводу обновы);

карач.-балк. *азан къычырыгъа* // казах. *азан шақырды* «призвать к молитве»;

карач.-балк. *анасына жангыдан туугъанча болургъа* // казах. *анасынан кайта тугандай* «сильно обрадоваться, обрадоваться так, будто вновь на свет народился»;

карач.-балк. *кёзню жумуп ачхынчы* // казах. *кёзди ашып жумганша* // кирг. *ачып кёздю жумганча* «быстро, мгновенно»;

карач.-балк. *ийне жутхан ит кирик* // кирг. *ийне жеген иттей* «очень худой»;

карач.-балк. *кёл салыргъа* // тат. *кюнгел салу* «увлекаться»;

карач.-балк. *ауузунга бал* // тат. *авызынга бал да май* «благодарность человеку, принесшему хорошее известие»;

карач.-балк. *баш алыргъа* // тат. *баш алып качу* «избавиться, освободиться от кого-чего-либо»;

карач.-балк. *башын къашыргъа да бошамазгъа* // тат. *баш кашырга да вакыт булмау* «не иметь свободного времени»;

карач.-балк. *аякъ басар жер жокъ!* башк. *аяк басыр урын юк* «негде ногой ступить»;

карач.-балк. *эт жууукъ* // казах. *ет жакын* «кровный родственник»;

карач.-балк. *эринин къабаргъа* // кирг. *бармагын тиштёё* «каяться о содеянном»;

карач.-балк. *ант жетерик* // кирг. *ант ургур!* «чтобы тебя клятва покарала»;

карач.-балк. *акъылдан шашаргъа* // кирг. *акылдан адашуу* «сойти с ума»;

карач.-балк. *мыйыкъ тюбюнден кюлюрге* // кирг. *ууртундан жылмаюу* «смеяться в кулак, злорадствовать»;

карач.-балк. *кэой ауузундан чён юзмеген* // казах. *кой аузынан шён алмайды* // кирг. *кой оозунан чён албаган* «безобидный» (букв.: «изо рта овцы соломинку не отнимающий»);

карач.-балк. *кюнню кёзю кёрюннгенде* // кирг. *кюндюн мурду чыкканда* «ранним утром»;

карач.-балк. *танг кэарангысы* // кирг. *танг каракчысы* «рассвет, раннее утро»;

карач.-балк. *тилими тюбюнде айлана турады* // кирг. *тилинин учунда туруу* «вертеться на кончике языка».

Фразеологизмы, одинаковые по лексическому составу, но различающиеся по значению:

карач.-балк. *кюн кёрюрге* «жить, видя много хорошего» // хакас. *кюн кёр* «жить как-нибудь, существовать»;

карач.-балк. *баш ие* «муж» // тув. *бажынг ээзи* «муж или жена»;

карач.-балк. *буруну салыныргэа* «печалиться, переживать» // тат. *борын салындыру* «повесить нос, обидеться, приунуть; повесить голову»;

карач.-балк. *жюреги жарылыргэа* «сильно разозлиться» // тат. *йюрек ярылу* «сильно испугаться»;

карач.-балк. *кэол жууаргэа* «потерять надежду, отчаяться» // кирг. *кол жууп калуу* «лишиться всего состояния»;

карач.-балк. *кёзю илинирге* «приметить, обнаружить что-либо» // кирг. *кёзю илинюю* «поспать, подремать»;

карач.-балк. *тил тутаргэа* «не разговаривать» (невестка не разговаривает в знак уважения со старшими родственниками мужа до определенного обряда) // хакас. *тил тут* «держат речь»;

карач.-балк. *таш жюрек* «жестокий» // тув. *таш чуректиг* «отчаянно смелый»;

карач.-балк. *алтын кэоллу* «мастер на все руки» // тат. *алтын куллы* «деловой, способный, даровитый».

Сопоставительное изучение отдельных фактов фразеологии неродственных языков позволяет выявить некоторые общие тенденции возникновения соотносительных фразеологических единиц (Шор, 1977, 47). Адекватные фразеологизмы, т. е. фразеологические единицы, вполне соответствующие по смыслу карачаево-балкарским фразеологическим единицам, встречаются в монгольских языках. Таковы следующие фразеологические соответствия:

карач.-балк. *таш жюрек* // бурят. *шулуун зурхэн* «жестокый» (букв.: «камень сердце»);

карач.-балк. *мангылайы ачыкъ* «радушный» (букв.: «люб его открытый») // калм. *мангнань тиних* «испытывать чувство радости и удовлетворения» (букв.: «люб его выпрямляется»);

карач.-балк. *ауурлугъу болгъан тиширыу* «беременная женщина» (букв.: «женщина, у которой есть тяжесть») // монг. *хэл хунд болох* «забеременеть» (букв.: «стать тяжелой нога»);

карач.-балк. *эки бетли* «лицемер, двуличный» (букв.: «человек с двумя лицами») // бурят. *хоер ноуртан* «двурушники» (букв.: «люди с двумя лицами»);

карач.-балк. *жаны чыгъаргъа* «испустить дух» (букв.: «душа выйти») // калм. *эмнь харх* в том же значении;

карач.-балк. *къоюнуна от тюшгенча* «как угорелый» (букв.: «словно за пазуху его огонь попал») // калм. *хормаднь хал орх* «носится как угорелый» (букв.: «в подол его огонь попал»);

карач.-балк. *ауузунда ит ёлурге* «говорить грубо» (букв.: «во рту его сдохнуть собаке») // бурят. *досоонь нохой* «печальный, унылый» (букв.: «внутри его сдохла собака»);

карач.-балк. *кёз-къулакъ болургъа* «посматривать за кем-чем-либо» (букв.: «быть глазом-ухом») // калм. *нудн, амн болх* «брат над кем-либо опеку, присматривать за ребенком или за старым человеком» (букв.: «быть глазами-ртом»);

карач.-балк. *кёз тиерге* «сглазить» (букв.: «глазом задеть») // калм. *нудн курх* (букв.: «глаз дойти») в том же значении.

В то же время выявляется несовпадение основного фразеологического фонда алтайских языков как по лексическому составу, так и по семантике и образной основе. Это говорит о том, что основная часть фразеологизмов тюркских и монгольских языков развивалась параллельно после распада алтайской общности (Ураксин, 1975, 157).

Сравнительный анализ фразеологии кабардинского и карачаево-балкарского языков показывает совпадение значения, образной основы и лексического состава значительного числа единиц. Выявленные соответствия можно разделить на три группы: соответствия, одинаковые по своему лексическому составу; соответствия, частично различающиеся по своему лексическому составу; соответствия разного лексического состава.

Кабардинско-карачаево-балкарские фразеологические соответствия, одинаковые по своему лексическому составу:

- карач.-балк. *анга жау жакъгъанча кёрюндю* (букв.: «словно его намазали маслом») «словно его осчастливили» // каб. *тхъу къыщахуам хуэдэу* в том же значении;
- карач.-балк. *тили тутулургъа* // каб. (и) *бзэр иубыдын* «лишиться дара речи» (букв.: «затмиться речи»);
- карач.-балк. *жюреги жабышыргъа* // каб. *гур кIэрып-щIэн* «привязаться к чему-либо» (букв.: «сердцем прилипнуть»);
- карач.-балк. *татлы тилли* // каб. *бзэ IэфI* «ласковый, добрый на слово, златоуст» (букв.: «сладкоязычный»);
- карач.-балк. *ачы тилли* // каб. *бзэ дыдж* «со злым языком» (букв.: «с горьким языком»);
- карач.-балк. *абдез алыргъа* // каб. *андез щтэн* «делать омовение перед намазом» (букв.: «братъ абдез»);
- карач.-балк. *азан къычырыргъа* // каб. *азан джэн* «произнести с минарета призыв к молитве» (букв.: «кричать намаз»);
- карач.-балк. *сокъур тырнакъ* // каб. *Iэбжъанэ* «жорявый ноготь» (букв.: «слепой ноготь»);
- карач.-балк. *къол кётюрюу* // каб. *Iэ IэткIэ* «голосование» (букв.: «поднятие руки»);
- карач.-балк. *дунияны бузаргъа* // каб. *дуней къутэжын* «рвать и метать, неистовствовать» (букв.: «разрушать, громить мир, вселенную»).
- К этой группе относятся и некоторые фразеологические обороты, выражающие пожелания различного характера:
- карач.-балк. *бешик бауу бек болсун* // каб. *и гущепст хъэм быдэ ищI* «лямки его люльки да будут прочными (пожелание тому, у кого родился ребенок)»;
- карач.-балк. *къурманынг болайым* // каб. *къурмэн сыпхухъу* «жертвой тебе да буду» (так старшие говорят младшему, чтобы выразить ему свою любовь и признательность);
- карач.-балк. *узакъ ёмюрлю бол* // каб. *гъащIэ кIыхъ ухъу* «долголетним будь»;
- карач.-балк. *иш къолай болсун* // каб. *уи Iуэху фIы ухъу* «да будет удачным твое дело»;
- карач.-балк. *огъурлу болсун* // каб. *угърлы ухъу* «да будет на счастье (об одежде)».
- Кабардинско-карачаево-балкарские фразеологические соответствия, частично различающиеся по своему лексическому составу:
- карач.-балк. *мыйыкъ тубюнден кюлюрге* (букв.: «смеяться из-под усов») // каб. *пащIэкIэм щIэгуфIыкIын* (букв.: «улыбаться в усы») «усмехаться»;

карач.-балк. *сёзю чапыракъдан ётмеген* (букв.: «такой, что слово его не проходит сквозь лист») // каб. *и псалъэ тхъэрыкъуэфым зэпхидзыракъым* (букв.: «его слово не пробьет даже листьев лопуха») «такой, что с его мнением никто не считается»;

карач.-балк. *хыбырт тон* (букв.: «ссохшаяся шуба») // каб. *джэдыгу пларгъ* (букв.: «хрустящая шуба») — о бедном, невзрачном человеке;

карач.-балк. *эт да, шиш да кюймезча* (букв.: «чтобы и мясо не сгорело, и вертел тоже») // каб. *дзасэри мылыңцIу, лыри мыцIынэу* (букв.: «чтобы вертел деревянный не сгорел и мясо не было сырым») «чтобы овцы были целы и волки сыты».

Наличие фразеологических соответствий в кабардинском и карачаево-балкарском языках является результатом того, что носители этих языков издавна живут в соседстве; это обусловило и взаимодействие их языков. Но следует проявлять большую осторожность при установлении факта заимствования того или иного оборота, так как в различных языках имеются параллельные выражения, появившиеся в одинаковых условиях, содержащие один и тот же образ, но возникшие независимо друг от друга (Кунин, 1972, 82). Появлению некоторых фразеологических соответствий несомненно помог общечеловеческий характер психических процессов (Назаров, 1973, 29), — ср.: каб. *шэм исар шхум йопцэ*, карач.-балк. *сютге ауузун кюйдюрген, сууну юфгюрюп уртлай эди*, англ. *укушенный змеей боится веревки*, греч. *кто обжегся тыквенной кашей, дует на простоквашу*.

Фразеологическое выражение *айыуну кесин кёре тургъанлай ызын ызларгъа* «видя самого медведя, искать его след» (т. е. спрашивать о ясном, понятном) имеется в карачаево-балкарском, кабардинском и осетинском языках. Поэтому трудно было определить, в каком из этих трех языков было оно первоначально. Однако наличие этого фразеологизма и в якутском языке дает основание считать его исконно тюркским выражением, которое было заимствовано кабардинцами и осетинами.

Фразеологические кальки и полукальки

В современном карачаево-балкарском языке прямых заимствований, т. е. иноязычных фразеологических единиц, употребляющихся без перевода, не наблюдается. Вместе с тем значительный разряд фразеологических оборотов со-

ставляют фразеологические кальки и полукальки, образованные по русским моделям и образцам.

Под фразеологической калькой следует понимать фразеологический оборот, появившийся в карачаево-балкарском языке в результате буквального, т. е. пословного перевода иноязычного оборота. Фразеологические кальки возникают тогда, когда чужой фразеологизм переводится на карачаево-балкарский язык не целиком, а по составляющим его компонентам, т. е. по словам, из которых он складывается.

Поскольку фразеологическим сращениям и единствам характерна сильная семантическая спаянность их компонентов, то они почти не калькируются. А фразеологические сочетания и выражения часто поддаются калькированию, так как они по характеру связей составляющих их слов и общему значению близки к свободным словосочетаниям (Марданов, 1983, 19). Они возникают, как правило, для выражения отсутствующих в языке понятий и относятся к различным терминологическим и семантическим областям: общественно-политической, производственной, технической и другой терминологии. Фразеологические кальки появляются в языке-рецепторе для обозначения какого-либо нового понятия, предмета и т. д.

Фразеологические кальки карачаево-балкарского языка могут быть субстантивные, адъективные, глагольные и адвербиальные.

Субстантивные фразеологические кальки: *акъ алтын* «белое золото», *бирлик сан* «единственное лицо», *къара алтын* «черное золото», *чий алтын* «червонное золото», *чыгъарыучу кючле* «производительные силы», *жамауат иш* «общественная работа», *жашау хал* «образ жизни», *миллет файда* «национальный доход», *дуния уруш* «мировая война», *темир жол* «железная дорога», *шуёх хал* «дружеская обстановка», *къырал къуллукъчу* «государственный деятель», *ич ишле* «внутренние дела», *къара алтын* «черное золото» (о нефти) и др.

Адъективные фразеологические кальки: *сау-эсен* «жив-здоров», *сёзюне кертчи* «верный своему слову», *тишлери-не дери сауутланган* «вооруженный до зубов» и др.

Глагольные фразеологические кальки: *сёз барады* «речь идет», *ахыр салыргъа* «положить конец», *билим алыргъа* «получить образование», *юлгю кёргюзтюрге* «показать пример», *багъаланы кётюрюрге* «повышать цены», *даражасын кётюрюрге* «повысить уровень», *къолда тутаргъа* «держат в руках», *сёз берирге* «давать слово», *юлгю болургъа* «стать примером», *жууаплы болургъа* «быть в ответе»,

атны журютюрге «носить название», жыйылыуну ачаргъа «открыть собрание», кючюне кирирге «входить в силу», тишлерин эгерге «точить зубы на кого-либо» и др.

Адвербиальные фразеологические кальки: *кёз къыйыры бла* «краем глаза», *шуёхлукъ халда* «в дружеской обстановке», *кюнден кюннге* «день ою дня», *челек бла къуйгъанча* «как из ведра» (о дожде) и др.

Устойчивые обороты, образованные по модели и образцу русских фразеологических оборотов, могут быть двучленными: *сууукъ уруш* «холодная война», *от ачаргъа* «открыть огонь» и т. п. и многочисленными: *башындан аягъына дер* «с ног до головы», *хар атлам сайын* «на каждом шагу», *ал тизгинледе болургъа* «быть в первых рядах», *кеси къыйыны бла жашаргъа* «жить своим трудом», *бизни орамда да болур байрам* «и на нашей улице будет праздник» и т. п.

Кроме фразеологических калек в карачаево-балкарском языке имеется также группа фразеологических полукалек. Фразеологическая полукалька появляется тогда, когда часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода (Шанский, 1964, 242). Примерами фразеологических полукалек в карачаево-балкарском языке являются: *революция къымылдау* «революционное движение», *район ара* «районный центр», *политика къуллукъчу* «политический деятель», *качествону кётюрюрге* «повысить качество», *ал статья* «передовая статья», *граждан уруш* «гражданская война», *женгил промышленность* «легкая промышленность» и т. д.

ЯВЛЕНИЯ СИНОНИМИИ, ВАРИАНТНОСТИ, ПОЛИСЕМИИ И АНТОНИМИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеологические синонимы и фразеологические варианты

Проблема синонимии и вариантности имеет большое теоретическое значение. Здесь решается вопрос об отдельности фразеологии — отдельности фразеологической единицы, что связано в свою очередь с практикой составления одноязычных и двуязычных фразеологических словарей (Карданов, 1973, 208).

Фразеологический оборот по значению может быть эквивалентен не только слову (ср.: *жюреги жарыргъа* — *кёууаныргъа* «обрадоваться», *кёзню жумуп ачхынчы* —

терк «мгновенно», акъ атха миндирирге — махтаргъа «хвалить», антын ханты бла тенг ашагъан — ётюрюкчю «лжец» и т. д.), но и какому-либо фразеологическому обороту (ср.: *не аздан къалса да — эм кеминде* «по меньшей мере», *керегин берирге — орунун тапдырыргъа* «крепко ругать», *ичи суймей — амыры тартмай* «нехотя, без желания» и т. д.). Это говорит о том, что в языке имеет место фразеологическая синонимия.

Синонимическими фразеологизмами называются обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности. Однако, как и лексические синонимы, обозначая одно и то же, синонимические фразеологизмы серьёзно отличаются друг от друга тем, как они это одно и то же обозначают, и тем, какие семантические, лексико-грамматические и стилистические свойства им присущи (Шанский, 1964, 192).

Фразеологизмы могут образовать синонимический ряд из двух и более фразеологических единиц. Так, например, со значением «быть правдивым» употребляются следующие фразеологизмы: *айтхан сёзюне табылыргъа; айтханы айтхан болургъа; бир сёзю эки болмазгъа; айтханын эки этмезге*; со значением «хвалить»: *агъырыкъ атха миндирирге; жерге жетдирмезге; даражасын кётюрюрге; тау бла тенг этерге*; со значением «рассориться»: *аралары айры болургъа; араларына къара жин кирирге; чёп юзюп айырылыргъа*; со значением «человек с золотыми руками»: *агъачдан туюме туюген; бармагъындан бал тамгъан; чырдысындан жау тамгъан*; со значением «позорить»: *агъач атха миндирирге; къара ташха тагъаргъа; эл бедишлик этерге; атын аманнга чыгъарыргъа* и т. д.

Фразеологизмы могут дифференцироваться друг от друга оттенками в семантике, стилистической окраской, сферой употребления, словесными связями и т. д. Так, фразеологизмы-синонимы со значением «умереть»: *жерге кирирге; ахыратха кетерге; аргъы дуниягъа кетерге; дуниядан ауушургъа* и др.— различаются между собой экспрессивно-стилистическими свойствами и сферой употребления; фразеологизмы-синонимы *бош кюн бла баш кюн* и *хар аллахны кюнюнден*, обозначающие «постоянно, изо дня в день», различаются между собой прежде всего своими словесными связями.

Если фразеологические синонимы — это самостоятельные фразеологические единицы, имеющие свой особый лексический состав, структуру, образ, совпадающие лишь по общему (основному) значению, то фразеологические варианты — это разновидности одного и того же фразеоло-

гизма, созданные варьированием одного компонента (если фразеологизм трех или более компонентный) или их морфологическим оформлением. Таким образом, варианты фразеологизма не отличаются друг от друга по значению и стилистическим функциям (Осмонова, 1969, 15). Таковы, например, фразеологические пары: *кӱолу кӱалын — хуржуну кӱалын* «богатый», *башын эл сӱзлюк этерге — башын эл бедишлик этерге* «опозорить», *жюреги жер бла тенг болургӱа — кӱлю жер бла тенг болургӱа* «опечалиться», *аманына тыяныргӱа — аманына кӱалыргӱа* «дойти до изнеможения» и т. д.

В карачаево-балкарском языке имеют место варианты лексические и грамматические. Лексическими вариантами считаются фразеологизмы с общим значением или с незначительными различиями в семантике, содержащие в своем составе один или несколько общих компонентов, в то время как остальные компоненты являются либо синонимами, либо совершенно разными в смысловом отношении словами (Хертек, 1978, 39). Например: *жанындан этерге — жанындан тойдуругӱа* «надоедать упреками», *бетин ачаргӱа — уятын ачаргӱа* «разоблачить», *балтасы ташха тиерге — чалгӱысы ташха тиерге* «потерпеть неудачу», *ат башындан — ат юсюнден* «кое-как, не тщательно», *атайпысны берирге — атайпысны басаргӱа* «крепко ругать, кричать, обвинять», *артына турмазгӱа — артына бармазгӱа* «не отступать, действовать решительно» и т. д.

К лексическим вариантам можно отнести также полную и краткую формы одного и того же фразеологизма. Таковы, например: *зырнайны тартыргӱа* — полный вариант: *анасыны зырнайын тартыргӱа* «плакать»; *жолунг мамукӱдан* — полный вариант: *жолунг мамукӱдан, ёмюрюнг зау-кӱуан* «скатертью дорога»; *жанынга болайым* — полный вариант: *жанынга кӱор болайым* «да буду я жертвоприношением твоей души»; *сюлдери тюшерге* — полный вариант: *боюн сюлдери тюшерге* «пасть духом, повесить голову»; *бети кетерге* — полный вариант: *бети-кӱуту кетерге* «побледнеть от страха»; *ант этерге* — полный вариант: *ант-кӱырал этерге* «клясться»; *ай медет!* — полный вариант: *ай медет аллах!* «как жаль!»; *кӱп суу кетер* — полный вариант: *Кӱобанны кӱп сууу кетер* «много пройдет времени, пока...» и т. д.

Грамматические варианты создаются варьированием грамматических форм одного из компонентов фразеологического сочетания: *кӱонгкӱасы жауду — жау кӱонгкӱа* «гордый, высокомерный»; *ичи кюерге — ичинден кӱара кюерге* «переживать, горевать»; *ёре оту жанмайды — оту ёр-*

ге жанмайды «не ладить с кем-либо»; бет жарыкълы — жарыкъ бетден «приветливо»; аякъ орунсуз этерге — аякъ орунлу этмезге «не давать житья» и т. д.

Сравнительные обороты создают грамматические варианты путем вариации аффиксов: **-лай, -ча** и послелога **кибик**. Например: *ийне жутхан итча* — *ийне жутхан ит кибик* «худой»; *ит биченнге жатханлай* — *ит биченнге жатханча* «как собака на сене»; *къушдан буюкългъан тауукъл балача* — *къушдан буюкългъан тауукъл балалай* «робкий, беспомощный»; *алтынны журунуча* — *алтынны журуну кибик* «очень хороший»; *жёрмеге жеталмагълан киштикча* — *жёрмеге жеталмагълан киштик кибик* «старающийся» до-стать недосыгаемое и т. д.

Таким образом, и синонимы, и варианты образуются в результате варьирования лексем-компонентов фразеологической единицы. Однако преобразованные путем варьирования синонимы различаются либо в оттенках своей семантики, либо в стилистическом отношении. А фразеологические варианты, образованные также путем вариации различных лексем-компонентов, подобных различий не имеют (Карданов, 1973, 229).

Антонимия

Подобно лексическим единицам, фразеологизмы карачаево-балкарского языка вступают между собой в антонимические отношения. Как и в лексике, здесь также следует исходить из семантической противопоставленности и грамматической соотнесенности единиц.

В структурном отношении фразеологические антонимы можно разделить на две группы: одноструктурные и разноструктурные (Эмирова, 1971, 171).

Одноструктурные фразеологические антонимы имеют в своем составе слова-антонимы, расположенные в одной и той же позиции: *ариу кёрюрге* «уважать, любить» (букв.: «считать красивым») — *эриши кёрюрге* «презирать» (букв.: «считать некрасивым»); *сол кёз бла къараргъа* «недолюбливать» (букв.: «смотреть левым глазом») — *онг кёз бла къараргъа* «любить» (букв.: «смотреть правым глазом»); *жылы сёз* «доброе слово» (букв.: «теплое слово») — *сууукъл сёз* «недоброе слово» (букв.: «холодное слово») и т. д.

К одноструктурным относятся и фразеологические антонимы, образуемые аффиксами отрицания: *кзулакългъа алыргъа* «считаться с кем-чем-либо» — *кзулакългъа алмазгъа* «не считаться с кем-чем-либо, игнорировать кого-что-либо»; *айтхан сёзюне табылыучу* «правдивый» — *айтхан сёзюне табылмаучу* «лживый».

Разноструктурные фразеологические антонимы отличаются друг от друга своим лексическим составом и синтаксической структурой. Например: *жюрегин сындырыргъа* «обидеть, оскорбить» (букв.: «сердце его унизить») — *кёлюн кётюрге* «поднять настроение»; *эки кёзюн жандырып келирге* «прийти (в гости) с пустыми руками» (букв.: «прийти вытаращив оба глаза») — *аудура-жаудура келирге* «прийти с обилием подарков» (букв.: «прийти, переваливая, вызывая дождь»); *къаргъа къабар эти болмагъан* «очень худой» (букв.: «такой, что в нем нет мяса, чтобы могла укусить ворона») — *эти терисине сыйынмагъан* «жирный, толстый» (букв.: «такой, что мясо его не вмещается в кожу»); *кёлу жукъа* «бедный, нищий» (букв.: «рука его тонкая») — *хуржуну къалын* «богатый, состоятельный» (букв.: «карман его толстый»); *кёуру кёол бла* «о госте, приехавшем с пустыми руками» — *кёюну-кёолтугъу бла* «о приехавшем с подарками» (букв.: «с пазухой и подмышками»); *жаугъа батып, сютде жуунун туругъа* «жить роскошно, зажиточно» (букв.: «жить, погрузившись в масло и купаясь в молоке») — *гыржынын жилимугъу бла тенг ашаргъа* «жить тяжело, испытывая чей-то гнет» (букв.: «свой хлеб есть вместе со своими слезами»); *ийнеге халы сууура билмеген* «женщина, не умеющая ничего делать» (букв.: «не умеющая вдевать нитку в иголку») — *кёытысындан бал тамгъан* «мастерица шить» (букв.: «такая, что с ее ножниц капает мёд»); *кёзюне-бурунуна сугъаргъа* «ласкать, целовать» (букв.: «совать себе в глаз и нос») — *кёрюп болмазгъа* «ненавидеть» (букв.: «не хотеть видеть»); *кёой ауузундан чёп юзмеген* «спокойный, безвредный (человек)» — *ичер сууунда ит ёлтюрген* «злой, жестокий (человек)» (букв.: «в своей питьевой воде убивший собаку»); *кёой териге кирирге* «притворяться смиренным» (букв.: «войти в овечью шкуру») — *бёрю териге кирирге* «быть жестоким» (букв.: «войти в волчью шкуру») и т. д.

Объем фразеологической антонимии, безусловно, меньше по сравнению с лексической. Антонимия фразеологических единиц имеет некоторое отличие и в способах выражения: фразеологизмы с противоположными значениями могут образоваться при варьировании компонентов, а также при помощи аффиксов отрицания (Ураксин, 1975, 51). Слова, не являющиеся антонимами во внефразеологическом употреблении, могут создавать в составе фразеологизмов единицы с противоположным значением. Например, в антонимической паре *ётю табанында болгъан* «трусливый, несмелый» (букв.: «такой, у которого храбрость в пятке») —

ётю жюрегинде болгъан «смелый, мужественный» (букв.: «такой, у которого храбрость в сердце») слова *табан* «пятка» и *жюрек* «сердце» не являются антонимами.

Полисемия

Некоторые исследователи считают, что во фразеологии многозначность не имеет места. По их мнению, фразеологические единицы «не обрастают новыми значениями: образная семантика не допускает варьирования значения в зависимости от контекста» (Ефимов, 1953, 23). Однако исследования по фразеологии различных языков, вышедшие за последние десятилетия, опровергают такой тезис и доказывают наличие фразеологической полисемии (Кенесбаев, 1954, 12; Рагимзаде, 1967, 12; Амосова, 1963, 93; Карданов, 1973, 229; Ураксин, 1975, 38; Хертек, 1978, 47; Текеев, 1984, 10).

Хотя и не в такой степени, как в лексике, многозначность характерна и карачаево-балкарской фразеологии. И в других языках фразеологическая полисемия несколько меньше лексической как по общему объему, так и по количеству значений отдельных единиц. Это можно объяснить сложностью структуры этих единиц: появлению у фразеологизмов переносного значения мешают образующие его словесные компоненты, также имеющие (если не в пределах фразеологизма, то по крайней мере в свободном употреблении) определенную семантику, а также обусловленность значения конкретной ситуацией и др. (Ураксин, 1975, 38).

В некоторых языках, например, в узбекском, многие фразеологизмы имеют от двух до семи значений (Рахматуллаев, 1966, 21), в карачаево-балкарском же языке количество значений многозначных фразеологизмов не превышает четырех. Примеры: *башын кётюрмезге*. 1. «опечалиться, быть мрачным». *Алай Валентина Павловна не кюлмейди, не ышармайды, не башын кётюрмейди* (Ж. Залиханов, Жаннган жюрекле, 426) «Но Вера Павловна не смеется, не улыбается, все время печалится». 2. «стесняться людей». [Бабун:] *Цехге кийим тиге билмегенлени алгъанса да, адамланы тырманларындан башымы кётюралмай квалгъанма* (Ж. Токумаев, Ауанала, 302) «[Бабун:] «В цех ты принял не умеющих шить, поэтому стыжусь от людей». 3. «трудиться неустанно». *Нёгер Батырбийни арбазында башын кётюрмей шапалыкъ этип айланады* (Э. Гуртуев, Жанбермес Асланбий, 57) «Нёгер неустанно трудится во дворе Батырбия, прислуживая за столом». 4. «не кичить»

ся, не ставить себя выше других». *Ишни алай суймеклиги, башын кётюре билмегени бла ол [Сафарбий] кесин шахтачылагъа бек суйдюргенди* (М. Жантудуев, Насыпны жулдузу, 136) «Такой любовью к труду и отсутствием кичливости он [Сафарбий] очень полюбился шахтерам»;

башын жастыкъгъа салмагъа. 1. «совсем не спать». *Биз башыбызны жастыкъгъа салмабыз* (А. Теппеев, Гуппур Геуюзню кёпюрю, 64) «Мы спать совсем не будем». 2. «не болеть». *Кесими таныгъанлы ауруп, башымы жастыкъгъа салмагъанма* (Х. Шаваев, Кюн таякъла, 72) «Сколько себя помню, еще никогда не болел»;

белин къаты къысаргъа. 1. «стараться не унывать». *Къабырладан кетип бара, Зарамукъ Исламгъа айтды: «Атасы ёлген жаш белин къаты къысады. Хайт де»* (Шуёх-лукъ, № 15, 31). «Уходя с кладбища, Зарамук сказал Исламу: «Парень, у которого умер отец, старается не унывать. Крепись». 2. «трудиться упорно». *Сен тауда биринчи ишинг мал болгъанын биллип, белни къаты къысып, хайг дерге кюреш* (С. Бабаев, Атамы китабы, 42) «Ты должен знать, что в горах твое первое дело — уход за скотом и стараться трудиться упорно»;

жолунг мамукъданды. 1. «напутствие в добрый путь». *Хайда, энди жолугъуз мамукъдан болсун, жашла* (Ж. Залиханов, Жаннган жүрекле, 328) «Давайте теперь, ребята, в добрый путь». 2. «удачи в начатом деле». *Туугъан журтум, мындан ары къууанч жашауну жолуна таукел бараса. Жолунг мамукъдан!* Толкъунла, 146) «Родина моя, ты идешь смело по пути к радостной жизни. Удачи тебе!». 3. «иди куда угодно, скатертью дорога». *Хамид, къоркъа эсенг, келме... Биз айтханнга угъаймы дейсе, жолунг мамукъдан,— деди Ахмат* (М. Шаваева, Кюн таякъла, 67) «Хамид, если боишься, не приходи... Если не согласен с тем, что мы говорили, скатертью тебе дорога»;

бети жокъду. 1. «бессовестный». *Сиз Фазиканы намысын кем этип, анга шытылы Соллоуну тийиши кёрюп келген эсегиз, сизде бет жокъду,— деди Жамбот* (Ж. Токумаев, Дертли къама, 95) «Если вы, унизив Фазику, пришли, считая слюнявого Соллоу достойным ее, то вы бессовестны,— сказал Жамбот». 2. «безжалостный». *Окъутууда, юйретиуде, школну ишин тап къурауда мени кишиге бетим жокъду* (М. Шаваева, Кюн таякъла, 102) «В обучении, воспитании и правильной организации работы школы у меня нет жалости к кому-либо».

Многозначными в основном являются фразеологические единицы со структурой словосочетаний. Это объясняется тем, что фразеологизмы «с целостным семанти-

чески преобразованным значением, включающиеся в речевой акт подобно словам как члены предложения, имеют более широкую потенциальную способность ситуативного переосмысления. Последнее свойственно им не в такой же мере, как лексическим единицам, однако именно в этом разряде фразеологии оно происходит более регулярно» (Чернышева, 1970, 102).

Как и в других языках, в карачаево-балкарском многозначность также более характерна глагольным фразеологизмам. Это объясняется прежде всего активным, динамичным характером процесса семантических сдвигов, происходящих в смысловой структуре этих фразеологизмов, а также той ведущей ролью, какую играют глагольные фразеологические единицы в речи.

Многозначность почти отсутствует во фразеологических выражениях, т. е. в пословицах и поговорках.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Лексическое богатство каждого языка выражается главным образом в разного типа словарях (Егоров, 1971, 122). Раздел языкознания, занимающийся теорией и практикой составления словарей, называется лексикографией (от греч. *lexikon* — словарь, *grapho* — пишу).

Словари бывают двух видов: **энциклопедические** и **лингвистические**. В энциклопедическом словаре описывается реалья (т. е. какой-либо предмет, явление, событие), а в лингвистическом словаре описывается слово, называющее эту реалью.

К энциклопедическим словарям относятся, например, изданные на русском языке «Большая Советская энциклопедия», «Медицинская энциклопедия», «Политический словарь», «Краткая литературная энциклопедия» и т. п.

Лингвистические словари могут описывать слово с разных сторон: со стороны значения, употребления, происхождения, произношения, написания, образования и т. д.

Предметом лексикографии являются лингвистические словари (Гужва, 1973, 112).

Как писал Л. В. Щерба, «одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о разных типах словарей» (1940, 12). Разнообразны и многочисленны типы лингвистических словарей: толковые словари, словари синонимов, словари иностранных слов, фразеологические словари, орфографические словари, диалектные словари, этимологические словари и т. д. Исследователи указывают

на наличие в русском языке более 70 типов словарей (Апажев, 1992, 267). Словари бывают одноязычные и многоязычные (чаще всего это двуязычные словари): одноязычные служат для изучения родного языка, многоязычные помогают в освоении чужих языков.

Толковые словари объясняют, истолковывают значения слов родного языка, а также показывают условия их правильного употребления (СРЯ, 1979, 69).

Задача синонимических словарей заключается в том, чтобы показать, что объединяет синонимы одного синонимического ряда и что отличает их друг от друга.

Фразеологические словари дают лексикограмматическое и экспрессивно-стилистическое толкование фразеологических оборотов языка.

Предметом объяснения словарей **иностранных слов** являются иноязычные по своему происхождению слова стилистически ограниченного употребления, осознающиеся как явно заимствованные (Шанский, 1964, 290). В соответствии с этим в словарях иностранных слов толкуются обычно самые разнообразные термины.

Задачей **этимологического** словаря является разъяснение происхождения слов того или иного языка или языковой семьи. В такого рода словарях даются указания относительно исконного или заимствованного характера слова, указывается, от какого слова оно образовано. Например, карачаево-балкарское слово *аркъан* «веревка, канат» образовано от общетюркского глагола *аркъы* «плести», «сплести», «вязать» + отглагольно-именного аффикса -н со значением орудия // средства или объекта // результата действия; карач.-балк. *эгиз* «близнец» — от тюрк. *эки* «два» + древний показатель -з со значением парности (Севортян, 1974, 175, 253).

В диалектных словарях дается лексика и фразеология какого-либо одного диалекта или всех диалектов данного языка.

Орфографические словари являются специальными справочниками по правописанию, а в **орфоэпических** словарях слова приводятся с указанием ударения и правильного произношения отдельных звуков и сочетаний звуков.

В отличие от некоторых тюркских языков составление словарей в карачаево-балкарском начато сравнительно недавно. В 1897 году народным учителем А. И. Кириченко был составлен «Русско-карачаевский словарь», который, к сожалению, не был опубликован (РКБС, 1965, 5).

Из числа дореволюционных исследователей карачаево-балкарского языка особо следует отметить В. Прёле, кото-

рый в 1908—1916 годах выпустил ряд работ по фонетическому и морфологическому строю речи карачаевцев и балкарцев. В своих работах он дал и списки слов с переводом на немецкий язык.

В те годы вышел еще один краткий словарь балкарского языка (Немет, 1911—1912), а также издана работа Н. А. Караулова, которую автор завершает небольшими русско-балкарским и балкарско-русским словарями (Караулов, 1912). Двухязычные словари издавались и позже: И. Акбаев. Тылмач. Русско-карачаевский словарь (Баталпашинск, 1926), Х. О. Лайпанов, Х. Т. Тохчуков. Русско-карачаевский словарь (Микоян-Шахар, 1941).

Общим недостатком всех выше указанных переводных словарей был их малый объем и произвольность в отборе русских слов, отсутствие системы в подаче материала. Несмотря на это, они сослужили добрую службу — помогали в изучении как русского, так и родного языка, в ликвидации неграмотности (РКБС, 1965, 5).

Первой работой большого объема по карачаево-балкарской лексикографии явился «Русско-карачаево-балкарский словарь», составленный Карачаево-Черкесским НИИ истории, филологии и экономики и изданный в Москве в 1965 году.

Этот словарь, созданный под редакцией Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева и охвативший около 35 000 слов, является двухязычным переводным нормативным словарем, и в качестве справочника был предназначен для переводчиков, работников печати, радио и телевидения, для учащихся и преподавателей школ, вузов. Он должен был служить ценным практическим пособием для карачаевцев и балкарцев при изучении русского языка. Следует отметить, что словарь вот уже три десятилетия успешно используется по своему назначению.

Данный словарь включает основную, широкоупотребительную лексику современного русского литературного языка, общественно-политическую и наиболее распространенную научно-техническую терминологию, а также устойчивые сочетания, идиоматические выражения, пословицы и поговорки. Слова снабжены грамматическими и стилистическими характеристиками.

Еще более значительным успехом карачаевских лексикографов можно считать первый «Карачаево-балкарско-русский словарь», подготовленный в Карачаево-Черкесском НИИ и изданный в Москве под редакцией Э. Р. Танишева и Х. И. Суюнчева и содержащий около 30 000 слов.

Перед составителями словаря стояла задача максимально полно представить словарный состав современного карачаево-балкарского литературного языка, а также наиболее употребительную часть разговорной лексики и архаизмы. Составители стремились как можно точнее выявить значения карачаево-балкарских многозначных слов, их употребление в составе свободных и устойчивых словосочетаний. В словарь включено большое количество фразеологизмов, поговорок, загадок.

Непосредственным материалом при составлении словаря послужила созданная в Карачаево-Черкесском НИИ картотека, насчитывающая 350 000 карточек-цитат из художественной литературы, произведений устного народного творчества, учебной и научно-популярной литературы, из периодической печати. Словарь предназначен для широкого круга читателей: преподавателей и учащихся средней и высшей школы, работников печати, радио и телевидения, а также научных работников, исследующих тюркские языки.

Недавно издан также первый «Школьный русско-балкарский словарь» (Нальчик, 1992), предназначенный в основном для учащихся балкарской восьмилетней и средней школы.

Словарь содержит более 5000 наиболее употребительных слов. В нем представлена нейтральная лексика; слова просторечные, устаревшие, узкоспециальные в словарь не включены. Слова сопровождаются развернутой грамматической характеристикой — приводятся основные грамматические формы, позволяющие, например, воспроизвести склонение имени существительного или спряжение глагола.

Самым значительным достижением карачаево-балкарских лексикографов является составленный в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте первый «Толковый словарь карачаево-балкарского языка» под редакцией проф. Ж. М. Гузеева.

Работа над словарем проводилась по инструкции, написанной проф. И. Х. Ахматовым. Базой для создания словаря послужила картотека, состоящая из миллиона карточек. Она была составлена из материалов, извлеченных из произведений современных балкарских и карачаевских писателей, фольклора и отчасти из периодической печати. Кроме того, отделом балкарского языка института для пополнения картотеки неоднократно предпринимались экспедиции по собиранию лексики (Ахматов, 1976, 3).

«Поскольку поступательное развитие литературного языка, в особенности формирование его лексико-семантиче-

ских норм, является живым процессом» (Кайдаров, 1986, 3), то в толковый словарь включена как общеупотребительная лексика балкарцев и карачаевцев, так и некоторые слова из цокающего диалекта, в первую очередь, такие, которые имеют прямое отношение к истории народа и его языка. В словарь включена и этнографическая лексика. По мнению А. А. Юлдашева, «...во-первых, эти слова выражают реалии, не имеющие в данном языке иного обозначения, во-вторых, они отражают материальную и духовную культуру данного народа, в-третьих, среди этой терминологии больше всего встречаются редкие, ранее не зафиксированные слова, представляющие помимо всего историческую ценность, в-четвертых, что самое главное, эта лексика почти во всех тюркских языках еще мало изучена как по своему составу и характеру, так и с точки зрения ее принадлежности к литературной норме» (Юлдашев, 1972, 87). О необходимости включения в словарь этнографической лексики и народных терминов пишет и Н. А. Баскаков (1976, 236).

В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка»: 1) все словарные единицы переводятся на русский язык; 2) дается краткое филологическое толкование значения слова; 3) значения и оттенки значений слов в основном иллюстрируются цитатами из печатной литературы; 4) с помощью специальных помет дается грамматическая и стилистическая характеристика слов. Словарь включает свыше 30 000 слов.

Словарь внедряет в практику научно обоснованные новые принципы лексикографирования, частично опробованные в современных словарях тюркских языков. В частности, в нем применяется практически удобный принцип лексикографирования полифункциональных слов, на одинаковых началах бытующих в рядах двух разных частей речи. Иначе говоря, слова, созданные способом конверсии (прилагательное *жылы* «теплый» и наречие *жылы* «тепло», прилагательное *къарт* «старый» и существительное *къарт* «старик» и т. п.) в «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» рассматриваются как омонимы, тогда как в одних толковых словарях они размещаются как значения тех слов, от которых они образованы, в других — как оттенки их значений, а в третьих, конверсия вовсе не отражается (Гузев, 1994, 8).

Составители словаря при лексикографировании фразеологических единиц избрали принцип размещения их в алфавитном порядке по первому слову в отличие от тех авторов,

которые располагают фразеологизмы по их опорному (стержневому) слову.

Вот два примера построения в данном словаре словарной статьи:

БОЛ эт. 1. Бывать, находиться, присутствовать, пребывать. Белгили бир жерде айлан, жюрю, тур. *Анда да бол, мында да бол, болдыржюзде юйде бол* (Нарт сёз). [Алим:] *Партизанланы таулада болгъанларын билебиз, алай таула кёпдюле* (Ж. Токумаев, Ёксюзю къадары, 12) *Къачар юйде болмагъаны себепли, аны юсюнден сёз башланмазын суююп, Шахым Хаширге кыралдан, дуниядан хапар сорду* (Хубийланы О., Жукъусуз кечеле, 116).

2. Къ. бар.² *Адамлыгъы болмагъан кийими бла танылмаз* (Нарт сёз). ☉ *Сууукъ кыш, жер юсюнде болгъан затны битеу юшютюп къояргъа умут этгенча, кюнден кюннге сууукъдан-сууукъ бола барады* (Ж. Токумаев, Ёксюзю къадары, 4) *Назмулада бла халкъ жырада болгъан ариу-лукъну, жылыуну, магъананы, эстетиканы, суратлаулары да табабыз* (Шуёхлукъ, № 60, 113).

3. Состояться, происходить, случаться / Бир ишни толлуун, жашауда бардырылыуун кёргюзтеди. *Районда алчы малчылары кенгеш болады. Шаухалны да ары чакъырадыла* (Коммунизмге жол, 1977, № 118).

4. Хватать, быть достаточным / Бир затны кёргюзтеди кереклиси чакълы, жетер чакълы бир барлыгъын. *Бир кюлюк жолгъа да ыйыкъгъа боллукъ азыкъ ал* (Нарт сёз). ☉ «*Эки жюк сени болсун, сени сабийлеринг да кёпдюле, менге бир жюк боллукъду*»,— дегенди къарт (Къарачай халкъ таурухла, 1974). «*Техниканы билгеним боллукъду*»,— деп Осман тынчайып къалмайды (Коммунизмге жол, 1979, № 204).

5. Создаваться, быть созданным, построенным / Ишлен, этил. *Келир жыл былайда школ боллукъду, алайда уа больница. Бизде да жууукъ заманда мединститут боллукъду* (Коммунизмге жол, 1970, № 108). *Анда, колхозда: сютню алычу, суутуучу жер, лаборатория, малчылагъа хамам боллукъду* (Ленинни байрагъыу, 1969, № 231).

6. Къ. къурал 1. *Шауданладан тенгиз болур* (Нарт сёз). *Бош сёз тутуш эки сёзден болады* (Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, 263).

7. Быть, стать / Болушлукъчу этим. Тилни ат кесеклери бла да, этимни иесиз формалары бла да жюрюйдю, хапарчыны грамматика категорияларын (бетни, санны, заманны, къарамчылыкъны) кёргюзтеди. // В формах *болур, болмаз* выражает предположение говорящего / Боллукъ заманны формасында келсе, сёлешген адамны айтханына

къарамын кѣргюзтеди. *Баям, была [къанатлыла] саламны чучхуп, будайны къалгъан-къулгъанларын къурт-къумурсха чѣплей болурла* (С. Теппеев, Жаралы зурнук, 18). *Бурмачан жашчыгъы, турмачыкъча, жангы тилленген къызычыгъы, Иссаны кече кюн да туурасында тура болурла* (Шаманланы М., Окъа бѣрк, 43). // Разрешается, запрещается / Бир тюрлю ишни этерге боллугъун, болмазлыгъын кѣргюзтеди. *Керек болса хазыр чюгюндюрню къол бла жюклерге боллукъду* («Ленинни байрагъы», 1973, № 18). *Чюгюндюр жизги затды, анга, хыны тьерге, сууукъ къараргъа болмайды* («Алчыла», 15). □ Боллукъ заман, грам. Будущее время / Ишни алыкъа этилмегенин, энди этиллигин кѣргюзтен кезну. *Боллукъ заманны эки тюрлюсю болады: 1) келир заман, 2) келлик заман* (Байрамукъланы А., Орусбийланы И., Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, 149).

БОЮНСА ат. 1. Ярмо / Ёгюзлени жегер ючюн агъачдан этилген хамут. *Эр бла къатын боюнса бла чомача кибикдиле* (Нарт сѣз). *Боюнсадан ычхынган ууанык кибик, Антон, чымыр Бекмурзадан къутулуп, Гъойгъумлу талагъа келди* (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 330) *Ёгюзле, къаты сыгъына, боюнсалары бла чомачалары чыкъырдай, алгъа тебиредиле* (Ж. Токумаев, Нартланы туудукълары, 30).

2. Кѣч. Бремя, тяжесть, иго / Боюнга жюк, ауурлукъ, азап. *Жау хорласа, суймегенлей Анга боюн сала эд, Зорлукъ боюнсагъа кирип, Къулу болуп къала эд* (Б. Гуртуев, Шуѣхла арасында, 86). *Юс быстырлары жамауладан толуп, зулмулукъну боюнсасына, ёгюз арбагъа жегилгенча, жегилип, [Огъурлиев] жарлылыкъдан башын ычхындыралмай айланыучу эди* (М. Геттуев, Жюрекле бла алтын къола, 28).

□ **Боюнсагъа жек.** Угнетать / Эз, зулмулукъ сынат, залимлик эт. *Акъ къазакъ офицерле, меньшевикле эм эсерле байлыкълары бла жарлы халкъны энтдада боюнсагъа жегип туругъа акъыл этген бир къауум кюйсюзню тѣгерегине жыйылдыла* (Ж. Залиханов, Тау къушла, 139).

Фразеологические словари карачаево-балкарского языка начали издаваться недавно. Первый такой словарь, составленный И. К. Текеевым и вышедший в Черкесске в 1984 году, охватывает 3000 фразеологизмов карачаевского языка без учета фразеологических оборотов, бытующих только в языке балкарцев. Предназначенный для учащихся школ, этот словарь, несмотря на некоторые недостатки, широко используется журналистами, работниками печати, учителями родного языка и студентами.

Наиболее полный «Фразеологический словарь карачае-

во-балкарского языка» составлен З. К. Жарашуевой и издан в Нальчике в 1995 году. В словарь вошло более 5000 фразеологических единиц. В него включены и некоторые карачаево-балкарские пословицы и поговорки. Почти все словарные единицы снабжены иллюстрациями из произведений карачаевских и балкарских писателей, а также из фольклора и публицистики. Просторечные, книжные и устаревшие фразеологизмы сопровождаются соответствующими пометами. Некоторые обороты снабжены этимологической справкой.

Приведем два примера составления словарной статьи из фразеологического словаря З. К. Жарашуевой:

193. **Баш тутаргъа кыйналмай, керегин табып жашаргъа, юйюрюн кечиндирирге.** *Жаш заманында, оу-шау эте, къалай болду эсе да башымы тутаргъа кюрешдим* (Аппаланы Х., Къара кюбюр, 37). — *Мен ол тенглени тенгнге санамайма, аладан эсе мен иги баш тутама, мен аладан онглума, мени ала бла тенглешидирме,— деди Таташ* (Хубийланы М., Алан, 25).

910. **Боюнуна алыргъа.**

1. ишни этерге, толтурургъа, кеси ыразылыгъы бла борчлу болургъа. [Тимоша:] «*Охо, Шахадат, Сеидланы ишлерин бу ыйыкъда кзураргъа мен боюнума алама. Экинчи ыйыкъда уа бизни тоюбузну этербиз*» (И. Боташев, Пьесала, 141) — *Оноу этейик. Каммайны жууукълугъун тийишли кърмей эсек, алыкъа кеч туююлдо... Юйге къайтарайыкъ Асиятны. Аны мен боюнума алама* (Ж. Токумаев, Къурч бюгюлмейди, 91).

2. терслигине женгдирирге (сюдде, халкъны аллында). *Эндиге дери къайда ишлегеними санга айтмай тургъаным ючюн а, терслигими боюнума алама. Жюрегинги кыйнаргъа сюймеген эдим,— деди Идрис Азизагъа* (Х. Шаваев, Ыйыкъны ахыр кюню, 201).

Как известно, балкарцы и карачаевцы не имеют до сих пор единых орфографических правил. Это затрудняет составление единых орфографических словарей для всех носителей карачаево-балкарского языка. В 1930 году А. Чанкаевым был издан в Микоян-Шахаре орфографический словарь карачаевского языка, а в 1977 году вышел в Нальчике орфографический словарь балкарского языка Х. М. Теммоева. В 1982 году опубликован первый полный орфографический словарь современного карачаево-балкарского языка. Авторы-составители Ж. М. Гузеев и Б. Т. Созаев включили в него около 63 000 литературных, просторечных, диалектных и отчасти устарелых слов.

Словарь охватывает почти всю лексику, употребляемую как балкарцами, так и карачаевцами, поэтому он может служить единым руководством для правильного написания карачаево-балкарских слов и их форм в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Из других карачаево-балкарских лингвистических словарей следует назвать «Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии» П. С. Рототаева (Нальчик, 1969) и «Балкарский топонимический словарь» Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева (Нальчик, 1970), в которых даны этимологии некоторых названий.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1952 — *Абаев В. И.* История языка и история народа // Вопросы теории и истории языка... М., 1952.

Абаев 1957 — *Абаев В. И.* О подаче омонимов в словаре // 1957. № 3.

Абаев 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.

Абдулдаев 1982 — *Абдулдаев Э.* Об освоении и нормах употребления русских и советско-интернациональных лексических заимствований в киргизском языке // Сравнительно-типологические исследования русского и киргизского языков. Фрунзе, 1982.

Абдуллаева 1979 — *Абдуллаева Л.* Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. Ташкент, 1979.

Аванесов 1962 — *Аванесов Р. И.* Учение о языке и диалекте // ВЯ. 1962. № 6.

Акбаев 1963 — *Акбаев Ш. Х.* Фонетика диалектов карачево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963.

Алгимбаева 1988 — *Алгимбаева Р. А.* Структура фразеосочетаний, включающих наименования животных, в русском, казахском и французском языках // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая. 1988. № 2.

Алиев 1972 — *Алиев У. Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка М., 1972.

Амосова 1963 — *Амосова Н. Н.* Основы фразеологии английского языка. Л., 1963.

Амосова 1966 — *Амосова Н. Н.* Современное состояние и перспективы фразеологии // ВЯ, 1966. № 3.

Антонов 1967 — *Антонов Н. К.* Саха билини тылы лексиката. Якутск, 1967.

Апажев 1992 — *Апажев М. Л.* Проблемы кабардинской лексики. Пальчик, 1992.

Ализаде 1979 — *Ализаде З. А.* Отношение пословиц и поговорок к фразеологии (на примере азербайджанского языка) // Советская тюркология. Баку, 1979. № 2.

Аппаев 1960 — *Аппаев А. М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Пальчик, 1960.

Апресян 1957 — *Апресян Ю. Д.* К вопросу о значении фразеологических единиц // ИЯШ, 1957. № 6.

Апресян 1957 — *Апресян Ю. Д.* Проблема синонима // ВЯ, 1957. № 6.

Архангельский 1955 — *Архангельский В. Л.* Некоторые вопросы русской фразеологии в связи с историей ее изучения // Ученые записки Ростовского-на-Дону пединститута. 1955. Вып. 4.

Архангельский 1964 — *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. (Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии). Ростов, 1964.

Ахманова 1957 — *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Ахматов 1976 — *Ахматов И. Х.* Инструкция для составления «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка». Нальчик, 1976.

Ахматов 1984 — *Ахматов И. Х.* Рец. на кн.: Гузеев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984 // Советская тюркология. 1984. № 6

Ахметжанова 1988 — *Ахметжанова Ф. Р.* Фразеологические единицы типа «относительные прилагательные плюс существительные» в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988.

Ахтямов 1966 — *Ахтямов М. Х.* Проблемы омонимии в современном башкирском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

Ахунзянов 1974 — *Ахунзянов Г. Х.* Идиомы (исследование на материале татарского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1974.

Ахунзянов 1978 — *Ахунзянов Э. М.* Двужычие и лексико-семантическая интерференция. Казань, 1978.

Ахунзянов 1965 — *Ахунзянов Э. М.* Русские кальки в татарском литературном языке // Вопросы татарского языкознания. Кн. 2. Казань, 1965.

Бабаев 1963 — *Бабаев К.* Идиомы в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1963.

Бабаев 1972. — *Бабаев С. К.* Осетинско-карачаево-балкарские лексические параллели // Альманах «Шуёхлукъ». Нальчик, 1972. № 1 (на балк. яз.).

Бабкин 1964 — *Бабкин А. М.* Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л., 1964.

Бабкин 1968 — *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая обработка. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968.

Бажина 1956 — *Бажина И. Н.* Грамматическое оформление русских слов в киргизском языке // Труды института языка и литературы. Вып. 7. Фрунзе, 1956.

Байжанов 1985 — *Байжанов Б.* Антонимы в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1985.

Байрамов 1970 — *Байрамов Г. А.* Основы фразеологии азербайджанского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1970.

Бардаев 1985 — *Бардаев Э. Ч.* Современный калмыцкий язык: Лексикология. Элиста, 1985.

Баскаков 1981 — *Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

Баскаков 1976 — *Баскаков Н. А.* Этнографическая лексика и терминология в национально-русских словарях (на материале тюркских языков) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. М., 1976.

Башиева 1987 — *Башиева С. К.* Некоторые проблемы фразеологической стилистики карачаево-балкарского языка // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987.

Башиева 1980 — *Башиева С. К.* Стилистическое использование лексико-фразеологических средств карачаево-балкарского языка Кайсыном Кулевым и его отражение в русских переводах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1980.

Баялиев 1972 — *Баялиев А.* Киргизские народные термины промысловой охоты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1972.

Бгажноков 1978 — *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

Бекджанова 1967 — *Бекджанова Р.* Омонимы в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1967.

Береснев 1960 — *Береснев С. Д.* Терминологическая фразеология // Вопросы частной лингвистики. Тр. кафедры ин. яз. Свердловского гос. мед. ин-та. 1960. Вып. 29.

Бинович 1952 — *Бинович Л.* О многозначности идиом // Иностраный язык в школе. 1952. № 5.

Благова 1974 — *Благова Г. Ф.* Причуды заимствования // Советская тюркология. 1974. № 5.

Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

Бозиев 1965 — *Бозиев А. Ю.* Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.

Бояркин 1987 — *Бояркин В. Д.* Фразеологические единицы с ономастическим компонентом в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1987.

Будагов 19586 — *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1958.

Будагов 1958а — *Будагов Р. А.* Многозначность слова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. № 1.

Будаев 1991 — *Будаев А. Ж.* Общие сведения о карачаевцах и балкарах, о карачаево-балкарском языке // Проблемы обучения родному и русскому языкам в балкарских и карачаевских школах. Нальчик, 1991.

Будаев, Узденова 1987 — *Будаев А. Ж., Узденова Л. А.* Рекомендации по унификации грамматической терминологии карачаево-балкарского языка в школьных учебниках. М., 1987.

Булаховский 1954 — *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. М., 1954. Ч. 2.

Бурганова, Махмутова 1959 — *Бурганова Н. Б., Махмутова Л. Т.* Русско-татарский фразеологический словарь. Казань, 1959.

Взаимодействие 1969 — Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969.

Винокур 1939 — *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, филологии и литературы. Т. 5. Сборник статей по языкознанию. М., 1939.

Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины: Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977.

Виноградов 1953 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слов // ВЯ, 1953. № 5.

Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1947.

Галкина-Федорук 1958 — *Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В. Шанский Н. М.* Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. 2 изд. М., 1958.

Ганиев 1975 — *Ганиев А.* Разработка конкретных методов исследования фразеологии в советском языкознании // Востоковедение. Языкознание: Научные труды Ташкентского госуниверситета. Ташкент, 1975. Вып. 480.

Гвоздев 1955 — *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.

Гочияева, Темирова 1982 — *Гочияева С. А., Темирова Р. Х.* К вопросу о языковых отношениях в Карачаево-Черкесии // Вопросы языковых контактов (Северокавказский ареал). Черкесск, 1982.

Грамматика 1976 — Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976.

Гужва 1973 — *Гужва Ф. К.* Современный русский литературный язык. Киев, 1973.

Гузев 1975 — *Гузев Ж. М.* К вопросу о фонетическом освоении русской лексики в карачаево-балкарском языке // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. 27. Серия филологическая. Нальчик, 1975.

Гузев 1994 — *Гузев Ж. М.* Предисловие к «Толковому словарю карачаево-балкарского языка». Нальчик, 1994. Т. 1.

Гузев 1984 — *Гузев Ж. М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984.

Гузев 1985 — *Гузев Ж. М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985.

Гузев 1984б — *Гузев Ж. М.* Тюркская фразеология и ее лексикографическая разработка // Советская тюркология. 1984. № 6.

Даибова 1973 — *Даибова К. Х.* Фразеология кумыкского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Дешериев 1966 — *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

Джабосв 1979 — *Джабосв Ю. Х.* Роль русского языка в обогащении карачаево-балкарской лексики в советский период // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1979. Вып. 1.

Доскараев 1958 — *Доскараев Ж.* Материалы профессиональной лексики в языке аральских и каспийских рыбаков // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1958. Вып. 1, (на казах. яз.).

Евгеньсва 1960 — *Евгеньсва А. П.* Выступление на дискуссии по омонимии // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4.

Егоров 1971 — *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971.

Емельянов 1962 — *Емельянов Н. В.* Якутские пословицы и поговорки. Якутск, 1962.

Емузов 1986 — *Емузов А. Г.* Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1986.

Ефимов 1969 — *Ефимов А. И.* Стилистика русского языка. М., 1969.

Ефимов 1957 — *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М., 1957.

Ефимов 1953 — *Ефимов А. И.* Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.

Жабелова 1986 — *Жабелова Л. Ж.* Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1986.

Жаппуев 1974 — *Жаппуев А. А.* Термины земледелия в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.

Жарашуева 1973 — *Жарашуева З. К.* Вопросы фразеологии современного карачаево-балкарского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1973.

Жарашуева 1968 — *Жарашуева З. К.* Материалы по карачаево-балкарской фразеологии. Нальчик, 1968.

Жуков 1967 — Жуков В. П. Фразеологизм и слово. (На материале современного русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1967.

Забитов 1983 — Забитов С. М. Арабские заимствования в лезгинском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1983.

Закирьянов 1985 — Закирьянов К. З. Русские заимствования в составе башкирской лексики // Тюркское языкознание: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент: Фан, 1985.

Зиннатуллина 1988 — Зиннатуллина З. Г. Фразеологические словосочетания (ФС) татарского языка // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. Казань, 1988.

Ибрагимов, Асамутдинова 1958 — Ибрагимов С., Асамутдинова М. Отражение профессиональной лексики в «Девону лугат-ит тюрк» и «Кудадгу билиг» // Советская тюркология. Баку, 1972. № 1.

Иванова 1982 — Иванова В. А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.

Исаев 1964 — Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964.

Исенгалиева 1966 — Исенгалиева В. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. Алма-Ата, 1966. 245 с.

Ишбердин 1986 — Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986.

Кайдаров 1986 — Кайдаров А. Т. Инструкция по составлению казахско-русского словаря. Алма-Ата, 1986.

Калинин 1978 — Калинин А. В. Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978.

Калинин 1960 — Калинин А. В. Русская лексика. М.: Изд-во МГУ, 1960.

Караулов 1912 — Караулов Н. А. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар» // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1912. № 42.

Карданов 1973 — Карданов Б. М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик, 1973.

Кациев, Малкандуев 1961 — Кациев Х. Х., Малкандуев Х. С. Русско-балкарский политико-герминологический словарь. Нальчик, 1961.

КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь / Под редакцией Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М., 1989.

Квятковский 1966 — Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966.

Кенесбаев 1944 — Кенесбаев С. К. Устойчивые сочетания слов казахского языка (парные слова, идиомы и фразы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1944.

Кенесбаев 1977 — Кенесбаев С. К. Фразеологический словарь казахского языка. Алма-Ата, 1977.

Киреева 1960 — Киреева Л. Ф. Устойчивые словосочетания прилагательного с определяемым существительным в терминологической функции // Научные зап. Днепронетровского госуниверситета. 1960. Вып. 17. Т. 70 (сборник работ филолог. факультета).

Кирсанова 1961 — Кирсанова Н. А. К вопросу о соотношении фразеологической единицы и слова // Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961.

Климов, Шагилов 1990 — Климов Г. А., Шагилов А. К. Общекавказское название плуга // Лексико-грамматические особенности языков Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.

Коготкова 1979 — Коготкова Т. С. Русская диалектология. М., 1979.

Кожина 1983 — *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.

Коков 1973 — *Коков Дж. Н.* Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973.

Коков, Шахмурзаев 1970 — *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

Комиссаров 1957 — *Комиссаров В. Н.* Проблема определения термина // ВЯ, 1957. № 2.

Кравцова 1980 — *Кравцова С. И.* Фразеологические единицы со значением количества в русском языке (в сопоставлении с украинским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1980.

КРС 1965 — Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М., 1965.

Крысин 1984 — *Крысин Л. П.* Лексическое заимствование // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). М., 1984.

Кузнецова 1989 — *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1989.

Кунин 1972 — *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М., 1972.

Лагутина 1967 — *Лагутина А. В.* Абсолютные синонимы в синонимической системе языка // Лексическая синонимия. М., 1967.

Ларин 1956 — *Ларин Б. А.* Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1956.

Магомедханов 1972 — *Магомедханов М. М.* Очерки по фразеологии аварского языка. Махачкала, 1972.

Магомедханов 1988 — *Магомедханов М. М.* Фразеологические единицы в терминологии животного мира в карахском диалекте аварского языка // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала, 1988.

Малкондуева 1970 — *Малкондуева А. З.* Многозначность глаголов в современном караево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1970.

Марданов 1983 — *Марданов Ш. К.* О типах русских калек в узбекском литературном языке // Советская тюркология. 1983. № 1.

Меметов 1988 — *Меметов А. М.* Источники формирования лексики крымско-татарского языка. Ташкент, 1988.

Мокиенко 1980 — *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1980.

Молотков 1986 — *Молотков А. И.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.

Муратов 1961 — *Муратов С. Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.

Мусабаев 1960 — *Мусабаев Г. Г.* Лексика современного казахского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1960.

Мусабаев 1959 — *Мусабаев Г. Г.* Современный казахский язык. I. Лексика. Алма-Ата, 1959.

Мусаев 1975 — *Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

Мусаев 1984 — *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.

Мусукаев 1984 — *Мусукаев Б. Х.* Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик, 1984.

Мусукаев 1981 — *Мусукаев Б. Х.* Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981.

Назаров 1973 — *Назаров О.* Сопоставительный анализ соматических

фразеологизмов русского и туркменского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1973.

Наурузбаева 1972 — *Наурузбаева С. Т.* Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре. Ташкент, 1972.

Нелунов 1979 — *Нелунов А. Г.* Глагольная фразеология якутского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1979.

Немет 1911—1912 — *Nemeth G.* Kumükisches und Balkarisches Wörterverzeichnis. Keleti Szemle, XII (1—2). Budapest, 1911—1912.

Новицкая 1986 — *Новицкая В. В.* Фразеологизмы с количественным значением в современном русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1986.

Оруджев 1976 — *Оруджев А. А.* Азербайджанско-русский фразеологический словарь. Баку, 1976.

Орузбаева 1964 — *Орузбаева Б. О.* Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964.

Осмонова 1969 — *Осмонова Ж.* Идиомы в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1969.

Отаров 1987 — *Отаров И. М.* Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987.

Отаров 1978 — *Отаров И. М.* Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви). Нальчик, 1978.

Отаров, Тешева 1992 — *Отаров И. М., Тешева И. Ж.* Семантические схождения в языках кабардинцев и балкарцев // Ошшамахо. 1992. № 1.

Пазов 1982 — *Пазов С. У.* Объем фразеологии абазинского языка // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.

Палевская 1964 — *Палевская М. Ф.* Синонимы в русском языке. М., 1964.

Прёле 1909 — *W. Prohle.* Karatschaisches Wörterverzeichnis, Keleti Szemle. Budapest. 1909. Bd. 10. 83—150.

Прёле 1914—1915 — *W. Prohle.* Balkarische Studien I, Keleti Szemle. Budapest. 1914—1915. Bd. 15. S. 164—276 (Vorwort, S. 165—167; I. Laut und Formenlehre. S. 167—196; II. Wörterverzeichnis. S. 196—270).

Рагимзаде 1967. — *Рагимзаде Н. Р.* Идиоматические выражения в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1967.

Рахимова 1983 — *Рахимова Р. К.* Татарская профессиональная лексика. Казань, 1983 (на тат. яз.).

Рахматуллаев 1966 — *Рахматуллаев Ш.* Некоторые вопросы узбекской фразеологии: Автореф. дис. ... филол. наук. Ташкент, 1966.

Реформатский 1960 — *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1960.

РКБС 1965 — Русско-карачаево-балкарский словарь / Под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М., 1965.

Ройзензон, Пеклер 1965 — *Ройзензон Л. И., Пеклер М. А.* Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии // Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965.

РРР 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.

Сайфуллин 1953 — *Сайфуллин Ч. Г.* Устойчивые словосочетания в современном уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.

Сакиев 1959 — *Сакиев М. М.* Тюркская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск, 1959. Вып. 3 (филологическая серия).

Салимгареева 1972 — Салимгареева Б. С. Онимы в современном татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1972.

Севортян 1974 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

СМОМПК 1890 — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1890. Вып. 10.

Сорокин 1965 — Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90 гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965.

Соттаев 1970 — Соттаев А. Х. Русско-интернациональная лексика, заимствованная через русский язык в карачаево-балкарский // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1970. Вып. 2.

Столбунова 1985 — Столбунова С. В. Фразеологические единицы со значением времени в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

СРЛЯ 1988 — Современный русский литературный язык. М.: Высшая школа, 1988.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. 1974. Вып. 10; Л., 1982. Вып. 18.

СРЯ 1979 — Современный русский язык. Ч. 1. Под ред. Д. Э. Роленталя. М.: Высшая школа, 1979.

Суюнчев 1977 — Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.

Сычева 1973 — Сычева В. Семантические особенности арабо-персидских заимствований в гагаузском языке // Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков М., 1973.

СТЛЯ 1969 — Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969.

СЭС 1979 — Советский энциклопедический словарь. М., 1979.

Тагиев 1966 — Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966.

Тагиев 1965 — Тагиев М. Т. Краткий русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 1965.

Текеев 1984 — Текеев И. К. Фразеологический словарь карачаевского языка. Черкесск, 1984 (на карач. яз.).

Текуев 1979 — Текуев М. М. Некоторые табу и эвфемизмы в карачаево-балкарском языке // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Вып. 1. Нальчик, 1979.

Телия 1979 — Телия В. Н. Фразеологизм // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Телия 1966 — Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966.

Терегулова 1957 — Терегулова Р. Н. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957.

Толикина 1966 — Толикина Е. Н. О природе и характере синонимических связей фразеологической единицы и слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966.

Трубачев 1966 — Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

Тулекова 1975 — Тулекова С. Фразеологизмы со значениями доброты и зложелания в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.

Улаков 1994 — Улаков М. З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1994.

Улаков 1992 — Улаков М. З. Социальные функции карачаево-балкарского языка // Проблемы экологии, экономики и культуры народов Северного Кавказа (Сборник трудов). Нальчик, 1992.

Улаков 1987а — Улаков М. З. Стилистическая дифференциация лексики карачаево-балкарского языка (функциональный аспект). Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987.

Улаков 1983 — Улаков М. З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1983.

Улаков 1987б — Улаков М. З. Эмоционально-экспрессивная окраска лексики карачаево-балкарского языка // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987.

Умаров 1970 — Умаров Э. А. Рец. на кн.: З. К. Жарашуева. Материалы по карачаево-балкарской фразеологии // Советская тюркология. 1970. № 2.

Ураксин 1975 — Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1975.

Ураксин 1975 — Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975.

Уфимцева 1962 — Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.

Ушаков 1939 — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3.

Фелицина 1964 — Фелицина В. П. О пословицах и поговорках как материале для фразеологического словаря // Проблемы фразеологии: Исследования и материалы. М.; Л., 1964.

Филин 1975 — Филин Ф. П. Некоторые вопросы функционирования и развития русского языка // ВЯ. 1975. № 3.

Филоненко 1957 — Филоненко В. И. Загадки горцев Северного Кавказа // Учен. зап. ПГПИ. 1957. Т. 15.

Фомина 1983 — Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1983.

Хабибов 1984 — Хабибов Л. Г. Структурно-семантические особенности антонимов в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1984.

Хабичев 1980 — Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Закавказья. Черкесск, 1980.

Хабичев 1982 — Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.

Хаджилаев 1979 — Хаджилаев Х.-М. И. О различиях в лексике карачаево-балкарского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка // Советская тюркология, 1979.

Хаджилаев 1970 — Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

Хайруллин 1991 — Хайруллин М. Б. Некоторые вопросы единства интернационального и национального в разносистемных языках. Казань, 1991.

Хертек 1975 — Хертек Я. Ш. Фразеология современного тувинского языка (опыт предварительного описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.

Хертек 1975 — Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл, 1975.

Хертек 1978 — Хертек Я. Ш. Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978.

Цагаева 1972 — Цагаева А. Д. Тюркско-монгольский слой в топонимике Северной Осетии // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та. Нальчик, 1972. Вып. 5.

Цой 1957 — Цой А. К. К вопросу о лексических заимствованиях из русского языка в узбекском языке // Труды Узбекского государст-

вского университета им. Алишера Навои. Новая серия, выпуск 79, кафедра русского языка. Самарканд, 1957.

Чернов 1975 — *Чернов М. Ф.* Краткий русско-чуваши́ский фразеологический словарь. Чебоксары, 1975.

Чернов 1980 — *Чернов М. Ф.* Чуваши́ские фразеологизмы с устаревшей лексикой // Проблемы исторической лексикологии чуваши́ского языка. Чебоксары, 1980.

Чернов 1985 — *Чернов М. Ф.* Фразеология современного чуваши́ского языка. Чебоксары, 1985.

Чернышева 1970 — *Чернышева И. И.* Фразеология современного ижемецкого языка. М., 1970.

Шаахмедов 1974 — *Шаахмедов Э.* Вопросы калькирования с русского на узбеки́ский язык: Автореф. канд. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1974.

Шаги́ров 1962 — *Шаги́ров А. К.* Очерки по сравнительной лексикологии ады́гских языков. Нальчик, 1962.

Шанский 1963 — *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М., 1963.

Шанский 1964 — *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. М., 1964.

Шмелев 1977 — *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977.

Шор 1977 — *Шор Ф.* Структурные, типологические и семантические соответствия фразеологических единиц в русском и молда́вском языках // Труды Самаркандского госуниверситета. Новая серия. Вып. 339. Вопросы фразеологии. 11. Самарканд, 1977.

Шоштаев 1973 — *Шоштаев Б. И. К.* вопросу о карачаево-балкарских и осетинских лексических параллелях // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Серия филологическая. Черкесск, 1973. Вып. 7.

Шукуров 1973 — *Шукуров Р.* Лексико-семантическая природа антонимов узбеки́ского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973.

Щерба 1940 — *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР, ОЛЯ. 1940. № 3.

Эмирова 1971 — *Эмирова А. М.* Об антонимических противопоставлениях в сфере фразеологии // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). Ч. 1. Новгород, 1971.

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков. Под ред. Л. С. Левитской. М.: Наука, 1989.

Юлдашев 1972 — *Юлдашев А. А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

Юнусалиев 1959 — *Юнусалиев Б. М.* Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959. Ч. 1.

Юсупов 1980 — *Юсупов Р. А.* Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980.

Словари, использованные в работе

Абашев Д. Д. и *Черемисов К. М.* Краткий русско-бурят-монгольский словарь. Улан-Удэ, 1941.

Баскаков Н. А., Насилов В. М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

Гагаузско-русско-молда́вский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1973.

Гузев Ж. М., Созаев Б. Т. Орфографический словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1982.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Жарашуева З. К. Фразеологический словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1995.

Жарашуева З. К. Школьный фразеологический словарь балкарского языка. Нальчик, 1994.

Кабардинско-русский фразеологический словарь / Сост. Б. М. Карданов. Нальчик, 1968.

Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М., 1989.

Кенесбаев С. Фразеологический словарь казахского языка. Алма-Ата, 1977 (на казах. яз.).

Кумыкско-русский словарь / Сост. А. Г. Магомедов. М., 1969.

Ногайско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.

Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970.

Персидско-русский словарь / Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970.

Т. 1—2.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911.

Т. 1—4.

Русско-абазинский словарь / Под ред. Х. Д. Жирова и Н. Б. Экба. М., 1956.

Русско-адыгейский словарь / Под ред. Х. Д. Водождокова. М., 1960.

Русско-азербайджанский словарь / Под ред. Г. Гусейнова. 1940,

Т. 1; 1941, Т. 2; 1943, Т. 3; 1946, Т. 4. Баку.

Русско-алтайский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1964.

Русско-арабский словарь / Сост. В. М. Борисов. М., 1967.

Русско-башкирский словарь. М., 1964.

Русско-кабардинско-черкесский словарь / Сост. Б. М. Карданов и А. Т. Бичоев. М., 1955.

Русско-карачаево-балкарский словарь / Под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М., 1965.

Русско-казахский словарь / Под ред. Н. Т. Сауранбаева. М., 1954.

Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И. К. Илишкина. М., 1964.

Русско-каракалпакский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1967.

Русско-киргизский словарь / Под ред. К. К. Юдахина. М., 1957.

Русско-кумыкский словарь / Под ред. З. З. Бамматова. М., 1960.

Русско-монгольский словарь / Под ред. Г. Д. Санжеева. М., 1960.

Русско-ногайский словарь / Под ред. проф. Н. А. Баскакова. М., 1956.

Русско-персидский словарь / Сост. И. К. Овчинников и др. М., 1965.

Русско-татарский словарь. 1955, Т. 1; 1956, Т. 2; 1958, Т. 3; 1959, Т. 4. Казань.

Русско-тувинский словарь / Под ред. Д. А. Монгуша. М.: Рус. язык, 1980.

Русско-турецкий словарь / Сост. Д. А. Магазаник и М. С. Михайлов. М., 1943.

Русско-туркменский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова и М. Я. Хамзаева. М., 1956.

Русско-узбекский словарь / Под ред. Р. Абдурахманова. М., 1954.

Русско-чувацкий словарь / Сост. В. Г. Егоров. Чебоксары, 1960.

Русско-якутский словарь / Под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитоновна. М., 1968.

Тхаркахо Ю. А. Фразеологический словарь адыгейского языка. Майкоп, 1980.

Уйгурско-русский словарь / Под ред. Ш. Кабирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

абаз.	— абазинское слово
адыгейск.	— адыгейское слово
азерб.	— азербайджанское слово
алт.	— алтайское слово
араб.	— арабское слово
балк.	— балкарское слово
болг.	— болгарское слово
башк.	— башкирское слово
букв.	— буквально
бурят.	— бурятское слово
гагауз.	— гагаузское слово
д. а. к.	
— и так далее	
диал.	— диалектное слово
досл.	— дословно
ед. ч.	— единственное число
каб.	— кабардинское слово
каб.-черк.	— кабардино-черкесское слово
казах.	— казахское слово
калм.	— калмыцкое слово
каракалп.	— каракалпакское слово
карач.	— карачаевское слово
карач.-балк.	— карачаево-балкарское слово
кирг.	— киргизское слово
крым.-тат.	— крымско-татарское слово
кумык.	— кумыкское слово
лит.	— литературное слово
мн. ч.	— множественное число
монг.	— монгольское слово
ног.	— ногайское слово
ойр.	— ойротское слово
осет.	— осетинское слово
перен.	— переносное значение
перс.	— персидское слово
посл.	— пословица
рус.	— русское слово
сван.	— сванское слово
тат.	— татарское слово
тел.	— телеутское слово
тув.	— тувинское слово
тур.	— турецкое слово
туркм.	— туркменское слово
убых.	— убыхское слово
узб.	— узбекское слово
уйг.	— уйгурское слово
устар.	— устаревшее слово
хак.	— хакасское слово
ц. д.	— цокающий диалект
якут.	— якутское слово

Транскрипция

ё — знак для обозначения широкого губного переднего гласного звука.

ю — знак для обозначения узкого губного переднего гласного звука

къ — знак для обозначения заднеязычного смычного глухого согласного звука

гъ — знак для обозначения заднеязычного фрикативного звонкого согласного звука

нг — знак для обозначения заднеязычного сонорного носового звука

э — знак для обозначения звука э татарского, азербайджанского и других языков

и — знак для обозначения казахского і

й — знак для обозначения азербайджанского и алтайского ј

х — знак для обозначения персидского һ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ В ЛЕКСИКОЛОГИЮ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА	3
Предмет и задачи лексикологии	—
ЛЕКСИКА. СЕМАСИОЛОГИЯ	7
Слово как единица лексической системы языка	—
Изучение слова в разных разделах языкознания	8
Слово и понятие	9
Полисемия	10
Омонимы	16
Синонимы	25
Антонимы	33
ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ	41
Основной словарный фонд и словарный состав карачаево-балкарского языка	—
Лексика тюркского происхождения	43
Источники развития лексики карачаево-балкарского языка	53
Внутренние источники развития лексики	—
Внешние источники развития лексики	55
Заемствования из арабского и персидского языков	56
Заемствования из языков соседних народов	69
Заемствования из осетинского языка	70
Заемствования из кабардино-черкесского языка	73
Карачаево-балкарские слова в языках соседних народов	76
Заемствования из русского языка	82
Освоение русских заимствований	86
Калькирование	92
ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ	96
Общепринятая лексика	—
Диалектная лексика	97
Профессионально-терминологическая лексика	106
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА	109
Межстилевая лексика	110
Разговорно-бытовая лексика	112
Книжная лексика	115
Устаревшие слова и неологизмы	118
Историзмы	119
Архаизмы	122
Неологизмы	123
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ	124
Введение в карачаево-балкарскую фразеологию	—

К истории вопроса	—
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА	127
Основные признаки фразеологической единицы и объем фразеологии	—
Фразеологизм и слово	128
Фразеологическая единица и свободное словосочетание	131
Пословицы, поговорки и фразеологические единицы	134
Составные термины и фразеологические единицы	138
Аналитические глаголы и фразеологические единицы	140
Парные слова и фразеологические единицы	141
СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА	142
Фразеологические сращения	144
Фразеологические единства	146
Фразеологические сочетания	150
ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	151
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ	166
Субстантивные модели фразеологизмов	167
Адъективные модели фразеологизмов	169
Глагольные модели фразеологизмов	171
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ	178
Фразеологизмы, общие для тюркских языков	180
Фразеологические кальки и полукальки	188
ЯВЛЕНИЯ СИНОНИМИИ, ВАРИАНТНОСТИ, ПОЛИСЕМИИ И АНТОНИМИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ	190
Фразеологические синонимы и фразеологические варианты	—
Антонимия	193
Полисемия	195
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	197
ЛИТЕРАТУРА	206
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	217

Научное издание

Отаров Исмаил Магометович

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
ЯЗЫКА

Редактор *А. М. Башиев*

Художественный редактор *Ю. М. Алиев*

Технический редактор *Н. М. Мокаева*

Корректоры:

Г. Г. Тырнавская, Т. П. Ульбашева

ЛКБ № 1 от 30.09.91

Сдано в набор 19.09.95. Подписано к печати 29.02.96. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 13,33. Тираж 500 экз. Заказ № 2512.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Мининформпечати КБР
Нальчик, при. Ленина, 33

ДЛЯ ЗАМЕТОК